

А. В. Ганин

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ГЕНЕРАЛА СЕЛИВАЧЁВА: НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ЮГЕ РОССИИ¹

Переломная и трагическая эпоха начала XX века богата на непростые судьбы. Это утверждение особенно справедливо в отношении офицеров русской армии, оказавшихся перед сложнейшим выбором — с кем быть в годы братоубийственной Гражданской войны. Однако, даже по меркам Гражданской войны, довольно необычной кажется судьба русского генерала и советского военного специалиста Владимира Ивановича Селивачёва, погибшего в годы Гражданской войны при обстоятельствах, которые до сих пор остаются загадкой для историков.

Имя этого выдающегося военного деятеля России, участника русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн, до сих пор было незаслуженно забыто. Думается, немалую роль в этом сыграл тот факт, что Селивачёв в 1919 г. был выдвинут на вершину советского военного Олимпа Л. Д. Троцким, чье имя позднее также оказалось на десятилетия вычеркнуто из истории Гражданской войны и Красной армии.

В работах исследователей лишь изредка цитировались небольшие фрагменты дневников Селивачёва за 1917 год, опубликованные в журнале «Красный архив» в 1925 г. другим незаурядным советским военным специалистом, бывшим Генштаба полковником Н. Е. Какуриным и отражавшие от-

---

¹ Публикация подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) в рамках проекта № 11-31-00 350a2 «Военная элита в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.». Выражаю благодарность к. и. н. О. Р. Айрапетову, к. и. н. В. Б. Каширину, А. С. Кручинину, к. и. н. В. В. Поликарпову, И. М. Разиной, М. А. Хайрулину, д. и. н. В. Ж. Цветкову за ценные рекомендации. Схемы подготовлены О. Е. Алпеевым.

ношение Селивачёва к императорской власти и революции. Неопубликованная и большая часть дневников генерала, как и другие документы, связанные с его деятельностью, оставались невостребованными и забытыми.

Предлагаемый вниманию читателей очерк не ставит своей задачей полное и всестороннее жизнеописание Селивачёва. Основное внимание мы уделили периоду Гражданской войны, с которым связаны наиболее загадочные страницы биографии генерала. Служба Селивачёва до этого времени анализируется нами лишь постольку, поскольку она может давать объяснение тем или иным его действиям в 1918–1919 гг. и дополнять важными штрихами портретную характеристику генерала.

Одним из центральных событий, рассматриваемых в нашей работе, является неудачное советское наступление на Южном фронте в августе — сентябре 1919 г. Собственно подготовкой и участием в этом наступлении в качестве командующего одной из двух армейских групп фактически оказалась ограничена штабная служба Селивачёва в Красной армии. Следовательно, анализ участия Селивачёва и подчиненной ему группы в Гражданской войне представляет собой исследование небольшого по протяженности периода, ограниченного рамками одной операции. Тем не менее до сих пор об этом непродолжительном, но крайне важном и чрезвычайно интересном эпизоде истории Гражданской войны было известно очень мало, а отдельные факты лишь кочевали из работы в работу. Автор этих строк взял на себя смелость предложить вниманию читателей первый подробный обзор истории боевых действий на фронте группы Селивачёва летом — осенью 1919 г., основанный на впервые вводимом в научный оборот большом документальном материале.

Для нас представляет интерес ответ на целый ряд непростых вопросов. Прежде всего, остается неясным, как и почему на одном из самых ответственных для судьбы Советской России летом 1919 г. руководящих постов РККА неожиданно оказался бывший генерал, не только не имевший никакого командного и штабного стажа в Красной армии, но даже едва освобожденный из-под ареста по обвинению в контрреволюционном заговоре. Другим вопросом без определенного ответа является упомянутая выше историческая загадка, почему и при каких обстоятельствах в самый разгар операции руководивший ею Селивачёв неожиданно скончался. Такое сочетание событий при отсутствовавших до сих пор деталях произошедшего позволяло предполагать, что смерть генерала каким-то образом связана с неудачным исходом возглавляемого им наступления.

Разумеется, необходимо также понять, по каким причинам столь блестяще начавшееся и тщательно готовившееся наступление завершилось полным провалом, а белые смогли существенно продвинуться на север

для финального рывка к Москве. Важно разобраться, не было ли в этом провале злого умысла, вызванного возможной деятельностью в руководстве группы Селивачёва мощной антибольшевистской подпольной организации. Во всяком случае, на это косвенно указывают как свидетельства некоторых участников Белого движения, так и выявленные нами факты массового исчезновения целой группы ответственных штабных работников 8-й советской армии в сентябре — октябре 1919 г. Для проверки этой версии мы попытались не только подробно изучить весь ход операций группы Селивачёва, но и проанализировать отдаваемые им распоряжения на предмет соответствия их действительной фронтовой обстановке. Кроме того, интересно понять, имел ли какое-либо отношение к антибольшевистскому подполью сам Селивачёв и насколько вообще он мог быть лоялен большевикам.

Чтобы разобраться в этом внушительном перечне исторических загадок и проблем, возникших вокруг деятельности Селивачёва, мы изучили всю совокупность доступных нам опубликованных и неопубликованных документов, касающихся событий лета — осени 1919 г. в группе Селивачёва. Основу работы составили материалы четырех архивов — РГВИА, РГВА, ГА РФ и архива регионального управления ФСБ по Архангельской области.

В работе были использованы как служебные, так и личные документы Селивачёва, оперативная документация подчиненных ему объединений. Нами был осуществлен сплошной просмотр всех без исключения материалов фонда группы Селивачёва из собрания РГВА, тщательно изучены материалы фонда 8-й армии за период ее нахождения в составе группы. Значение обнаруженных в этих фондах материалов трудно переоценить. Однако в отложившемся в РГВА фонде 13-й армии, часть которой также входила в состав группы Селивачёва, практически не оказалось документов, проливающих свет на события августа — сентября 1919 г. Скорее всего, часть документации попала к белым (например, известно о тайной передаче начальником штаба 13-й армии А. М. Зайончковским большого количества оперативных материалов противнику в октябре 1919 г.²) и находится где-либо в зарубежных архивохранилищах. Помимо этих материалов, были проанализированы документы непосредственного начальства Селивачёва — командования Южного фронта, Полевого штаба РВСР и главнокомандующего всеми Вооруженными силами Республики, переписка советского военнополитического руководства, оперативные документы белых (отложившиеся в РГВА или опубликованные в эмиграции), а также разнообразные мемуарные свидетельства участников Гражданской войны. Необходимо отметить,

² Подробнее об этом: *Ганин А. В.* Саквож генерала А. М. Зайончковского // Вопросы истории. 2006. № 2. С. 141–143.

что множество архивных единиц хранения по этой теме не только никогда не анализировалось, но даже не попадало в руки исследователей.

Мы постарались внимательно проследить жизненный и служебный путь генерала Селивачёва, его успехи и неудачи к моменту рассматриваемых событий, проанализировали часть дневников, которые он вел до революции, и те характеристики, которые давали Селивачёву его сослуживцы. Все это позволило составить достаточно полное представление о личности генерала, его профессиональных и человеческих качествах и приблизиться к ответам на исторические загадки, связанные с последними месяцами жизни героя нашего очерка.

***

Владимир Иванович Селивачёв родился 14 июня 1868 г.³ в потомственной дворянской семье Санкт-Петербургской губернии. В 1886 г. он окончил Псковский кадетский корпус, а в 1888 г. — Павловское военное училище, в училище был портупей-юнкером и старшим портупей-юнкером. Свою армейскую службу Селивачёв начал в рядах 147-го пехотного Самарского полка, квартировавшего в Ораниенбауме, куда был выпущен подпоручиком 9 августа 1888 г. со старшинством с 7 августа 1887 г. Уже 20 августа 1891 г., отслужив положенные три года в строю, молодой офицер был откомандирован для держания вступительных экзаменов в Николаевскую академию Генерального штаба. По всей видимости, Селивачёв был достаточно целеустремленным человеком. Поступить в академию ему удалось с первого раза. Уже в стенах академии пришло известие о производстве в следующий чин поручика (27 апреля 1892 г. со старшинством с 7 августа 1891 г.).

Селивачёв благополучно отучился в академии и окончил ее по первому разряду 1 мая 1894 г. Более того, за отличные успехи в науках был Высочайшим приказом произведен в штабс-капитаны 18 мая 1894 г., после чего 25 мая приказом по Генеральному штабу № 74 был отчислен от академии к своей части «и вместе с тем для ближайшего ознакомления со службою Генерального Штаба в поле, командирован на время лагерных сборов в распоряжение Штаба Петербургского военного окр[уга]»⁴.

В списках Генштаба Селивачёв не значился и по Генштабу не служил. Как отмечал впоследствии другой выпускник академии Н. Е. Какурин, Сели-

³ Все даты до февраля 1918 г. указаны по старому стилю, даты после февраля 1918 г. указаны по новому стилю. В исключительных случаях, относящихся к отдельным событиям на белом Юге, где продолжал существовать старый стиль, приводятся две даты.

⁴ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 173 253. П / с 149–082 (1918 г.). Л. 15.

вачёв окончил академию «без причисления к Генеральному штабу по мотивам, имевшим мало отношения к успешности его научных занятий, и снова вернулся в строй тянуть лямку армейского пехотного командира»⁵. К ответу на вопрос, почему это произошло, мы вернемся чуть позже.

И все же факт окончания академии периодически давал о себе знать, отражаясь на службе будущего генерала. Например, с 1 по 17 июля 1896 г. Селивачёв был командирован в Новгород для участия в полевой поездке офицеров 22-й пехотной дивизии в качестве руководителя. С 5 по 22 августа Селивачёв находился в командировке там же, но на этот раз для участия в подвижном сборе 22-й дивизии. Наконец, 9 января 1897 г. он был прикомандирован к штабу I армейского корпуса для ознакомления с обязанностями старшего адъютанта — должностью, замещавшейся офицерами Генерального штаба. С 27 января он уже официально занял эту должность, на которой находился четыре года до 5 января 1901 г.

8 октября 1900 г. Селивачёв был произведен в капитаны со старшинством с 6 мая того же года. 6 мая 1903 г. последовало производство в подполковники с переводом в 88-й пехотный Петровский полк, располагавшийся в селе Грузино Новгородской губернии, а 19 июля 1904 г. Селивачёв отправился на войну с Японией, и 27 августа Селивачёв уже был в Маньчжурии.

Во время русско-японской войны Селивачёв командовал батальоном, проявил чудеса храбрости и был 3 октября 1904 г. «при взятии Новгородской Сопки ранен ружейной пулей в левую ушную область, причем пуля засела поперек наружного прохода в костях и хрящах».⁶ Бой за Новгородскую (так называемую «сопку с деревом», названную Новгородской в честь штурмовавших ее бойцов 22-й пехотной дивизии, в мирное время дислоцированной в Новгородской губернии) и Путиловскую (названа в честь генерал-майора П. Н. Путилова) сопки произошел на заключительном этапе сражения на реке Шахэ 3–4 октября 1904 г. Обе сопки представляли собой отроги одной и той же высоты (западный отрог — Путиловская и восточный — Новгородская), поэтому указание из воспоминаний самого Селивачёва, что речь шла об одной и той же высоте,⁷ недалеко от истины. Эта высота находилась в центре расположения русских войск и овладение ею имело принципиальное значение, поскольку давало возможность контролировать долину реки Шахэ.

За контроль над этими высотами развернулись ожесточенные бои, сопровождавшиеся штыковыми атаками и рукопашной. Для овладения со-

⁵ Из дневника ген. В. И. Селивачёва. Публ. Н. Какурина // Красный архив (М.-Л.). 1925. Т. 2 (9). С. 106.

⁶ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 173 253. П / с 149–082 (1918 г.). Л. 24.

⁷ Селивачёв В. И. Японо-Русская война. Петровцы на Путиловской сопке (Воспоминания батальонного командира). СПб., 1905. С. 16.

сками 3 октября был выделен сильный отряд из трех полков 22-й пехотной дивизии — 86-го пехотного Вильманstrandского, 87-го пехотного Нейшлотского и 88-го пехотного Петровского под временным командованием генерал-майора В. М. Новикова и 2-я бригада 5-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии генерал-майора П. Н. Путилова — 19-й и 20-й Восточно-Сибирские стрелковые полки. Также в атаке участвовали некоторые другие части. Только в бою 3 октября укрепившиеся на высоте японцы потеряли порядка 1 500 человек, бригада генерал-майора Ямада была практически уничтожена, наши войска захватили 14 орудий противника и пулемет. Потери наступавших русских войск должны были быть выше. По некоторым данным, атака двух сопков обошлась нашим войскам в 3 000 человек убитыми и ранеными⁸.

В своих воспоминаниях Селивачёв подробно описал события и собственные переживания после принятия решения о переходе в атаку:

«Я перебежал к людям и, крикнув “за мной”, вошел в реку. Ясного отчета себе, что я делаю, я, конечно, не отдавал, а чувствовал, что надо же перейти на ту сторону, так как лежать тут тоже было не сладко. Войдя в реку, я удивился, что она как бы кипела — так сильно били по воде пули, по реке шли пузыри.

Кровь прилиwała к лицу, в висках стучало, во рту пересохло, а там впереди — неизвестно, быть может и смерть; становилось страшно.

Устроив первых переведенных людей, я стал махать на тот берег, чтобы переходили другие, но видя, что меня, вероятно, не замечают, я перешел реку снова, перевел еще часть людей и вернулся за остальными. Тут я встретил раненых, командира нашего полка и подполковника Лаврова и, сообразив, что остался в полку старшим, бегом направился к полку...

Подъем на сопку был в высшей степени труден.

Если бы вы вздумали искать тут каких-нибудь цепей, поддержек и резервов, то ошиблись бы в этом жестоко. Это была масса — “толпа в образе колонны”, впереди и сзади которой были остатки офицеров. Сзади для того, чтобы удерживать людей от поворота. Четыре раза эта масса по крику одного — “японцы бьют” поворачивала кругом, скатывалась к реке и только благодаря офицерам и лучшим унтер-офицерам снова подымалась наверх.

На офицеров легла тут тяжелая нравственная ответственность.

Нервы были взвинчены страшно. Я лично чувствовал, что поверни эта масса еще раз назад, и я инстинктивно подчинюсь ее влиянию.

Но, Слава Богу, нравственная сила справилась, и мы стали подниматься на сопку; сильно уже стемнело... Не доходя до японских окопов, я был свален

---

⁸ История русско-японской войны 1904–1905 гг. Под ред. И. И. Ростунова. М., 1977. С. 293.

ударом пули в ухо. Обливаясь кровью, я пролежал несколько минут без памяти, но затем был подхвачен санитаром, который и сделал мне первоначальную перевязку. С помощью полкового адъютанта я перебрался через реку и направился на перевязочный пункт. Но своего пункта я найти не мог, а, воспользовавшись встреченною лошадыю, стал искать хоть какой-нибудь перевязочный пункт. Часа через три я, наконец, добрался до отряда Цегефон-Мантейфеля.

Желание мое вернуться к полку, командовать которым остался капитан, не осуществилось, так как меня била лихорадка и температура доходила до 40°.

4-го октября на армянском транспорте, под страшным проливным дождем, я добрался до №4 Подвижного Госпиталя Красного Креста, бывшего у Фуншунской ветки, и здесь провел остаток ночи с 18-ю ранеными японцами.

На следующий день 5-го октября нас поместили в товарные вагоны, и в этих «теплушках», на полу, мы провели 5 ½ дней до Харбина, причем два дня не обедали⁹.

По итогам боя за сопки противники перешли к позиционной борьбе, продолжавшейся до мукденского сражения. За боевые отличия в сражении на реке Шахэ в период с 28 сентября по 5 октября 1904 г. Селивачёв был награжден орденом Св. Станислава 2-й ст. с мечами (28 ноября 1904 г.) и произведен в полковники (31 мая 1906 г.). Судя по мемуарам Селивачёва, он еще был в те годы убежденным монархистом или, во всяком случае, декларировал свою исключительную приверженность императору¹⁰. Уже в 1905 г. он писал о тесной спайке с нижними чинами, которые иногда проявляли трогательную заботу о своем командире¹¹.

Лишь 19 апреля 1906 г. Селивачёву удалось вернуться в свой полк.

В этот период империя уже погрузилась в хаос массовых беспорядков периода первой русской революции, которые тогда ликвидировались силами армии. Селивачёв также участвовал в обеспечении государственной безопасности. В частности, в период с 30 августа по 4 сентября 1906 г. он был во главе батальона командирован в Череповец для несения охранной службы.

Уже 4 сентября последовала новая командировка, на сей раз в столицу, в Комитет по образованию войск, где с 8 сентября по 30 ноября он состоял членом комиссии по пересмотру устава полевой службы. По всей видимости, недавнего «академика» начальство сочло более подходящим для умственной работы. Грамотный офицер был замечен в Петербурге и с 30 ноября 1906

⁹ Селивачёв В. И. Указ. соч. С. 21–22.

¹⁰ Там же. С. 2.

¹¹ Там же. С. 19.

по 15 января 1907 г. состоял членом комиссии по пересмотру образцов пехотного снаряжения. Однако и после этого Селивачёва не отпустили в полк, взяв в комиссию генерал-адъютанта Н. П. Зарубаева, учрежденную при Главном штабе, в которой наш герой состоял с 15 января по 30 апреля 1907 г.

Только 10 мая, после долгого восьмимесячного отсутствия, Селивачёв вернулся к командованию своим батальоном. Летом ему пришлось временно командовать полком (28 июня — 1 июля 1907 г.).

11 сентября 1907 г. он вновь командирован в комитет по образованию войск в Петербург. Через 6 дней, 17 сентября, последовало новое назначение от комитета членом комиссии для производства проверки успешности выполнения принятых Офицерской стрелковой школой программ и правильности постановки курса практических занятий.

Наконец, 9 января 1908 г. Селивачёв получил в командование 179-й пехотный Усть-Двинский полк и принял полк 31 января, 2 ноября 1911 г. был назначен командиром 4-го Финляндского стрелкового полка, а 22 марта 1914 г. за отличия по службе произведен в генерал-майоры.

2 апреля 1914 г. последовало назначение Селивачёва начальником 4-й Финляндской стрелковой бригады,¹² с которой он и пошел на фронт Первой мировой. Новая война стала важнейшим периодом жизни и службы Селивачёва. В эти годы он в полной мере проявил свои выдающиеся командные качества, и, хотя некоторые его действия вызывали критику и нарекания, показал себя весьма энергичным командиром¹³.

21 августа Селивачёв со штабом бригады выступил по железной дороге из Таммерфорса. 25 августа бригада прибыла в Августов, высадилась и повела наступление на Марграбово в Восточной Пруссии. В дальнейшем бригада отступила к Августову и 1 сентября заняла позиции возле этого города в авангарде XXII армейского корпуса. 3–4 сентября Селивачёв руководил обороной под Августовом и отходом на позиции у деревень Грусски и Ястржембна. 6 сентября бригада дралась под Грусками. С 10 по 13 сентября бригада находилась в резерве корпуса, а с 14 сентября участвовала в наступлении в составе корпуса. 17 сентября с боем был занят город Сейны, а с 18 по 20 сентября бригада наступала на Сувалки, тогда же произошел двухдневный кровавый лесной бой у деревни Гаврихруда. Бои продолжались непрерывно до начала октября, пока 3 октября бригада не была отведена в резерв командующего 10-й армией в районе Августова, однако уже с 5 октября бои с участием бригады Селивачёва возобновились. С 19 октября бригада наступала на город Лык, который был занят нашими войсками 24 октября,

¹² Список генералам по старшинству. Составлен по 15-е Апреля 1914 года. Пг., 1914. С. 935.

¹³ Критическую оценку деятельности Селивачёва в сентябрьских боях 1915 г. см.: *Свечин А. А. Искусство вождения полка.* М., 2005. С. 386, 395, 399, 410, 414–415, 417, 420.

и бригада стала продвигаться в глубь Восточной Пруссии к городу Арис, также вскоре занятому войсками Селивачёва. После этого войска Селивачёва выдвинулись к линии озер, где заняли позиции и стали закрепляться на них. В ноябре бригада находилась в корпусном резерве, а затем началась позиционная война, и ярких событий в жизни бригады до конца 1914 г. больше не происходило.

8 января бригаду Селивачёва в составе корпуса перебросили на Юго-Западный фронт (в район Львова), куда она прибыла 19 января. Уже на следующий день бригада оказалась вовлечена в позиционные бои на хребтах Мыта и Растично. К 25 января были заняты позиции у деревень Козювка, Росохач, Оравчик. Бои здесь продолжались до 28 апреля, после чего начался отход с Карпат. Бригада отступала с боями, один из которых произошел у города Дрогобыч.

По записи из фронтового дневника Генштаба капитана (позднее — генерал-майора) А. И. Верховского, относящейся к началу мая 1915 г., «в 4-й финляндской стрелковой бригаде на двенадцатый день боя расстреляны последние патроны, и пополнить их было неоткуда. Австрийцы, обнаглев, совершали все передвижения открыто и пошли в атаку густыми сомкнутыми массами, а у наших стрелков не было ни одного патрона. 4-я бригада не удержалась и отошла. Ее блестящий начальник, генерал Селивачёв, выехал к отступавшим, сам в цепи подбадривал людей, и действительно ему удалось остановить отход на следующем лесном рубеже. Когда же сверху пришел обычный грозный запрос, кто виноват в неудачном бою бригады, Селивачёв с достоинством ответил: «побеждают мои полки, а если несем неудачу, то виноват я один». Вот бы нам побольше Селивачёвых! Наверное не было бы такого позора, который мы переживаем сейчас»¹⁴.

Талантливого командира заметили. 26 февраля 1915 г. за отличия в делах против неприятеля он был награжден орденом Св. Станислава 1-й ст. с мечами, а 27 марта 1915 г. — с мечами к ордену Св. Владимира 3-й ст. Приказом войскам 8-й армии от 18 апреля 1915 г., утвержденным высочайшим приказом от 10 ноября 1915 г., Селивачёв был за бои с 25 января по 27 февраля 1915 г. у деревни Росохач награжден Георгиевским оружием. Более того, высочайшим приказом от 1 сентября 1915 г. Селивачёв за отличие в бою 7 мая 1915 г. у деревни Гай Вышний был награжден орденом Св. Георгия 4-й ст., 10 июля он удостоивается ордена Св. Анны 1-й ст. с мечами, а 8 октября — ордена Св. Владимира 2-й ст. с мечами и Высочайшего благоволения.

В апреле 1915 г. бригада Селивачёва была развернута в дивизию, а 12 мая 1915 г. Селивачёв был высочайше утвержден ее командующим. Во второй по-

¹⁴ *Верховский А. И.* Россия на Голгофе (Из походного дневника 1914–1918 г.). Пг., 1918. С. 31.

ловине мая в период отступления произошла еще одна реорганизация — дивизию передали в состав VI армейского корпуса. Отступление русских войск продолжалось, дивизия в период с 5 по 10 июня вела отступательные бои и закрепилась на позиции на северном берегу Днестра, где выдержала трехдневный бой у местечка Бобрка. 14–15 июня дивизия отошла за реку Гнилая Липа и дралась у города Бржезаны вновь в составе XXII корпуса. С 16 июня по 5 июля стрелки стояли в резерве у местечка Поморжаны, а затем были направлены на позиции у деревень Дунаюв и Добротвор. 28 июля дивизия погрузилась в эшелон на станции Броды и была переброшена на станцию Кошедары, куда прибыла 3 августа. После высадки началось наступление дивизии на крепость Ковно и бои в составе XXVI армейского корпуса и 10-й армии. Однако успеха добиться не удалось, начался отход с боями к городу Новые Троки, ожесточенные бои у которого шли во второй половине августа. В сентябре дивизия дралась под местечком Крево.

Численность дивизии тогда составляла лишь четыре батальона — 92 офицера, 2 316 штыков и 905 нижних чинов, вооруженных винтовками в различных командах при 22 пулеметах и 13 орудиях¹⁵. Дивизия была деморализована огромными потерями. В начале октября дивизия сосредоточилась в районе местечка Беница в резерве XXVI армейского корпуса, после чего перешла в резерв V Кавказского армейского корпуса в район деревни Канюхи. Затем дивизию перебросили в окрестности Николаева для укомплектования и пополнения. С середины октября по конец ноября она в боях не участвовала. Однако в декабре пополнившаяся дивизия в составе 7-й армии и V Кавказского армейского корпуса приняла участие в наступлении в районе Пилявы.

Позиция в районе деревень Пилява — Площа и высоты 387 была занята стрелками, которые провели здесь половину декабря, январь и почти весь февраль. 24 февраля дивизия отошла в район Подволочиска и Тарноруды в резерв армии, а 25 февраля была передана в резерв 8-й армии и вошла в состав VIII армейского корпуса. В районе города Ровно в резерве дивизия простояла до 16 мая 1916 г. Как раз в период бездействия дивизии с 26 февраля по 24 апреля 1916 г. Селивачёв был эвакуирован с фронта по болезни.

Вскоре после возвращения Селивачёва к войскам началось наступление Юго-Западного фронта. Стрелки прорвали фронт и участвовали в преследовании противника в авангарде корпуса от Луцка и на переправах через реку Полонку. В период с 29 по 31 мая дивизия сосредоточилась в районе местечка Суск в резерве XXXIX и V Сибирского армейских корпусов, к 3 июня дивизия была передана в состав XXX армейского корпуса, а затем на протяжении

---

¹⁵ Свечин А. А. Искусство вождения полка. С. 386.

большей части июня побригадно действовала в XXX и V Сибирском армейских корпусах. В конце июня — начале июля произошло новое переподчинение — на этот раз командованию I Туркестанского армейского корпуса. На протяжении июля шли жестокие бои на Стоходе, причем стрелки заняли плацдарм на западном берегу реки. В начале августа дивизия готовилась к прорыву позиций противника на Стоходе. 6 августа 1916 г. дивизия Селивачёва по его инициативе форсировала реку Стоход и захватила Червищенский плацдарм, взяв большие трофеи (1 146 пленных, орудие, 4 миномета, 18 пулеметов).

Затем дивизию переподчиняли то командованию XVI армейского корпуса, то вновь командованию I Туркестанского. 22 сентября 1916 г. Селивачёв был произведен в генерал-лейтенанты со старшинством с 27 мая 1916 г. и утвержден в должности начальника дивизии. С 8 сентября по 19 ноября дивизия перешла на позиции в районе Гулевичи — Рудка Миринская в составе отряда генерала Ванновского. Во второй половине ноября дивизия была переброшена в город Кременец и в период с 24 ноября 1916 г. по 27 февраля 1917 г. занимала позиции в районе деревень Колодно — Новики — Ихровица — Плешковице — Вертелка — Иванчаны, причем с января 1917 г. находилась там в качестве резерва командующего 11-й армией. С 28 февраля по 3 апреля дивизия находилась на позиции по линии деревня Гнидава — Лес Хукалиовце в составе XVII армейского корпуса. В общей сложности, по наблюдению самого Селивачёва, его дивизия за годы войны переменяла 34 корпуса и 14 армий,¹⁶ что не свидетельствует о высоком уровне организации старой армии.

Серьезные перемены в служебном положении Селивачёва, несомненно, были связаны с революционными событиями 1917 г. Селивачёв прекрасно понимал пагубность революционной смуты и анархии для армии. Эти мысли нашли отражение в его дневнике. Сугубый технический профессионализм автора дневника и его убежденность в том, что политика не должна влиять на армию, вполне наглядно отражены, например, в записи от 7 марта 1917 г.: «Вчера получил телеграмму от к[оманди]ра 743 запасного пех[отного] полка, укомплектовывающего дивизию, такого содержания: “Счастлив сообщить, что полк в полном составе офицеров и нижних чинов присоединился к новому правительству. Продолжаем работать по подготовке укомплектований”.

Несомненный дурак — какое мне дело до его политических убеждений: присылай лучше обученные укомплектования»¹⁷.

Генерал Селивачёв был заботливым отцом-командиром, хорошо разбирался в солдатской психологии. «Я глубоко убежден, — записал он в днев-

¹⁶ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 27. Л. 26а об.

¹⁷ Из дневника ген. В. И. Селивачёва. Публ. Н. Какурина // Красный архив (М.-Л.). 1925. Т. 2 (9). С. 111.

нике 10 марта 1917 г., — что солдаты желают теперь только одного — еды и мира, так как устали от войны, питаться же громкими фразами об “отечестве”, его славе и могуществе родины наш солдат не может, особенно настоящий, так как в деревнях его в этом духе не воспитывали, а армия не имеет времени заняться этим, так как должна вести бой...»¹⁸. При этом он констатировал беспомощность офицеров в общении с солдатской массой при новых условиях: «Гг. Офицеры, не имевшие права в мирное время даже читать “якобы неблагонадежных” газет, оказались совершенно неподготовленными к политическим выступлениям и беседам; современная же молодежь-офицеры абсолютно никуда не годны для воспитания солдата — полнейшее незнание, полнейшее лентяйничанье и полнейшее непонимание обстановки»¹⁹.

3 апреля 1917 г. по распоряжению командующего 11-й армией Селивачёв отправился в штаб Киевского военного округа для руководства и наблюдения за формированием отделов управления XLIX армейского корпуса. Вскоре Селивачёв возглавил этот корпус. Прощание с родной дивизией было трогательным. Депутация 14-го Финляндского стрелкового полка поднесла генералу специально подготовленный адрес: «В лице Вас мы имели начальника, в совершенстве понимающего военное дело и искренно преданного ему душою, телом и всеми своими помышлениями. Начальника, в котором мы вполне уверены, про которого мы знали, что Он не пойдет ни на какую рискованную авантюру, ради своих личных служебных выгод, что он не возьмет на себя исполнение задачи, не продумав ее глубоко и не изучив всесторонне, и это сознание давало нам уверенность в возможности и необходимости выполнения данной нам задачи, что неимоверно ценно для осуществления каждого предприятия. Тяжело для нас терять такого начальника, тем более в предстоящий страданный период. Но наша скорбь смягчается мыслью, что наш взгляд на Вас, Владимир Иванович, разделен и новым Правительством, которое при назначениях на ответственные посты не руководствуется не чем иным, как только талантами, заслугами перед родиною и вообще личными достоинствами людей. Дай Бог Вам и дальнейшего повышения по службе, вполне Вами заслуженного»²⁰. Сам генерал тоже высоко оценил свою боевую работу:

«Итак, окончены три года тяжелой неустанной работы с дивизией, которой отдал все свои силы, знания и здоровье, дивизии, которая требовала именно крутой работы, чтобы с нею можно было чего-нибудь добиться.

¹⁸ Из дневника ген. В. И. Селивачёва. Публ. Н. Какурина // Красный архив (М.-Л.). 1925. Т. 2 (9). С. 112.

¹⁹ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 27. Л. 82 об.

²⁰ Там же. Л. 92а.

Благодарю Тебя, Господи, за дарованные мне в эти три года силы; только Твоя неизреченная Милость поддерживала меня в моих трудах. Слава Тебе, Господи! Помоги мне в предстоящей работе и вразуми меня на новое, великое служение родине!!!

Пресвятая Владычица, помоги мне!!»²¹

За отличия в делах против неприятеля 9 апреля 1917 г. Селивачёв был награжден орденом Белого Орла с мечами.

С 16 апреля 1917 г. он командовал XLIX армейским корпусом, вошедшим в состав 11-й армии. К 25 мая Селивачёв завершил формирование корпуса. В ходе не особенно удачного июньского наступления русской армии корпус Селивачёва (82-я пехотная, 4-я и 6-я Финляндские стрелковые дивизии, Чехословацкая стрелковая бригада) нанес поражение IX австрийскому корпусу в знаменитом сражении у Зборова. 18–19 июня на участке высота Могила — деревня Конюхи Селивачёв прорвал укрепленную позицию противника и начал его преследование. Однако в разгар наступления Селивачёв получил новое назначение. 21 июня личным приказом военного министра он был назначен командующим 7-й армией и на следующий день принял эту должность.

С 22 июня по 9 сентября Селивачёв командовал 7-й армией, сменив на этом посту Генштаба генерал-лейтенанта Л. Н. Бельковича. Армия вплоть до 6 июля держала оборону позиции против города Бржезаны. Именно Селивачёву удалось спасти войска от возможного окружения противником. Возглавив армию, он сделал все возможное, чтобы уберечь ее от разложения (вплоть до применения артиллерии в отношении бунтовщиков). Комиссары 7-й армии даже жаловались на невозможность работать из-за того, что в армейском руководстве оказались противники революции²². Сам Селивачёв не стеснялся высказывать комиссарам свое мнение по принципиальным вопросам управления армией и, как говорили, «усиленно воевал» со своим армейским комиссаром²³.

С 7 по 13 июля армия отступала в районе рек Серет, Стрыпа и Збруч, а с 14 июля стала закрепляться на позиции по линии местечко Гржималув — река Гнила — река Збруч (фактически — по старой русской границе). На этих позициях, несмотря на попытки противника атаковать (например, у Гусятина), армия находилась вплоть до ухода из нее самого Селивачёва в сентябре 1917 г.

²¹ Там же. Л. 93.

²² Из дневника ген. В. И. Селивачёва. Публ. Н. Какурина // Красный архив (М.–Л.). 1925. Т. 2 (9). С. 106.

²³ *Верцинский Э. А.* Год революции. Воспоминания офицера Генерального штаба за 1917–1918 года. Таллин, 1929. С. 38.

Селивачёв был одним из наиболее передовых по своим взглядам представителей высшего командного состава русской армии. Он уделял большое внимание подготовке войск, хотя в условиях развала фронта это было не просто. Еще 12 июля в письме к жене он откровенно отметил: «Командовать подобными бандами невозможно»²⁴. 14 августа 1917 г. в своем дневнике он записал, что армию «надо учить, учить и учить, т. к. она совершенно не бое-способна, а прибывающие пополнения только ухудшают ее во всех отношениях...»²⁵.

Генерал внимательно следил за развитием военной науки и техники. Немногие из командующих армиями эпохи Первой мировой войны могли похвастаться, к примеру, полетами на аэропланах в боевой обстановке. Селивачёв, наряду с другим выдающимся русским генералом того периода П. А. Лечицким, придавал большое значение таким полетам и действительно совершил два полета в августе 1917 г. Он искренне говорил сопровождавшим его летчикам: «Вот где должен находиться командующий армией во время боев... Разве можно сравнить то, что видишь на наблюдательном пункте, с тем, что развертывается перед глазами с самолета»²⁶. Совершив 12 августа второй полет в сопровождении семи истребителей, Селивачёв записал в дневнике: «Картина в воздухе была великолепная»²⁷.

Генерал планировал продолжить полеты и даже облететь весь фронт своей армии. Показательно, что Селивачёв пренебрегал при этом личной опасностью. Так, когда один из устаревших аппаратов «Вуазен», на котором он поднялся в воздух, оказался неисправен, Селивачёва это не смутило, и он продолжил полет на другой машине. У летчиков остались исключительно благожелательные воспоминания о генерале. По воспоминаниям летчиков, Селивачёв — «невысокий, худощавый генерал с большой седеющей бородой... с видимым сожалением расстался командующий армией со своими хозяевами. С таким же сожалением расставались с ген. Селивачёвым и летчики. За эти короткие часы они сумели увидеть болезненно стыдливую, замкнутую обычно, но прекрасную, чистую и пламенную душу своего начальника, раскрывшуюся в дружной офицерской семье в те смутные тяжкие дни»²⁸. При этом враги Селивачёва стали распускать слухи, что генерал летал на аэроплане, чтобы сигнализировать немцам и указать места для прорыва русских позиций²⁹.

---

²⁴ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 29. Л. 6а.

²⁵ Там же. Л. 5 об.

²⁶ *Е. Д. и В. Б.* Из авиационных воспоминаний // Часовой (Париж). 1930. № 46. 31.12. С. 9.

²⁷ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 29. Л. 4 об.

²⁸ *Е. Д. и В. Б.* Из авиационных воспоминаний. С. 9–10.

²⁹ *Верцинский Э. А.* Указ. соч. С. 34.

В день своего второго полета, 12 августа, Селивачёв также записал в своем дневнике: «С минуты на минуту ожидаются крупные события и вызов корниловцев не позднее 15-го авг[уста]. Дай Бог Корнилову остаться на месте и справиться с этой разрухой — гидрой!!»³⁰ При этом сам Верховный главнокомандующий генерал Л. Г. Корнилов советовал Селивачёву избегать конфликтов с комиссарами, так как вскоре ожидалось серьезные перемены³¹. После совещания командующих армиями 15 августа Селивачёв записал: «Общая наша (командующих армиями. — А. Г.) песенка одна — Армии больны, необходима власть начальникам, сокращение работы разного рода Комитетов и Комиссаров, т. к. толку в них никакого. До исцеления армии думать о наступлении трудно — слава Богу еще, что в армиях идут боевые поиски»³². Характеристика министра-председателя Временного правительства А. Ф. Керенского Селивачёвым вполне ожидаема: «Общее впечатление от него — как от человека истерического, которому место в больнице душевнобольных»³³. Неудивительно, что во время корниловского выступления Селивачёв поддержал генерала Л. Г. Корнилова, после чего был отстранен от должности и арестован комиссаром Юго-Западного фронта Н. И. Иорданским³⁴.

28 августа Селивачёв присоединился к датированной предыдущим днем телеграмме главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта генерала А. И. Деникина, адресованной Керенскому, Корнилову и главнокомандующим фронтами:

«Я солдат и не привык играть в прятки. 16-го июля на совещании с членами Временного Правительства я заявил, что целым рядом военных мероприятий оно разрушило, растлило армию и втоптало в грязь наши боевые знамена. Оставление свое на посту Главнокомандующего я понял тогда, как сознание Временным Правительством своего тяжкого греха перед Родиной и желание исправить содеянное зло. Сегодня получил известие, что генерал Корнилов, предъявивший известные требования, могущие еще спасти страну и армию, смещается с поста Главковерха.

Видя в этом возвращение власти на путь планомерного разрушения армии и, следовательно, гибели страны, считаю долгом довести до сведения Временного Правительства, что по этому пути с ним не пойду. 27 августа № 145. Генерал Деникин»³⁵.

³⁰ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 29. Л. 4 об.

³¹ Там же. Л. 4а.

³² Там же. Л. 6-6 об.

³³ Там же. Л. 13 об.

³⁴ Из дневника ген. В. И. Селивачёва. Публ. Н. Какурина // Красный архив (М.-Л.). 1925. Т. 2 (9). С. 106; *Залесский К. А.* Кто был кто в Первой мировой войне. М., 2003. С. 554–556.

³⁵ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 30. Ч. 1. Л. 13–13 об.

Тогда же Селивачёв принял решение уйти из армии по состоянию здоровья, истинная же причина заключалась в невыносимости условий службы. В тот же день находившийся при Селивачёве комиссар Временного правительства перевел в свое подчинение комендантскую команду штаба армии и броневики³⁶. 31 августа Селивачёв записал в дневнике, подводя итог состоянию войск: «Великое дело спасения армии попадает в руки полнейших невежд. Бедная, бедная родная армия — из этой — из этой могучей, страшной врагам силы, ты превратилась в толпу разнузданных хулиганов, шкурников... Лично я не вижу просвета и глубоко убежден в полном развале армии»³⁷.

2 сентября генерал был арестован, но освобожден уже 11 сентября. По одному из свидетельств, «озверелая солдатня арестовала его и гнала сорок верст по грязи до станции железной дороги»³⁸. Под арестом Селивачёв находился в бердичевской тюрьме. В дальнейшем на фронт он уже не вернулся. В послужном списке генерала об аресте не говорилось, но отмечалось, что 2 сентября 1917 г. Селивачёв был отправлен в штаб армий Юго-Западного фронта для освидетельствования состояния здоровья на предмет эвакуации внутрь России. 11 сентября был освидетельствован к эвакуации через Киевский эвакуационный пункт, а 13 сентября поступил на учет Петроградского тылового распределительно-эвакуационного пункта. С 20 сентября по 20 ноября Селивачёв числился уволенным в отпуск по болезни. 20 ноября он вернулся на учет и был вновь уволен в двухмесячный отпуск с 24 ноября 1917 г. по 24 января 1918 г. Следующий двухмесячный отпуск он получил с 25 января по 25 марта 1918 г., причем на основании приказа народного комиссара по военным делам от 29 января 1918 г. № 113 согласно личному желанию был уволен вовсе от военной службы.

Селивачёв был женат первым браком на дочери протоиерея лейб-гвардии Конно-гренадерского полка Марии Федотовне Гордиевской (1869 года рождения), которая родила ему шестерых детей — трех сыновей и трех дочерей³⁹.

Интересную характеристику Селивачёва оставил его подчиненный в годы Первой мировой войны, будущий гетман Украины П. П. Скоропадский. Селивачёв, по его словам, не сочувствовал украинскому вопросу, но к Скоропадскому лично относился очень хорошо. «Хороший генерал, это тоже один из честных русских генералов. Вообще, как и во всем в России,

---

³⁶ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 29. Л. 18 об.

³⁷ Там же. Л. 22.

³⁸ *Е. Д. и В. Б.* Из авиационных воспоминаний. С. 10.

³⁹ Дети Селивачёва с указанием дат их рождения: Борис (03.02.1895), Ксения (25.05.1896), Татьяна (05.10.1897), Михаил (07.11.1901), Константин (05.05.1903), Анастасия (21.01.1909).

вечно самые яркие контрасты, также и в среде генералов. Чуть ли не ходячее мнение, что наш высший командный состав плох. Это, по-моему, неверно; среди нашего генералитета были действительно светлые личности, и к таким, между прочим, я причисляю Селивачёва. Но при существующей у нас вечной анархии и справа, и слева честным людям приходится преодолевать несравненно больше препятствий для проявления своей воли и инициативы в полезную сторону, чем где бы то ни было в другой стране... Вообще, это был редко честный человек»⁴⁰.

Другой сослуживец, офицер-генштабист, говоря о Селивачёве, также употребил эпитеты в превосходной степени: «Это был замечательный человек и выдающийся военачальник. О нем необходимо сказать несколько слов... Передо мной стоял небольшого роста, худощавый человек с большой бородой, бакенбардами и невероятного фасона головой. Голова уходила вверх острым клином; это была сахарная голова и, когда генерал одевал фуражку, то верхняя, острая часть головы выпирала кверху через эту фуражку. Я был предупрежден о его внешности, но невольно взглянул на голову. Этот физический недостаток не повредил его мозги, а скорее обострил их. Умный, строгий взгляд его карих глаз, живость характера, горячая преданность военному делу, настоящий “*feu sacré*” (“священный огонь”) и большая требовательность к своим подчиненным делали его выдающимся военным учителем. Он окончил Академию Генерального Штаба, но перед выпуском начальник Академии будто бы сказал ему, что с таким фасоном головы выпустить его в Генеральный Штаб не могут»⁴¹. К офицерам Генерального Штаба генерал Селивачёв относился отрицательно и недружелюбно. Младших офицеров Генерального Штаба он насмешливо называл “стратегические мальчики”, и меня он встретил учтиво, но холодно и недоверчиво...»⁴² Вероятно, не без основания нас ста-

⁴⁰ *Скоропадський П.* Спогади. К.-Філадельфія, 1995. С. 64–65, 66. Любопытно, что сам Селивачёв в дневниковой записи от 22 августа 1917 г. дал совершенно противоположную характеристику Скоропадскому: «Вечером приехал генерал Скоропадский все, конечно, со своими бесконечными жалобами и просьбами по вопросу Украинизации. Пришлось крупно поговорить с ним, т. к. он стал доказывать, что в этой разрухе не он виноват, а те, кто согласился на Украинизацию, намекая, конечно, в числе “тех” на меня. Я, не выдержав, резко ответил ему, что он с первых же шагов сделал неправильно, взяв с собой неукраинских офицеров, а теперь поставил их так, что, работая, они могут ожидать только своего ухода из дивизий, которые они обучают, ради каких-то “самостийных” идей, что, на мой взгляд, для России не только вредно, но просто преступно». (РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 29. Л. 12 об.)

⁴¹ «Этого он мне сам никогда не рассказывал и, может быть, это относится к разряду выдумок так же, как и то, что будто бы ему во время японской войны все же предложили должность по Генеральному Штабу, на что он ответил, что фасон головы у него не переменялся» (*прим. автора*).

⁴² «Это относится лишь к службе. В частной жизни я был принят в их милой семье как свой: семья состояла из добрейшей хозяйшки, Марии Федотовны, и 6 детей. Две из его дочерей были уже взрослыми интересными барышнями» (*прим. автора*).

ли называть в других частях “селивачи” (т. е. Селивачёвцы)... Возвращаясь с учёня, генерал Селивачёв постоянно экзаменовал офицеров из полевого устава тактическими и другими вопросами, вроде: какова дальность полета пули, можно ли стрелять по закрытым целям и т. п., чем приводил в восторг командира корпуса, генерала барона Бринкена»⁴³.

Похожую характеристику оставил и Генштаба генерал-майор Б. В. Геруа: «Не помню, кто командовал 6-м корпусом, но командира 49-го забыть трудно. Это был генерал Селивачёв, составивший себе вообще, а в те смутные дни в особенности славу ловкого, толкового и энергичного начальника. Небольшого роста, худой, с необыкновенно длинным лицом, в усах и бороде, точно из-под кисти El Greco, и с еще более длинным лысым черепом, возвышавшимся в форме цилиндра. Селивачёв обращал на себя внимание. Голова эта сослужила плохую службу Селивачёву в Академии Генерального штаба: учился он очень хорошо, а в Генеральный штаб его не выпустили. Сказали: “Нельзя с таким природным цилиндром, над которым будут шутить!”

Но под цилиндром были отличные мозги, а на войне Селивачёв доказал и свою волю»⁴⁴.

Свидетельство о недопущении Селивачёва в Генеральный штаб из-за физического недостатка подтверждается еще одним мемуаристом, общавшимся с Селивачёвым в августе 1917 г., когда генерал совершал свои полеты на аэропланах. Эта история, если она соответствовала действительности, выпукло показывает отнюдь не недостаток самого Селивачёва. Она отчетливо демонстрирует один из симптомов тяжелой болезни военного управления поздней Российской империи — порочную, иррациональную и близорукую кадровую политику, при которой наверх часто выдвигались худшие элементы, а лучшие, наоборот, подвергались унижениям и порицанию. Очевидец вспоминал: «В тесной авиационной семье охотно разговорился считавшийся угрюмым и замкнутым, умный и интересный старик-командир. Он так увлекательно рассказывал, что слушать его было одно наслаждение. Но воспоминания молодости, об академии — звучали какою-то затаенною горечью, которую все чувствовали, но не понимали ее причины.

Должно быть, он это заметил, потому что вдруг выдержал паузу и сказал с непередаваемой иронией: “И знаете... что мне мешало... Вот...” Он снял фуражку, с которой не расставался во время ужина, и указал на свою голову: “Вот, моя голова. Когда я подал прошение о том, что хочу держать экзамены в академию, то там еще думали и решали, можно ли принять в академию человека

⁴³ *Архитов М. Н.* Воспоминания о Первой мировой войне // Военная Быль. 1968. Март. № 90. С. 21–22.

⁴⁴ *Геруа Б. В.* Воспоминания о моей жизни. Т. 2. Париж, 1970. С. 186–187.

с такой формой головы...” Он коротко и болезненно рассмеялся. Всем было не по себе... Голова генерала была действительно редкой формы, яйцеобразная, конусообразная, очень вытянутая сверху и совершенно лысая теперь.

— А я в академии им всем и насолил. Кончил первым. Но все же трудно поверить, из-за формы головы меня не перевели по Генеральному штабу... Много мне эта моя голова хлопот в жизни причинила... Впрочем, — теперь ерунда. Об этом не стоит вспоминать. Лучше расскажу, как ездил я сегодня в одну дивизию, вызвали меня туда. Отказывались там полки в наступление идти. Ставят какие-то условия... Приезжаю, строятся... Здоровуюсь. В чем дело, друзья мои. Какие такие вы ставите условия, чтобы воевать.

— А желаем, чтобы впереди полков шли командиры, рядом попы с крестами, опосля офицеры, за ними доктора и сестры — а позади мы.

— Очень хорошо, говорю. Долго жил. Много всего видел. Только не видел, чтобы ездил извозчик задом наперед. Этого, признаюсь, не видел. Как же он управлять будет. Кто же вами, друзья, управлять будет.

Помолчали, подумали. Засмеялись... Дело уладилось... на сегодня. А завтра — один Бог знает, что еще изобретут. До чего заморочили им головы... До слез мне жаль нашего мужика-солдата»⁴⁵.

По оценке генерала А. И. Деникина, Селивачёв — «прямой, храбрый и честный солдат, который был в большой немилости у комитетов»⁴⁶. Многие годы Селивачёв вел дневник, что говорит об определенных чертах характера — усидчивости, упорстве, силе воли. По другим оценкам, Селивачёв был довольно наивным и доверчивым человеком⁴⁷.

Еще один белый генерал-генштабист, П. С. Махров, привел следующую характеристику Селивачёва: «Я лично знал Селивачёва еще в 1915–1916 годах, когда он в армии генерала Брусилова командовал одной из стрелковых дивизий 22-го Финляндского (правильно — армейского — А. Г.) корпуса генерала фон Бринкена. Я тогда исполнял должность генерал-квартирмейстера штаба 8-й армии. Селивачёв несколько раз заходил ко мне по делам службы. Ему было тогда лет сорок пять. Он был небольшого роста, коренастый, но не полный. Самым характерным в его внешности была его голова, напоминавшая редьку, обросшую внизу большой, длинной, густой, темной бородой, и небольшой копной волос на макушке. Это был очень энергичный, живой, веселый человек и прекрасный боевой начальник дивизии, который терпеть не мог пассивность и всегда стремился вперед. Он очень

⁴⁵ *Е. Д. и В. Б.* Из авиационных воспоминаний. С. 10.

⁴⁶ *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Т. 1. Крушение власти и армии (февраль — сентябрь 1917). М., 2003. С. 540.

⁴⁷ *Раунах Р. Р. фон.* Facies Hippocratica (Лик умирающего). Воспоминания члена Чрезвычайной Следственной Комиссии 1917 года. СПб., 2007. С. 147.

хорошо окончил Академию Генерального штаба, но по каким-то причинам не был переведен в Генеральный штаб, на что, безусловно, имел право и все данные. Злые языки говорили, что его не допустили в Генеральный штаб из-за формы его головы, хотя она и была у него умной.

Этой несправедливости Селивачёв никак не мог простить и не любил офицеров Генерального штаба⁴⁸. Он замечал все их мелкие ошибки и промахи и, будучи очень остр на язык, язвительно высмеивал при всех. С начальством он держался независимо, с подчиненными — доброжелательно. Начальство не любило Селивачёва, но его ценили, так как он был незаменим в боях, особенно в трудные минуты боевых операций. Лично мне он был очень симпатичен, и я относился к нему с большим уважением⁴⁹. Подобная оценка, высказанная противником Селивачёва по Гражданской войне, дорогого стоит.

Итак, перед нами храбрый офицер, военный профессионал с блестящей подготовкой и огромным боевым и командным опытом на всех уровнях военного управления до уровня армии включительно. Человек, глубоко и несправедливо обиженный при старом режиме, но не принимавший революционную анархию и считавший, что армия должна быть вне политики. Монархистом по состоянию на 1917 г. Селивачёв уже не был. В дневниковой записи от 20 марта он отмечал: «Помощником военного министра назначен генерал Маниковский, который шел впереди толпы с красным знаменем. — Вот наши бывшие приверженцы Монархического строя, зажигавшие своими речами за Царя. — Сколько же лжи и неправды сплотилось вокруг Царского трона!!!»⁵⁰

Генерал даже возлагал ответственность за многочисленные провалы во внутривойсковых вопросах и в неудачах на Восточном фронте на последнего императора и его пруссаков, по мнению Селивачёва, окружение. Более того, Селивачёв, судя по его дневнику, был склонен верить слухам о шпионаже императрицы Александры Федоровны в пользу немцев⁵¹. Доверчивое отношение генерала к подобным нелепостям вызывало удивление современников и непонимание, как во главе армии может стоять такой доверчивый человек⁵². Однако те, кто считает генерала наивным, не анализируют

⁴⁸ Судя по дневникам Селивачёва и его переговорам в 1919 г., например, с А. М. Зайончковским, такая категоричная оценка не совсем справедлива.

⁴⁹ *Махров П. С.* В белой армии генерала Деникина: Записки начальника штаба Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России. СПб., 1994. С. 93–94.

⁵⁰ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 27. Л. 72об.

⁵¹ Из дневника ген. В. И. Селивачёва. Публ. Н. Какурина // Красный архив (М. –Л.). 1925. Т. 2 (9). С. 110–111.

⁵² *Раутах Р. Р., фон. Facies Hippocratica (Лик умирающего): Воспоминания члена Чрезвычайной Следственной Комиссии 1917 года.* СПб., 2007. С. 147.

дневниковые записи Селивачёва, в которых тот показал себя и с совершенно другой стороны. Например, запись от 2 февраля 1917 г. о неизбежности грядущей революции⁵³ или запись от 11 марта, в которой он прогнозировал выдвижение генерала А. А. Брусилова на пост Верховного главнокомандующего, действительно произошедшее два с лишним месяца спустя⁵⁴.

Селивачёв прекрасно понимал недостатки системы военного управления и отмечал 28 января 1917 г.: «Неуменье организовать, управлять и наблюдать — вот наше несчастье нашей общей и военной жизни»⁵⁵. По всей видимости, он был готов поддержать любые политические силы, которые были способны навести порядок в стране и в армии: «Пора бы ввести настоящую крепкую власть: в ней одной у нас теперь спасение,» — записал Селивачёв 13 июля 1917 г.⁵⁶ Возможно, именно по этой причине наш герой после окончания Первой мировой войны оказался в рядах Красной армии.

***

19 марта 1918 г. Селивачёв был уволен со службы по собственному желанию с правом свободного проживания в городах Финляндии. Соответствующий документ был ему выдан в финском городе Тавастгус⁵⁷.

26 июня 1918 г. он подал прошение об увольнении в отставку по болезни: «Будучи эвакуирован по болезни из действующей армии, я был зачислен на учет при Петроградском тыловом распределительном эвакуационном пункте, от коего и был уволен в отпуск по болезни в Финляндию. Ввиду окончания срока пребывания моего в эвакуации (6 месяцев) и невозможности, вследствие прекращения всякого сообщения с Петроградом, возвратиться из отпуска, я просил тавастгусского окружного воинского начальника об увольнении меня вовсе от службы, в чем и получил удостоверение за № 673.

По возвращении в Петроград я был освидетельствован в состоянии моего здоровья в комиссии при Николаевском военном госпитале, которая и признала меня подлежащим увольнению от службы по болезни с правом на получение пенсии»⁵⁸. В это время Селивачёв проживал в Петрограде по адресу: Надеждинская улица, дом 52, квартира 4.

⁵³ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 27. Л. 15 об.

⁵⁴ Там же. Л. 57 об.

⁵⁵ Из дневника ген. В. И. Селивачёва. Публ. Н. Какурина // Красный архив (М. –Л.). 1925. Т. 2 (9). С. 105.

⁵⁶ Там же //Красный архив (М. –Л.). 1925. Т. 3 (10). С. 149.

⁵⁷ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 173 253. П / с 149–082 (1918 г.). Л. 2.

⁵⁸ Там же. Л. 1.

В тот же день Селивачёв написал письмо своему другу Николаю Николаевичу, скорее всего, бывшему Генштаба генерал-лейтенанту Н. Н. Стогову, ставшему крупной фигурой в РККА — начальником Всероссийского Главного штаба: «Дорогой и милый Николай Николаевич!.. Оставшись теперь без всяких средств и не имея никакой службы и никакого дела, я подал прошение в Главный штаб об увольнении меня в отставку с пенсией. Это единственный теперь источник моего существования; поэтому получить эту пенсию возможно скорее составляет для меня большой вопрос... Да хранит Вас Господь, родной мой! Целую Вас крепко-крепко. Искренно Вас любящий и глубоко уважающий В. Селивачёв»⁵⁹. Из документа следовало, что это уже не первое обращение Селивачёва к Стогову за содействием. Письмо с просьбой о помощи в решении пенсионного вопроса Селивачёв направил и бывшему генералу П. М. Гурскому.

По всей видимости, Стогов смог выручить Селивачёва, так как в одном из последующих документов было отмечено, что Всероглавштаб снесся с Наркоматом по финансам, и пенсия Селивачёву была обеспечена⁶⁰. Селивачёву полагалась пенсия в 3 600 руб. в год из казны и 859 руб. из эмеритальной кассы⁶¹. Определенную помощь в получении пенсии оказал Селивачёву его сын Михаил, но из-за бюрократических сложностей и отсутствия дубликатов некоторых служебных документов Селивачёву пришлось утрясать свой пенсионный вопрос вплоть до осени 1918 г.

Перебравшись в Москву, Селивачёв поселился на Маросейке, 9, кв. 4, где для него и его семьи было реквизировано полквартиры Беловых⁶². Материальное положение Селивачёвых в 1917–1918 гг. было незавидным. После ухода с военной службы бывший генерал был вынужден трудиться в качестве старшего рабочего на мыловаренном заводе с окладом в 500 руб. в месяц⁶³. Необходимо было содержать большую семью (жена и шестеро детей), в которой помимо несовершеннолетних детей была еще и неработоспособная дочь. Но по каким-то причинам возвращаться на военную службу и служить в РККА в этот период он не стремился. В конце концов Селивачёву удалось найти соответствующую его квалификации, спокойную и лучше оплачиваемую работу.

1 ноября 1918 г. Селивачёв был принят на службу в Главное управление архивным делом в должности заведующего первым московским отделением

⁵⁹ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 173 253. П/с 149–082 (1918 г.). Л. 4.

⁶⁰ Там же. Л. 9.

⁶¹ Там же. Л. 10–11.

⁶² Протокол допроса Д. Д. Зуева 08.01.1931 // *Тинченко Я. Ю.* Голгофа русского офицерства в СССР 1930–1931 годы. М., 2000. С. 362. Сын Селивачёва Борис проживал по этому же адресу на момент своего ареста 29 августа 1937 г. (*Жертвы политического террора в СССР.* Компакт-диск. Изд. 4-е. М., 2007).

⁶³ ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 56. Д. 227. Л. 2.

третьей (военно-морской) секции Единого государственного архивного фонда с окладом в 1 000 руб.⁶⁴ Новая должность давала Селивачёву и ряд других преимуществ. В частности, 2 декабря Селивачёв получил специальное удостоверение управления делами Наркомпроса, в котором было отмечено, что он относился ко второй категории служащих в советских учреждениях. Принадлежность к этой категории давала семье Селивачёва следующие «льготы»:

«а) Вся имеющаяся у них мебель и домашняя обстановка остается в их владении.

б) Они могут быть оставлены в занимаемых ими помещениях или им могут быть предоставлены другие квартиры в районе их службы, в зависимости от количества здоровых помещений, необходимых для рабочих данного района.

в) В случае переселения они должны быть обеспечены средствами передвижения, необходимыми (в документе несогласованно — необходимыми. — А. Г.) для перевозки их мебели и имущества.

г) Белье, платье и другие предметы реквизиции не подлежат.

д) Музыкальные инструменты, книги, картины и другие предметы художественного творчества подлежат лишь учету и поступают в ведение соответствующих организаций»⁶⁵.

Кроме того, Селивачёв был отнесен ко второй категории «классового пайка»⁶⁶.

Селивачёв был человеком благодарным и заботливым. Устроившись в Главное управление архивным делом, он помог в трудоустройстве туда же недавно выручившего его с пенсией бывшего генерала Стогова, который только освободился из-под ареста. Последний устроился к Селивачёву в отделение с 25 ноября 1918 г. сначала как секретарь канцелярии с окладом 940 руб., а затем стал помощником заведующего (т. е. самого Селивачёва) с окладом 1 200 руб.⁶⁷ Так на практике осуществлялась взаимовыручка бывших офицеров в непростых советских условиях.

С 15 декабря 1918 г. Селивачёв пошел на повышение и стал заведующим третьей (военно-морской) секцией с окладом 1300 руб. Кроме того, он был членом коллегии Главного управления архивным делом. Его прежнюю должность заведующего отделением занял известный военный историк Г. С. Габаев, а помощником Габаева стал зять Селивачёва Д. Д. Зуев.

В анкете Селивачёв указал, что его могли аттестовать руководитель Главного управления архивным делом, видный большевик Д. Б. Рязанов, а так-

⁶⁴ Там же. Л. 1.

⁶⁵ Там же. Л. 3.

⁶⁶ Там же. Л. 4.

⁶⁷ ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 56. Д. 826. Л. 1, 3.

же видные военспецы Г. И. Теодори и И. И. Вацетис.⁶⁸ Уже через несколько месяцев все трое будут активно добиваться освобождения Селивачёва из-под ареста.

Возможно, не без протекции отца в Главное управление архивным делом 27 января 1919 г. смогла устроиться дочь Селивачёва Татьяна в качестве секретаря 2-го разряда с окладом 830 руб.⁶⁹

Только в декабре 1918 г., сравнительно поздно, Селивачёв был мобилизован в РККА. Первоначально он работал сотрудником-составителем в комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 гг. при Всероссийском Главном штабе. Такую службу нередко выбирали те военспецы, которые не желали участвовать в Гражданской войне. Комиссия была создана при военно-историческом отделе организационного управления Всевоглавштаба приказом РВСР № 355 в ноябре 1918 г. Временно исполняющим должность ее председателя стал известный военный специалист и ученый А. А. Свечин. Ответственными редакторами были В. Н. Клембовский, К. И. Рыльский, Д. П. Парский, Я. К. Цихович, Д. К. Лебедев. В состав комиссии также вошли сотрудники-составители: В. Е. Борисов, В. И. Соколов, А. Н. Суворов, А. С. Гришинский, К. К. Байов, Л. А. Радус-Зенкович, Д. А. Долгов, А. А. Незнамов, А. Д. Окунев, В. И. Селивачёв, Н. Г. Корсун⁷⁰. Селивачёв должен был заниматься периодом Первой мировой войны с сентября 1916 по начало Февральской революции, а также действиями на Румынском фронте⁷¹. Одновременно Селивачёв преподавал в академии Генштаба РККА и на курсах разведки и военного контроля. После того, как совместительство было ограничено, он был вынужден оставить работу в комиссии⁷².

Оснований любить большевиков у Селивачёва не было. В феврале — июле 1919 г. он находился под арестом в Бутырской тюрьме по обвинению в принадлежности к подпольной объединенной офицерской организации⁷³. В советской литературе, за исключением краткого упоминания в труднодоступ-

⁶⁸ ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 56. Д. 227. Л. 2.

⁶⁹ Татьяна Владимировна Селивачёва окончила Екатерининский институт благородных девиц и счетоводные курсы М. В. Побединского, работала во 2-м петроградском военном строительстве конторщицей (15.10.1918–15.01.1919) с окладом 800 руб., откуда ушла по обстоятельствам личного характера. По другим документам, также работала и. д. помощника бухгалтера в 4-м военном строительстве в Вятке (до 18.01.1919). 13 августа 1919 г. уволилась по прошению с должности секретаря 2-го разряда и делопроизводителя Главного управления архивным делом. Счетовод отдела медицинского снабжения наркомата здравоохранения РСФСР с окладом 2020 руб. (с 05.12.1919). Проживала в Москве по адресу: Маросейка, 9, кв. 29 — ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 56. Д. 228. Л. 1, 2; Ф. Р-5325. Оп. 12. Д. 1732. Л. 1, 2, 4, 6; Ф. А-482. Оп. 40. Д. 1835. Л. 2, 4–4 об.

⁷⁰ РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 60. Л. 173.

⁷¹ Там же. Л. 174 об.

⁷² РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 83. Л. 130 об.

⁷³ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 326; Красная книга ВЧК. Т. 2. М., 1989. С. 414.

ной тогда «Красной книге ВЧК», факт длительного пребывания Селивачёва в заключении не только не афишировался, но даже, скорее, наоборот, намеренно замалчивался. Например, П. Г. Софинов в «Очерках истории ВЧК», выпущенных в 1960 г. Государственным издательством политической литературы, прямо указал: «Во главе военных заговорщиков вначале стоял бывший царский генерал Селивачёв, сотрудник Исторической комиссии при Всероглавноштабе. Вскоре Троцкий “выдвинул” генерала Селивачёва на должность помощника командующего Южным фронтом. Уезжая на фронт, Селивачёв передал руководство контрреволюционной организацией полковнику (так в тексте — А. Г.) Стогову, начальнику Всероглавноштаба. Находясь в действующей армии, Селивачёв не прерывал связи с московскими заговорщиками. Из Москвы он получал шпионские материалы и переправлял их Деникину»⁷⁴. Далее Софинов утверждал, что к маю 1919 г. ВЧК, якобы, располагала данными о шпионской деятельности Стогова и Селивачёва, но их аресту воспротивился Троцкий. Позднее Стогов был арестован, якобы за хозяйственные преступления, а Селивачёв так и остался на свободе⁷⁵.

Изложение Софинова следует считать намеренной фальсификацией, призванной, вероятно, скрыть какие-то неудобные для чекистов стороны их ранней истории. Вкратце смысл этого пассажа заключался в том, чтобы показать сложную работу бдительных чекистов и вредительство Троцкого. Однако Софинов не считал необходимым вдаваться в детали, которые говорят о том, что на самом деле Стогов был под подозрением с конца 1918 г., неоднократно арестовывался и эффективно руководить военным подпольем в 1919 г. уже не мог. На май 1919 г. он не был ни полковником, ни главой Всероглавноштаба. Арестованный почти на полгода Селивачёв тоже не мог ему передать эстафету, тем более, что никаких определенных данных о причастности Селивачёва к московскому военному подполью, не говоря уже о руководстве им, нет. Нет данных и о том, что на фронте Селивачёв поддерживал связь с московским подпольем и Деникиным. Технически это было невыполнимо. Наконец, неверно, что Селивачёв так и не был арестован, т. к. история с его арестом отчетливо прослеживается по архивным документам.

Арест Селивачёва произошел 9 февраля 1919 г., однако неожиданно у арестованного нашлись заступники. Причем переписка об освобождении бывшего генерала раскрывает некоторые ранее неизвестные факты, касающиеся взаимоотношений военспецов и чекистского руководства.

Консультант Регистрационного управления Полевого штаба РВСР Генштаба Г. И. Теодори телеграфировал начальнику Региструпра С. И. Аралову

⁷⁴ Софинов П. Г. Очерки истории Всероссийской Чрезвычайной Комиссии (1917–1922 гг.). М., 1960. С. 169.

⁷⁵ Там же. С. 170.

секретно в собственные руки: «Контакта между нами (военспецами. — А. Г.) и особым отделом не получится до тех пор, пока с нами не прекратят неприлично держаться. Достаточно заявления тов. Эйдук,⁷⁶ сделанного мне 13 февраля, чтобы вопрос о взаимодействии отпал. Тот характер и тон отношений, который взят по отношению к выпуску, не только не допустим, но такой тон за 15 месяцев работы допустил лишь тов. Чикколини,⁷⁷ да и то один только раз. Являясь ответственным и доверенным лицом, как и многие из нас: Тарасов, Доможиров, Полозов, Майгур, Петров, Исаев, Кутырев, Срывагин⁷⁸ и т. д., я не могу допустить такого отношения к нам. Мы будем не только протестовать, но отвечать тем же, ибо никто не имеет права нас порочить, а особенно лица, кои зарекомендовали себя по совместной с нами работе отрицательно. Случай с Селивачёвым, за которого ручались Вы, Рязанов, Павулан⁷⁹ и 15 лиц выпуска 1917 года, показывает, что нам надо уходить, ибо на 15 месяце службы еще есть лица, кои имеют смелость и дерзость быть с нами неприличными, говоря громко о недоверии. Ваше пожелание надо направить в сторону тех, кто нас трогает. Москва. 14 февраля № 999/ру. Теодори»⁸⁰.

Фактически Теодори, опираясь на поддержку выпускников ускоренных курсов академии Генштаба, объявил войну высшему чекистскому руководству, ставя вопрос — либо мы, либо они⁸¹. Разумеется, Теодори проиграл в этой войне, оказавшись в длительном тюремном заключении, но это произошло чуть позже. Пока же на конфронтацию накладывала свой отпечаток предшествовавшая этим событиям передача ВЧК военной контрразведки — детища Теодори. За первой телеграммой последовала вторая, еще более резкая, копия которой была направлена председателю РВСР Л. Д. Троцкому в надежде на его весомую поддержку и, возможно, по согласованию с Араловым, т. к. последний по итогам предыдущего документа уже знал об аресте Селивачёва.

⁷⁶ Эйдук Александр Владимирович (1886–28.08.1938) — заместитель председателя Особого отдела ВЧК (01–06.1919).

⁷⁷ Чикколини Сергей Владимирович — член РКП(б). Член фронтовой коллегии Московского областного комиссариата по военным делам. Начальник отделения военного контроля оперативного отдела Народного комиссариата по военным делам. Заместитель заведующего оперативным отделом Народного комиссариата по военным делам (до 08.08.1918). В распоряжении Л. Д. Троцкого. Начальник поезда Л. Д. Троцкого. Председатель реввоен трибунала Южного фронта. Отстранен от ответственной работы в советских учреждениях за произвол (31.01.1919).

⁷⁸ Речь идет об однокашниках Теодори — выпускниках ускоренных курсов 2-й очереди академии Генерального штаба.

⁷⁹ Павулан Валентин Петрович — заместитель начальника Регистрационного управления Полевого штаба РВСР.

⁸⁰ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3. Л. 220–221.

⁸¹ Подробнее об этом см.: Ганин А. В. Дело Г. И. Теодори в 1919–1921 гг. Взаимоотношения советского руководства с генштабистами в период Гражданской войны // Военно-исторический журнал. 2009. № 10. С. 32–37.

15 февраля 1919 г. Теодори телеграфировал Аралову с копией Троцкому: «9-го февраля арестован В. И. Селивачёв. [В] тот же день Кедров⁸² обещал Вам, если не будет новых данных, освободить его. 13-го февраля, невзирая на ручательство Ваше, Рязанова, Павулана и 15 лиц выпуска 1917 года, Селивачёва Кедров, вернее Эйдук, не освободили. 13-го февраля я лично поехал к Кедрову под давлением телеграммы, полученной от представителей всего выпуска с фронта с просьбой освободить Селивачёва. Кедров обещал, [В] виду неполучения новых данных, к вечеру Селивачёва освободить. В это время зашел Эйдук и [в] резком недопустимом тоне заявил мне, что он поступит так, как знает. Селивачёв невинен, пользуется исключительным доверием Рязанова, Павулана и всего выпуска. Вы лично его знаете. Селивачёв ведет практические занятия в Академии и на наших курсах⁸³. Держат его только потому, что Эйдук помнит о моем отрицательном отношении к его работе в Вологде и несправедливой и вредной, ибо вносит раздражение среди работников выпуска 1917 года, уже 15 месяцев в подавляющем числе работающих даже идейно. В числе ходатайствующих из выпуска 1917 года — Теодори, наштасев Доможиров, наштаюж Тарасов, Оперодвост Полозов, оперодзап Барановский, наштам Латвии Майгур, Матис, Стульба, Исаев, Кутырев, Моденов, Кузнецов, Малышев, Петров, Яковский, Ивасиов, Поликарпов, Кук, Виноградов, Трофимов, Зиверт, Срывалин, Чинтулов, Григорьев, Лапшин, Черниговский-Сокол, Пирог. Я прошу принять меры к разумному использованию т. Эйдук своих неограниченных полномочий. Я знал, что передача контрразведки лицам, отрицательно зарекомендовавшим себя в Вологде, приведет к отрицательным результатам. События и жизнь подтверждают мои выводы. Поэтому очень прошу Вас беречь совесть выпуска от таких экспериментов и «личных счетов» тов. Эйдук. Я с трудом и большими усилиями сохранил выпуск в феврале и марте 1918 года, спаял его за лето и теперь, когда после занятия выпуском ответственных мест на фронтах, у нас всюду успех, когда оправдались мои слова, что нас сознательно убрали из главных управлений, когда сомнения проникли даже в ряды политических работников, а мы стойки, именно теперь надо поддерживать нас, а не позволять Эйдукам издеваться над нами из-за «личных» усмотрений и счетов. Москва. 15 февраля № 1005/ру. Консультант Региструп. Заведывающий курсами разведки и военного контроля. Член коллегии выпуска 1917 года Генерального Штаба Теодори»⁸⁴.

⁸² Кедров Михаил Сергеевич (12.02.1878–01.11.1941) — председатель Особого отдела ВЧК (01.01–18.08.1919).

⁸³ Речь шла о созданных Теодори курсах разведки и военного контроля.

⁸⁴ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3. Л. 217–219.

Таким образом, за историей с последовавшим арестом Теодори скрылась личная неприязнь к нему со стороны Кедрова и Эйдука. Возможно, то же касалось и Селивачёва. Получив неограниченную власть, руководители недавно созданного Особого отдела ВЧК Кедров и Эйдук, которых современники обвиняли ни много ни мало в садизме и психопатии,⁸⁵ занялись банальным сведением личных счетов с неугодными им военспецами. Позднее наиболее активные представители выпуска ускоренных курсов 2-й очереди академии Генштаба были арестованы.

Если же отвести версию о личных счетах чекистов в отношении Селивачёва, то нужно признать, что он оказался под подозрением, наряду с бывшим генералом Н. Н. Стоговым, как контрреволюционер уже в начале 1919 г. Контакты с Селивачёвым осуждались — заступнику Селивачёва и его преждему подчиненному еще по 1917 г. И. Теодори при аресте были инкриминированы, помимо прочего, именно связи с бывшим генералом⁸⁶. Селивачёв находился под арестом вместе со своим старым сослуживцем бывшим генералом Стоговым. По свидетельству еще одного арестанта, бывшего генерала В. И. Соколова, он не мог отвергать причастности генералов к антибольшевистскому подполью⁸⁷.

6 марта арестованный Селивачёв был формально отчислен от должности сотрудника-составителя комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 гг.⁸⁸

15 апреля 1919 г. одна из дочерей Селивачёва (вероятно, Татьяна) обратилась к главному И. И. Вацетису по телеграфу с просьбой помочь в освобождении отца из тюрьмы: «Отец Владимир Селивачёв арестован [в] Бутырской

⁸⁵ См., напр.: ГА РФ. Ф. Р-5867. Оп. 1. Д. 5. Л. 53; Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 81. Л. 86; *Соломон Г. А.* Среди красных вождей (лично пережитое и виденное на советской службе). Ленин и его семья (Ульяновы). М., 2007. С. 240–243; *Борман А. А.* Москва — 1918 (из записок секретного агента в Кремле) // Русское прошлое. Историко-документальный альманах (Санкт-Петербург). 1991. Кн. 1. С. 141; Красный террор в Москве: свидетельства очевидцев. М., 2010. С. 18, 31, 460; *Мельгунов С. П.* Красный террор в России 1918–1923. М., 1990. С. 175–176. Авторству Эйдука Мельгунов приписывал следующее стихотворение (совокупность известных к настоящему времени свидетельств о деятельности Эйдука позволяет считать, что он действительно мог быть автором таких строк):

*Нет больше радости, нет лучших музык,
Как хруст ломаемых жизней и костей.
Вот отчего, когда томятся наши взоры,
И начинается буйно страсть в груди вскитать,
Черкнуть мне хочется на вашем приговоре
Одно бестрепетное: «К стенке! Расстрелять!»*

⁸⁶ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 225.

⁸⁷ Красная книга ВЧК. Т. 2. М., 1989. С. 414.

⁸⁸ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 11. Л. 34 об.

тюрьме, горячо прошу содействия. Дочь»⁸⁹. Возможно поэтому Вацетис упомянул о Селивачёве в своем докладе председателю Совета рабоче-крестьянской обороны В. И. Ленину от 18 апреля. Вацетис писал: «На днях⁹⁰ арестован также товарищ Селивачёв, который намечался командующим Восточным фронтом. Селивачёв мне известен был еще до войны, и никогда не был монархистом, наоборот, при монархии он был в числе гонимых.

Оба эти ареста (речь шла и об аресте Г. И. Теодори. — А. Г.), вместе взятые, создают такое впечатление, что в центре растерянность и что там, не надеясь на генеральный штаб Красной Армии, забирают заблаговременно заложников, каковыми, по-видимому, являются Теодори и Селивачёв»⁹¹.

Тогда освободить генерала не удалось. Поскольку имя Селивачёва не значилось в списке «лиц Генштаба» РККА на 15 июля 1919 г., составленном Полевым штабом РВСР, можно предположить, что в это время он по-прежнему оставался в тюрьме (впрочем, он мог быть не указан в документе и как не причисленный к Генштабу). Таким образом, в 1919 г. бывший генерал провел в заключении около пяти месяцев.

19 июня 1919 г. главком И. И. Вацетис писал Л. Д. Троцкому: «Прилагая копию письма т. Селивачёва, прошу сообщить, не встречается ли с Вашей стороны препятствий к назначению его на какую-либо должность на фронт и на какую именно»⁹². К сожалению, обнаружить письмо самого Селивачёва не удалось.

Зять Селивачёва, сотрудник Главного управления архивным делом, бывший полковник Д. Д. Зуев сообщал на совещании управляющих петроградскими отделениями секций Единого государственного архивного фонда 10 июля 1919 г. об итогах своей поездки в Москву, что «только благодаря исключительной заботливости Д. Б. Рязанова избежал опасности быть расстрелянным В. И. Селивачёв. Теперь он будет переведен из одиночного заключения в концентрационный лагерь и затем получит назначение по военному ведомству. Согласно распоряжению Д. Б. Рязанова, Селивачёв включен в требовательную ведомость»⁹³. Вскоре Селивачёв был освобожден и практически сразу, несмотря на отсутствие надлежащего стажа службы в РККА, получил ответственное назначение.

⁸⁹ РГВА. Ф. 6. Оп. 5. Д. 66. Л. 233.

⁹⁰ Очевидно, ошибка памяти, связанная с недавним получением прошения дочери Селивачёва. Арест Селивачёва произошел еще в феврале 1919 г.

⁹¹ Большевистское руководство. Переписка. 1912–1927. Сб. док. М., 1996. С. 87.

⁹² РГВА. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1. Л. 587.

⁹³ ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 65. Л. 178; «Спасены архивные дела, фактически спасены от гибели». Из протоколов руководящих органов управления архивным делом в 1918–1928 гг. (1918–1919 гг.). Публ. О. Н. Копыловой, Т. И. Хорхординой // Отечественные архивы. 2010. № 4. С. 94–95.

***

Примерно с середины лета 1919 г. определяющее значение для исхода Гражданской войны приобрели события на Южном фронте, где развернулась ожесточенная борьба между частями Красной армии и наступавшими на советский центр формированиями Вооруженных сил на Юге России под общим командованием Генштаба генерал-лейтенанта А. И. Деникина. Как известно, 3 июля (20 июня) 1919 г. Деникин в только что освобожденном от красных Царицыне издал приказ № 08878, более известный как «Московская директива». Согласно этому приказу конечной целью наступления армий было овладение Москвой. Части Добровольческой армии под командованием Генштаба генерал-лейтенанта В. З. Май-Маевского наступали в направлении Курск—Орел—Тула, для обеспечения с запада войска должны были выдвигаться на линию Днепра и Десны, занять Киев и другие переправы от Екатеринослава до Брянска. Наступавшая восточнее Донская армия Генштаба генерал-лейтенанта В. И. Сидорина должна была действовать на направлениях Воронеж — Козлов — Рязань и Новый Оскол — Елец — Кашира. Еще восточнее наступала Кавказская армия Генштаба генерал-лейтенанта П. Н. Врангеля, задачей которой был выход на линию Саратов—Ртищево—Балашов, смена донских частей на этих направлениях и последующее движение на Пензу — Рузаевку — Арзамас и далее на Нижний Новгород, Владимир и Москву⁹⁴. «Поход на Москву», как позднее мемуаристы и исследователи стали называть это наступление, первоначально развивался крайне успешно для белых. Части ВСЮР овладели Харьковом, Белгородом, Полтавой, Екатеринославом, продолжая безостановочно рваться к самому сердцу большевистской России.

Против частей ВСЮР красные к началу августа 1919 г. имели на Южном фронте 14-ю, 13-ю, 8-ю, 9-ю и 10-ю армии. Советское руководство лихорадочно пыталось организовать отпор Деникину. Новый главком, в прошлом Генштаба полковник С. С. Каменев, очевидно стремясь проявить себя на новой должности, разработал план разгрома войск Деникина (директива от 23 июля), наметив операцию на начало и середину августа⁹⁵. Главный удар в направлении на Царицын и Донскую область в середине августа должны были наносить располагавшиеся на левом фланге фронта 9-я и 10-я армии, которые сводились в Особую группу. Общее руководство ударной группой возлагалось на В. И. Шорина — бывшего командующего 2-й армией и

⁹⁴ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Кн. 3. Т. 4–5. Вооруженные силы Юга России. М., 2003. С. 487.

⁹⁵ Директивы главного командования Красной армии (1917–1920). Сб. док. М., 1969. С. 438–439. Прежний главком И.И. Вацетис 22 июня 1919 г. планировал нанесение главного удара в районе Донской области и Украины — Там же. С. 433. Схемы подготовлены О. Е. Алпеевым.

Северной группой Восточного фронта, которого Каменев хорошо знал по совместной службе на Восточном фронте (до июля 1919 г. Каменев был командующим этим фронтом). Кроме того, на начало августа Каменевым было намечено нанесение силами 8-й армии «более короткого удара» на воронежском направлении. Командующий фронтом В. Н. Егорьев в докладной записке от 25 июля был настроен более осторожно, считая, что фронт еще не вполне готов к активным действиям,⁹⁶ но Каменев, отличавшийся большим упорством,⁹⁷ 27 июля продолжал настаивать на ранее предложенном им плане⁹⁸.

Возникшие разногласия между главкомом и командующим фронтом не остались без внимания со стороны большевистского военно-политического руководства. Председатель РВСР Л. Д. Троцкий решил, что эту ситуацию можно использовать для кадровых перестановок в руководстве фронта. Очень кстати оказалось и то, что к этому времени уже практически неделю на самом высоком уровне обсуждалось возможное назначение на какой-либо руководящий пост бывшего генерала Селивачёва. О Селивачёве неожиданно вспомнили, в результате чего в его жизни открылась последняя и, пожалуй, наиболее загадочная страница.

Зондирование возможного высокого назначения освобожденного из тюрьмы бывшего генерала началось в 20-х числах июля 1919 г. 21 июля

⁹⁶ Там же. С. 440.

⁹⁷ Недоброжелатели отзывались о Каменеве как о «человеке с большими усами и маленькими способностями» — *Галич Ю.* Красный главком // Красный хоровод: Повести; Рассказы. М., 2008. С. 237. Важную характеристику Каменева дал Троцкий. По его мнению, Каменев «отличался оптимизмом, быстротой стратегического воображения. Но кругозор его был еще сравнительно узок, социальные факторы Южного фронта: рабочие, украинские крестьяне, казаки — не были ему ясны. Он подошел к Южному фронту под углом зрения командующего Восточным фронтом. Ближе всего было сосредоточить дивизии, снятые с Востока, на Волге и ударить на Кубань, исходную базу Деникина. Именно из этого плана он и исходил, когда обещал вовремя доставить дивизии, не приостанавливая наступления. Однако мое знакомство с Южным фронтом подсказывало мне, что план в корне ошибочен... Но моя борьба против плана казалась продолжением конфликта между Военным Советом (РВСР. — *А. Г.*) и Восточным фронтом. Смилга и Гусев при содействии Сталина изображали дело так, будто я против плана, потому что вообще не доверяю новому главнокомандующему. У Ленина было, видимо, то же самое опасение. Но оно было ошибочно в корне. Я не переоценивал Вацетиса, дружески встретил Каменева и стремился всячески облегчить его работу... Трудно сказать, кто из двух полковников (Вацетис и Каменев. — *А. Г.*) был даровитее. Оба обладали несомненными стратегическими качествами, оба имели опыт великой войны, оба отличались оптимистическим складом характера, без чего командовать невозможно. Вацетис был упрямее, своенравнее и поддавался несомненно влиянию враждебных революции элементов. Каменев был несравненно покладистее и легко поддавался влиянию работавших с ним коммунистов... С. С. Каменев был, несомненно, способным военачальником, с воображением и способностью к риску. Ему не хватало глубины и твердости. Ленин потом сильно разочаровался в нем и не раз очень резко характеризовал его донесения: «Ответ глупый и местами неграмотный»» (*Троцкий Л.* Сталин. Т. 2. М., 1990. С. 104–107).

⁹⁸ Директивы главного командования Красной армии. С. 441–442.

вопрос о его назначении на пост командующего 13-й армией обсуждался на заседании РВСР. Кандидатура Селивачёва была предложена главкомом С. С. Каменевым и членом РВСР С. И. Гусевым в связи с болезнью командовавшего армией А. И. Геккера. Было принято решение назначить Селивачёва, если не последует возражений со стороны Троцкого, однако это назначение не состоялось⁹⁹.

27 июля 1919 г. Троцкий телеграфировал В. И. Ленину, что командующий Южным фронтом В. Н. Егорьев не верит в успех намеченного главкомом Каменевым контрнаступления. «Единственный выход — немедленная (до начала операции) смена командюжа¹⁰⁰ лицом, которое признает оперативный авторитет Главкома и разделяет его план. Может быть, Селивачёв сойдется с Каменевым, тогда он должен быть немедленно назначен пом[ощником] командюж с тем, чтобы через неделю — две быть назначенным командюж. Жду указаний, Троцкий»¹⁰¹. Таким образом, Троцкий сразу прочил Селивачёва, не имевшего еще командно-штабного опыта в РККА и к тому же долгое время находившегося под подозрением и в тюремном заключении, ни много ни мало на пост командующего советским Южным фронтом. Документального объяснения этому беспрецедентному лоббированию пока нет. В тот же день Селивачёв по распоряжению Троцкого был немедленно командирован в распоряжение РВС Южного фронта¹⁰². К сожалению, в документе не указано, был ли он при этом освобожден из-под ареста или же это произошло ранее.

Ленин в своей ответной телеграмме от 28 июля проигнорировал предложение Троцкого относительно Селивачёва¹⁰³. По всей видимости, Ленин просто не придавал значения этому предложению Троцкого, а, быть может, сознательно не хотел выдвижения на высокий пост его кандидата. Троцкий был возмущен и резко ответил 29 июля: «Отправку помощником Селивачёва после предварительной беседы с ним Главкома считаю крайне желательной. На это единственное предложение не отвечено, а рекомендовано внушать правила дисциплины»¹⁰⁴. В результате настойчивого продвижения Троцким кандидатуры Селивачёва назначение бывшего генерала все-таки состоялось.

Уже 30 июля¹⁰⁵ он получил крупную должность помощника командующего советским Южным фронтом (официально проведено приказом

⁹⁹ Реввоенсовет Республики. Протоколы. 1918–1919 гг. М., 1997. С. 268, 271.

¹⁰⁰ Командюж — телеграфное сокращение должности командующего Южным фронтом.

¹⁰¹ Рукописный оригинал — РГВА. Ф. 33 987. Оп. 2. Д. 32. Л. 258 об.; опубли. в: *Краснов В. Г., Дайнес В. О.* Неизвестный Троцкий. Красный Бонапарт: Документы. Мнения. Размышления. М., 2000. С. 204.

¹⁰² РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 918. Л. 209.

¹⁰³ *Ленин В. И.* Военная переписка. 1917–1922 гг. М., 1987. С. 191.

¹⁰⁴ Цит. по: *Краснов В. Г., Дайнес В. О.* Указ. соч. С. 205.

¹⁰⁵ ГА РФ. Ф. А-539. Оп. 3. Д. 419. Л. 48.

РВСР № 131 л/с от 25 августа 1919 г.¹⁰⁶) и 1 августа 1919 г. отправился к месту назначения¹⁰⁷. Стремительное назначение, возможно, объясняется спешной подготовкой наступления фронта и острой потребностью в опытных специалистах, к числу которых, безусловно, относился Селивачёв. Куда делись былые подозрения — непонятно.

На новом посту Селивачёв находился вплоть до своей неожиданной смерти в сентябре 1919 г. 3 августа Троцкий решил обосновать свое недавнее продавливание кандидатуры Селивачёва перед ЦК РКП (б) при помощи пространных философских рассуждений:

«Назначение Селивачёва по существу. Конечно, политбюро, надеюсь, никому не собирается гипнотически внушать доверия к оперативному авторитету. Тут нужны некоторые более серьезные гарантии. Назначение Селивачёва и является в моих глазах такого рода относительной гарантией не только по отношению к Козлову,¹⁰⁸ но и по отношению к Москве, т. е. если там будут делаться серьезные промахи, то Селивачёв своевременно тактичным советом (если захочет) поправит без конфликта. Видимость будет соблюдена, и план будет проводиться как нужно. Селивачёв во всяком случае всеми признается умным, способным и знающим человеком. Весь вопрос в том, в какой мере он захочет быть добросовестным и активным. Но если он останется чисто пассивным исполнителем, вреда и тогда не будет, а небольшая польза будет, так как в повседневной работе он не сможет не вносить те или другие поправки в работу Козловского командования.

Отсюда небольшой вывод. При всей полноте веры в оперативный авторитет нет основания отказываться от кое-каких дополнительных практических гарантий, которые в дальнейшем ходе событий могут оказаться надежнее веры и надежнее самого авторитета, а в настоящее время обеспечивают только наилучшее (т. е. наиболее свободное от грубых промахов) проведение намеченного плана... Р. С. Назначение Селивачёва состоялось. Полагаю, что демонстративное укомплектование Реввоенсовюж¹⁰⁹ отпало. Стало быть, инцидент исчерпан. Л. Т.»¹¹⁰.

В этом послании Троцкий охарактеризовал Селивачёва как «авторитетного и опытного в оперативном смысле человека, через которого можно будет иметь некоторую проверку как сомнений, колебаний, так и факти-

¹⁰⁶ Реввоенсовет Республики. Протоколы. 1918–1919 гг. С. 271.

¹⁰⁷ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 918. Л. 216.

¹⁰⁸ Штаб Южного фронта.

¹⁰⁹ РВС Южного фронта.

¹¹⁰ РГВА. Ф. 33 987. Оп. 2. Д. 32. Л. 272–272 об.; опубли. в: *Краснов В. Г., Дайнес В. О. Указ. соч.* С. 208.

ческих ошибок... дело будет поставлено с достаточной основательностью, вполне обеспечивающей проведение плана»¹¹¹. Для придания большего веса своим словам Троцкий отметил, что в такой оценке с ним солидарен член РВС Южного фронта Г. Я. Сокольников.

Этот документ свидетельствует о том, что назначение Селивачёва далось Троцкому нелегко. По всей видимости, прежде чем начать борьбу за кандидатуру Селивачёва, Троцкий консультировался в отношении его профессиональных качеств с кем-то из военспецов и получил блестящие отзывы. Троцкий просто не мог хорошо знать Селивачёва, почти не служившего ранее в РККА. В то же время необходимость пространных обоснований свидетельствует об острых разногласиях, которые вызывало в советском военнополитическом руководстве ответственное назначение никому не известного и находившегося под подозрением бывшего генерала. Не менее странным выглядит назначение Селивачёва и в контексте еще не улегшихся страстей по поводу июльских арестов ставленников Троцкого в Полевом штабе РВСР.

В том же документе Троцкий подверг резкой критике предложенное Каменевым направление главного удара предстоявшей наступательной операции. Троцкий был против наступления через Донскую область, так как обоснованно считал, что на казачьих территориях красные встретят наибольшее сопротивление¹¹². Идея Троцкого (возможно, до начала наступления еще не полностью оформившаяся) заключалась в том, чтобы разделить две опоры белых — добровольцев и казаков, отделив военную задачу разгрома Добровольческой армии от решения вопроса о казачестве. Такое разделение было возможно при наступлении по более короткому пути на Харьков и Каменноугольный бассейн (Донбасс). Вопрос о казачестве Троцкий считал в большей степени политическим, чем военным¹¹³. Однако красное командование явно недооценило значение харьковского направления для Деникина. Между тем именно оно для белых по факту являлось основным. Здесь же были сосредоточены лучшие части Добровольческой армии.

Очевидно, что Каменев выстраивал этот план, базируясь на своем прежнем опыте командования Восточным фронтом. Доводы, которыми мог руководствоваться Каменев, не кажутся убедительными. Так, утверждается, что план срывает возможность соединения Деникина и Колчака¹¹⁴. Этот довод считал несерьезным еще Троцкий, по мнению которого истоки плана Каменева лежали в стратегической ситуации мая 1919 г., когда действительно существовала угроза соединения Колчака и Деникина. Очевид-

¹¹¹ Цит. по: Краснов В. Г., Дайнес В. О. Указ. соч. С. 206.

¹¹² Краснов В. Г., Дайнес В. О. Указ. соч. С. 207.

¹¹³ Троцкий Л. Д. Моя жизнь. М., 2001. С. 442.

¹¹⁴ Mawdsley E. The Russian Civil war. Edinburgh, 2008. P. 244.

но, Каменев стал заложником своих прежних опасений. Однако ко второй половине лета 1919 г. эти основания уже потеряли свою актуальность, поскольку в июле — августе 1919 г. основные силы колчаковских армий были отброшены на Урал и в Зауралье, и соединение с Деникиным стало невозможным.

Экономия времени при переброске частей с Восточного фронта на левый фланг Южного фронта и необходимость обороны Средней Волги как района пополнения Красной армии также едва ли могут быть признаны решающими аргументами. Думается, вопрос расстояния для переброски частей был соображением второстепенного характера и давал лишь кратковременную выгоду, но отнюдь не должен был становиться определяющим при выборе направления главного удара, как оказалось у Каменева. Нельзя не признать и того, что центральные губернии имели не меньшее значение для пополнения РККА, чем Средняя Волга.

Существует точка зрения, что план Каменева оставлял стратегическую инициативу за красными и предусматривал полный разгром противника путем овладения базой Деникина на Северном Кавказе¹¹⁵. Но план Каменева отнюдь не означал, что красные будут лишены стратегической инициативы при ином выборе направления главного удара. Что касается Северного Кавказа, то он как база для антибольшевистских сил к середине 1919 г. был уже истощен неоднократными мобилизациями¹¹⁶. В это время белое командование возлагало большие надежды на новые районы пополнения живой силы. Именно таким районом для Деникина была Украина, угроза потери которой крайне беспокоила Ленина (удивительно, что он при этом не требовал изменений в плане Каменева в сторону более активных действий в направлении Харькова, а не Царицына, и не поддержал Троцкого).

Каменев считал тогда Селивачёва проводником своей политики в штабе Южного фронта, как и задумывал Троцкий¹¹⁷. Критикуя директивы командующего Южным фронтом Егорьева, Каменев 4 августа 1919 г. рекомендовал тому обсудить вопрос с Селивачёвым, чтобы устранить разногласия, однако Селивачёв Егорьеву сообщил, что его план одобрен Каменевым,¹¹⁸ в результате Егорьев не знал, как ему поступать.

Сознательно или неосознанно Селивачёв запутывал Егорьева — этого мы не знаем, однако уже 4 августа Каменев и Егорьев смогли согласовать план действий, предусматривавший нанесение сильного удара на Валуйки и Купянск. Причем этот удар вопреки первоначальному плану Каменева

¹¹⁵ Ibidem.

¹¹⁶ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Кн. 3. Т. 4–5. Вооруженные силы Юга России. С. 498.

¹¹⁷ Директивы главного командования Красной армии. С. 443.

¹¹⁸ Там же.

было решено наносить одновременно с главным ударом Особой группы Шорина¹¹⁹.

Наряду с назначением помощником командующего Южным фронтом, Селивачёв возглавил еще одну (помимо группы Шорина) ударную группу войск Южного фронта, созданную по распоряжению командующего Южным фронтом В. Н. Егорьева в начале августа 1919 г. для нанесения вспомогательного удара по войскам Деникина на харьковском направлении. Как уже отмечалось, основной удар в соответствии с первоначальным планом Каменева наносила группа Шорина, на которую возлагались задачи овладения Царицыном и Новочеркасском. Кандидатура Селивачёва как командующего группой многим генштабистам из Полевого штаба РВСР казалась очень удачной¹²⁰.

Членами РВС группы Селивачёва стали В. А. Барышников и В. Х. Ауссем, одновременно являвшиеся и членами РВС 8-й армии — основы только что созданной группы. В состав группы вошли 8-я армия А. И. Ратайского (12-я, 15-я, 16-я, 33-я, 40-я стрелковые дивизии, бригада 31-й стрелковой дивизии), часть 13-й армии А. И. Геккера (3-я, 42-я стрелковые дивизии, 13-я отдельная кавалерийская бригада), Воронежский укрепрайон (в оперативном подчинении с 22 августа 1919 г.¹²¹), резерв группы (13-я стрелковая дивизия и бригада 31-й стрелковой дивизии).

К сожалению, в литературе нередко используются произвольные подсчеты численности групп Селивачёва и Шорина. Масштаб искажений не может не вызывать удивления, поскольку достигает 10 000 штыков и сабель по группе Селивачёва и почти 27 000 по группе Шорина. Характерно, что искажения носят односторонний характер — в сторону приуменьшения численности группы Шорина и преувеличения численности группы Селивачёва. Думается, эти искажения не случайны, так как вопрос группировки войск Южного фронта теснейшим образом связан с крайне политизированным в советское время вопросом о плане разгрома Деникина и ролью в его разработке большевистских вождей В. И. Ленина, Л. Д. Троцкого и особенно И. В. Сталина.

Например, бывший командующий советским Южным фронтом А. И. Егоров в своем исследовании «Разгром Деникина», впервые изданном в 1931 г., указал, что в группе Селивачёва насчитывалось 43 000 штыков, 4 660 сабель при 1 600 пулеметах и 310 орудиях¹²². По данным энциклопедии «Граждан-

¹¹⁹ Директивы главного командования Красной армии. С. 444.

¹²⁰ Панов А. В полевом штабе РВСР // Военно-исторический журнал. 1962. № 7. С. 70.

¹²¹ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 1. Л. 37.

¹²² Егоров А. И. Разгром Деникина. 1919 г. // Гражданская война в России: Разгром Деникина. М., 2003. С. 188.

Южный фронт РСФСР в августе — октябре 1919 г.

ская война и военная интервенция в СССР», у Селивачёва было 49,7 тысячи штыков и 4,7 тысячи сабель, 268 орудий, 1 381 пулемет¹²³. Однако перерасчет по данным о боевом составе дивизий и бригад группы на 15 августа 1919 г. дает гораздо меньшую численность — 40 066 штыков, 4 153 сабли, 235 орудий и 1 236 пулеметов¹²⁴ на фронте в 410 км.

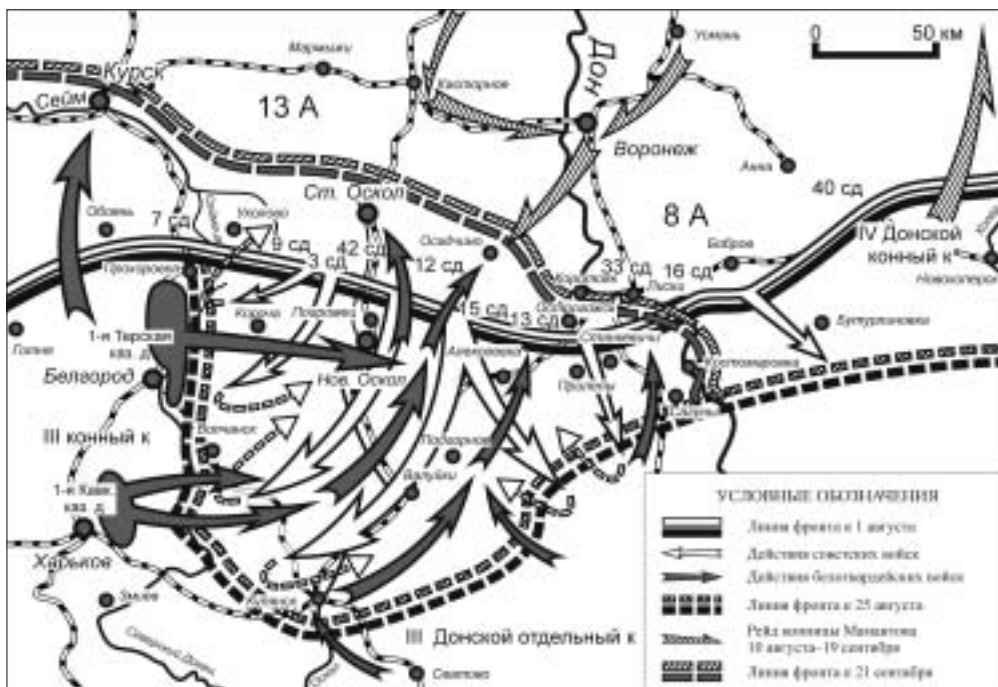
Для сравнения ударная группа Шорина, сведения о численности которой тоже сильно варьируются (57 000 штыков и сабель по данным А. И. Егорова и 67 000 штыков и сабель по данным энциклопедии «Гражданская война и военная интервенция в СССР»), по наиболее достоверным расчетам имела порядка 69 тысяч штыков, 14,9 тысячи сабель, 340 орудий и 1 316 пулеметов¹²⁵ на фронте в 350 км.

Таким образом, неверно считать, как делалось прежде на основе неточных данных, что обе группы были примерно равными по численности, а идея главного удара «не нашла своего выражения ни в группировке сил, ни в численном соотношении, ни в обеспечении наиболее благоприятных для наступления

¹²³ Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1987. С. 17.

¹²⁴ Подсчитано по: Директивы командования фронтов Красной армии. Т. 4. С. 73–74.

¹²⁵ Гражданская война в СССР. Т. 2. Решающие победы Красной армии. Крах империалистической интервенции (март 1919 г. — октябрь 1922 г.). М., 1986. С. 159.

Действия группы В. И. Селивачёва

условий»¹²⁶. При более тщательных расчетах разница между главной и вспомогательной группами достигает ощутимых показателей примерно в 29 тысяч штыков, более 10 тысяч сабель, 105 орудий и 80 пулеметов. При таком разрыве очевидно, что идея главного удара на предложенном Каменевым направлении была выражена им в группировке войск вполне отчетливо.

Силы Добровольческой и Донской армий белых, действовавшие на воронежском и курском направлениях против группы Селивачёва, оценивались советским командованием на 1 августа 1919 г. в 18,1 тысячи штыков, 12,3 тысячи сабель при 116 орудиях и 404 пулеметах¹²⁷. Таким образом, Селивачёв обладал лишь полуторным превосходством в численности над противником, но в то же время белые обладали троекратным превосходством над ним в коннице. По орудиям у Селивачёва было двукратное превосходство, а по пулеметам — трехкратное.

Начальником штаба подчиненной Селивачёву 13-й армии был не кто иной, как бывший Генштаба генерал от инфантерии А. М. Зайончковский, который высоко ценил Селивачёва еще в годы Первой мировой войны, а зна-

¹²⁶ Егоров А. И. Указ. соч. С. 188.

¹²⁷ Директивы командования фронтов Красной армии (1917–1922 гг.). Сб. док. Т. 4. Материалы, указатели. М., 1978. С. 483.

ком был с довоенных времен¹²⁸. Уместно отметить, что Зайончковский в это время не был полностью лоялен большевикам и вел свою собственную игру¹²⁹. Не исключено, что в этом они с Селивачёвым были похожи. Начальниками штаба 8-й армии были бывший Генштаба полковник А. С. Нечволодов (до 10 августа 1919 г.) и позднее бывший Генштаба капитан В. Ф. Тарасов.

14 августа Троцкий с гордостью сообщал своему заместителю Э. М. Склянскому по прямому проводу для передачи в ЦК: «Снова посетил 13-ю и 8-ю армии. Выполнена огромная работа. Готовый ударный кулак обеих армий составляет тридцать тысяч штыков, две тысячи сабель, прекрасно оборудованных артиллерией, бронепоездами, бронепоездами. Настроение частей вполне наступательное. По всем обстоятельствам успех на этом направлении обеспечен. Успех скажется немедленно на укр[аинском] фронте приостановкой денкинского наступления, что даст возможность 14-й армии использовать все данные ей материальные, организационные элементы для превращения в боеспособную армию. Выезжаю на левый фланг для ознакомления с главной ударной группой»¹³⁰. Вождь РККА, таким образом, лично приехал благословить своего протеже Селивачёва на проведение операции. Но, как оказалось, оптимизм Троцкого был преждевременным.

10 августа, практически накануне советского наступления, белые провалили фронт на стыке 8-й и 9-й советских армий, и в прорыв устремились конные массы IV Донского конного корпуса генерал-лейтенанта К. К. Мамантова (до 9 000 шашек и штыков при 12 орудиях, 7 бронепоездах и 3 броневых автомобилях), положив начало знаменитому рейду по красным тылам. Разумеется, фактор наличия конницы противника в тылу серьезно осложнял обстановку на фронте для красного командования и отрывал войска от участия в наступлении (из 8-й армии для ликвидации Мамантова была выделена 31-я дивизия, из 9-й — 36-я). Активные наступательные действия предпринимались белыми и на фронтах Добровольческой и Кавказской армий. Тем не менее советское командование не отказалось от решения предпринять в этих условиях общее наступление.

Наступление Южного фронта, к которому так тщательно готовились красные, должно было начаться 14 августа на участке группы Шорина. Наступление

¹²⁸ Двух бывших генералов связывали дружеские отношения, совместная служба в старой армии и единство взглядов по ряду вопросов. Например, в разговоре с Селивачёвым около 19 августа 1919 г. Зайончковский так отзывался о коменданте Курского укрепрайона генштабисте М. С. Свечникове: «Мне трудно было поверить, что я говорю с генштабистом, а как будто бы имею дело с одним из тех батальонных командиров, которых мы с тобой осмеивали много лет тому назад». (РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 8. Л. 150 об.). 4 сентября 1919 г. Селивачёв телеграфировал Зайончковскому: «Всего лучшего, обнимаю взаимно, храни тебя Бог» (РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 7. Л. 140 об.).

¹²⁹ Ганин А. В. Саквояж генерала А.М. Зайончковского.

¹³⁰ РГВА. Ф. 33 987. Оп. 2. Д. 32. Л. 319.

группы Селивачёва намечалось с утра 15 августа¹³¹ Задержка на сутки на его участке была обусловлена необходимостью подтянуть тылы и осмотреться¹³². В то же время председатель Совета рабоче-крестьянской обороны В. И. Ленин был крайне обеспокоен тем, что операция не началась еще в начале августа, и требовал от главкома и фронтового командования решительных действий без какого-либо промедления¹³³. Изначально группы Шорина и Селивачёва должны были действовать в расходящихся направлениях, что сделало невозможным взаимодействие между ними. Главкомом Каменевым группе Селивачёва было приказано разгромить войска противника на сумском и курском направлениях ударом на Бирюч — Валуйки — Купянск,¹³⁴ причем свой главный удар 15 августа ударная группировка (3-я и 42-я стрелковые дивизии, кавалерийская бригада 13-й армии, 12-я, 13-я, 15-я и 16-я стрелковые дивизии) наносила в стык Донской и Добровольческой армий белых. Обеспечение правого фланга группы Селивачёва возлагалось на 14-ю армию.

Удар Селивачёва пришелся по фронту III Донского отдельного корпуса (1-я, 2-я, 3-я, 5-я, 8-я Донские дивизии, около 8 000 штыков и шашек на фронте в 200 верст, штаб — станция Кантемировка). Казачьи историки-эмигранты отмечали, что «Штаб Донской армии или совсем не имел сведений о долго подготавливаемом красным командованием генеральном ударе по 3-му Донскому корпусу или же не придавал должного значения мероприятиям красного командования»¹³⁵. Во всяком случае, в начале наступления Селивачёва корпус также получил наступательную задачу в направлении на Коротояк и Острогожск. Однако, разумеется, это наступление не удалось, поскольку донцы не имели сил для активных действий на обширном фронте, 1-я и 3-я дивизии были откровенно слабыми, а, кроме того, в корпусе ощущалась нехватка опытных генштабистов¹³⁶. Штаб корпуса, судя по оперативным переговорам со штабом Донской армии, просто не знал, что противопоставить советскому наступлению в те дни¹³⁷. Начальник штаба корпуса Генштаба полковник А. В. Говоров просил у штаба армии танки и бронев автомобили, так как корпус не получал техники, а потом командование выдвигало упреки в бездействии¹³⁸. Донское командование вместо этого собиралось усилить корпус Донской стрелковой

---

¹³¹ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 1. Л. 6.

¹³² Директивы командования фронтов Красной армии (1917–1922 гг.). Сб. док. Т. 2. М., 1972. С. 306.

¹³³ Директивы главного командования Красной армии. С. 449, 450.

¹³⁴ Гражданская война в СССР. Т. 2. С. 159.

¹³⁵ Трагедия казачества (Очерк на тему: Казачество и Россия). Ч. III. (Июнь—декабрь 1919). Париж, 1936. С. 224.

¹³⁶ РГВА. Ф. 40 136. Оп. 1. Д. 18. Л. 179 об., 220 об.

¹³⁷ Там же. Л. 190 об.

¹³⁸ Там же. Л. 192.

бригадой из Новочеркасска, правда, без артиллерийских и обозных лошадей¹³⁹. Армейское командование просило при отступлении не взрывать, а демонтировать железнодорожные стрелки из-за их нехватки¹⁴⁰.

За первый день наступления Селивачёв, несмотря на упорное сопротивление, отеснил 5-ю Донскую конную дивизию на Юдин — Станкевичи — Прилепы — Владимировка, 3-ю Донскую конную дивизию — на Алексеевку и Бирюч, а 2-ю и 8-ю дивизии на Марьевку — Глинное — Погромец.

Уже 16 августа командующий Южным фронтом выразил недовольство медленным развитием операции. Селивачёв отвечал, что наступать приходится в боевых, а не в походных условиях, а дороги из-за непрерывных дождей труднопроходимы¹⁴¹. 17 августа в связи с недовольством Егорьева Селивачёв издал приказ: «Наступление согласно директивы Командюж № 8400 вести с полной энергией, на какую способны войска, имея в виду малочисленность противостоящего противника и помня, что решительность и энергия в ведении операции ведет не только к уничтожению противника, но и к отвлечению сил его с других участков фронта, что необходимо для окончательного разгрома пр[отивни]ка»¹⁴². Кстати, для укрепления обороны железнодорожных узлов Касторное и Мармыжи от казаков Мамантова Селивачёв предлагал опираться на местных коммунистов,¹⁴³ что свидетельствует в пользу добросовестности его службы красным.

За первые три дня наступления красных донцы на участке Новый Оскол — Острогжск отступили на 35 верст. Основной удар Селивачёва пришелся на участок между городами Новый Оскол и Бирюч, где располагались 2-я и 8-я Донские дивизии общей численностью 4 100 штыков и шашек. У казаков не хватало технических средств, чтобы противостоять сильной артиллерии и бронепоездам красных, были проблемы с качеством артиллерийских снарядов, 80% которых, по оценке командования корпуса, не разрывалось, пехота из мобилизованных крестьян отличалась неустойчивостью и разбегалась, захватывая оружие¹⁴⁴.

19 августа датирован приказ Егорьева армиям фронта, в котором от войск Селивачёва требовалось немедленно овладеть Белгородом силами правого фланга группы, на остальном фронте наступать в направлении на Волчанск — Валуйки¹⁴⁵. 20 августа в разговоре с начальником штаба фрон-

¹³⁹ Там же. Л. 191.

¹⁴⁰ Там же. Л. 206 об.

¹⁴¹ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 8. Л. 102–103.

¹⁴² РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 10. Л. 8.

¹⁴³ Там же. Л. 22.

¹⁴⁴ Трагедия казачества. С. 226; РГВА. Ф. 40 136. Оп. 1. Д. 18. Л. 220 об.

¹⁴⁵ Директивы командования фронтов Красной армии. Т. 2. С. 314–315.

та Н. В. Пневским Селивачёв недоумевал по поводу новой директивы штаба фронта: «Я в недоумении относительно направления, которое дано по директиве и просил разъяснения, полагая, что там ошибка, Вы мне ответили, что это не ошибка. Не откажите еще раз заглянуть на карту и выслушать меня. Общее направление, если я его понимаю правильно, остается к линии Белгород — Купянск через Волчанск, а далее, опять-таки если я это понимаю верно, на Харьков. Таким образом, если первая половина моей ударной группы, т. е. 13 армия направится на Белгород — Волчанск, то вторая половина должна направиться на Волчанск — Купянск»¹⁴⁶. Далее Селивачёв просил Пневского еще раз проверить намеченное по карте.

К 20 августа Селивачёв овладел Валуйками (первая задача, поставленная группе), далее по директиве Егорьева правый фланг группы должен был, начиная с 21 августа, наступать на Белгород и овладеть им в кратчайший срок, остальная часть группы должна была развивать наступление на Волчанск — Купянск¹⁴⁷. 13-я армия должна была овладеть железнодорожной линией Белгород — Волчанск включительно (на 20 августа она была в 50 верстах от Белгорода и 75 — от Волчанска), 8-я армия — выйти на линию Волчанск—Купянск—Богучар.

Донские части отступали под ударами красных. 8-я Донская дивизия спешно отходила по железной дороге Валуйки—Купянск и даже потеряла связь со своим корпусом¹⁴⁸. Безостановочным был отход 7-й Донской пластунской бригады. Боевой состав этой бригады был ничтожным. К 1 августа в ней числилось лишь 654 штыка, а к 28 августа осталось только 280 штыков¹⁴⁹. Видимо, вследствие безысходности командный состав бригады, по данным на 24 августа, пьянствовал¹⁵⁰. В итоге город Купянск от красных прикрывали одни только бронепоезда. В 8-й Донской пластунской бригаде были свои проблемы — командир бригады генерал-майор В. И. Тапилин был снят со своей должности (затем назначен командиром 2-й бригады 3-й Донской конной дивизии) вследствие недоразумений с начальником 5-й Донской дивизии, которому была подчинена бригада¹⁵¹.

21 августа Селивачёв получил из штаба 13-й армии секретную телеграмму, одна из копий которой была отправлена и в Полевой штаб РВСР через штаб Южного фронта, с неприкрытыми обвинениями в свой адрес: «По всем данным неприятель на фронте 13 армии намного уступает нам в силе. Энергичные действия нашей армии должны перевернуть ход событий и дать

¹⁴⁶ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 8. Л. 162.

¹⁴⁷ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 2. Л. 11.

¹⁴⁸ РГВА. Ф. 40 136. Оп. 1. Д. 18. Л. 242.

¹⁴⁹ Там же. Л. 261, 280.

¹⁵⁰ Там же. Л. 257.

¹⁵¹ Там же. Л. 294.

полную победу всему Южному фронту. А между тем мы несколько дней топчемся на одном месте. Первая бригада 7 дивизии и 3 брига[ада] 9 дивизии, нацеленные с фронта и фланга на отряд противника, который должен быть совершенно уничтожен, не только останавливаются при первом с ним столкновении, но имеют тяготение отходить назад. Первая бригада 9 дивизии, по донесению которой враг перед ней уходит назад, движется вперед очень медленно, а отход обходной колонны от дер. Уколово в Архангельск при занятии 74-м полком Троицкое является совершенно необъяснимым. Действия 3-й дивизии не имеют характера нанесения решительных ударов, а легкого щекотания пр[отивни]ка как бы с целью указать ему опасные для него пункты. Войска в ней вводятся в бой мелкими пакетами и напрасно несут тяжелые потери. И только действия 42-й дивизии не вызывают замечания¹⁵². Телеграмму подписали вр. и. д. командарма В. К. Гондель и член РВС Г. Л. Пятаков. Отметим, что 42-й дивизией командовал легендарный Г. Д. Гай — опытный и одаренный военачальник.

Сам Селивачёв в это время был в большей степени недоволен тем, что намеченных рубежей не смогли достичь части 8-й армии, что срывало выполнение директив командующего фронтом¹⁵³. В тот же день Селивачёв, руководивший операцией из Воронежа, провел переговоры по прямому проводу с начальником штаба 13-й армии А. М. Зайончковским. Селивачёв поинтересовался здоровьем Зайончковского и тем, не возникло ли вопросов и недоумения в связи с новой директивой. Два генштабиста общались между собой по-дружески и на «ты». Зайончковский в ответ сообщил: «Здоровье неважно, стал стар, пора на печь. Вопросов к тебе нет, недоразумений тоже. Вся беда в том, что войска дерутся плохо, а начдивы не хотят или не догадываются принять более деятельное участие в вождении войск, а только управляют ими наподобие штабс-капитана. Всем им послано надраение (так в документе. — А. Г.), копия которого послана и тебе»¹⁵⁴. Зайончковский считал важным взятие города Корочи, жаловался на топтание войск на месте. Селивачёв же похвалил своего подчиненного, отметив, что спокоен за работу штаба 13-й армии¹⁵⁵. В это время разрыв между группами Селивачёва и Шорина (или, как выражался сам Селивачёв, — «ворота») уже достиг 40 верст¹⁵⁶.

22 августа 13-я армия получила приказ Селивачёва № 9 во что бы то ни стало взять город Короча, оборонявшийся 1-й пехотной дивизией белых. Приказ № 10 от 23 августа свидетельствовал о намерении Селивачёва на-

¹⁵² РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 4. Л. 44–44 об.

¹⁵³ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 5. Л. 15.

¹⁵⁴ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 6. Л. 25.

¹⁵⁵ Там же. Л. 26.

¹⁵⁶ Там же. Л. 29.

ступать ударной группой на Купянск¹⁵⁷. К 25 августа обе эти задачи были решены. Корочу заняли части 42-й дивизии Гая, после чего предполагалось развитие успеха на Белгород, но сделать это не удалось. Тогда же 12-й дивизией 8-й армии был взят Волчанск, а Сводной кавалерийской бригадой — Купянск¹⁵⁸. Но уже в этот день стало известно о сосредоточении крупных сил противника в районе Бутурлиновки¹⁵⁹ и угрозе флангового удара со стороны Донской области.

Не будем забывать, что Селивачёву угрожали такие крупные узловые центры, как Харьков и Белгород, через которые белые могли перебрасывать войска против его группы. Части ВСЮР на этом направлении продолжали наступление на Курск, грозя выйти Селивачёву во фланг и тыл. Как уже говорилось, угрозы имелись и в отношении левого фланга группы со стороны донцов. В переговорах с Селивачёвым по прямому проводу проблема нежелательности растягивания линии фронта была предметом особого обсуждения уже 20 августа¹⁶⁰. Сам Селивачёв тогда опасался, что фронт его группы может растянуться от Белгорода до Купянска на 150 верст и от Купянска до Новохоперска — еще на 400¹⁶¹. На Купянск Селивачёву было рекомендовано наступать только силами конницы. Опасения Селивачёва, как показали дальнейшие события, оказались небеспочвенными. К тому же группа начинала испытывать патронный и снарядный голод. 22 августа Селивачёв запросил у главкома по 5 миллионов патронов для каждой из подчиненных ему армий¹⁶². Очевидно, получить запрошенное было непросто, приходилось идти на значительное сокращение заказа. 24 августа он просил прислать уже хотя бы по 2 миллиона с досылкой остального по мере возможности¹⁶³.

Задачу по овладению Белгородом Селивачёв поставил группе только 25 августа в приказе № 11, причем город планировалось занять к 27 августа. Группа должна была занять Купянск (что и произошло 25 августа) и далее продвигаться на Харьков¹⁶⁴. Планы поворота ударной группы на Харьков, «не оставляя щелканья зубами на Купянск» (выражение самого Селивачёва в переговорах от 19 августа), Селивачёв обсуждал и согласовывал со штабом фронта¹⁶⁵. Таким образом, нет никаких оснований считать, что уклонение группы на юго-запад, о котором писали в советское время как о негативном

---

¹⁵⁷ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 2. Л. 24.

¹⁵⁸ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 9. Л. 286.

¹⁵⁹ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 6. Л. 36.

¹⁶⁰ Там же. Л. 1.

¹⁶¹ Там же. Л. 4.

¹⁶² Там же. Л. 58 об., 79; Д. 10. Л. 26.

¹⁶³ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 13. Л. 35.

¹⁶⁴ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 2. Л. 31.

¹⁶⁵ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 8. Л. 155.

явлении, не позволившем взаимодействовать с группой Шорина,¹⁶⁶ было самовольным решением Селивачёва. Эти действия были согласованы со штабом фронта и имели целью взятие Харькова.

Думается, неверно утверждать, как делалось в белой печати осенью 1919 г., что наступление на Волчанск и Белгород противоречило идее наступления на Харьков¹⁶⁷. На самом деле достаточно посмотреть на карту, чтобы убедиться в обратном. Овладение Волчанском и Белгородом в той обстановке было необходимым условием взятия Харькова.

26 августа Селивачёв получил приказ фронтового командования силами 8-й армии овладеть Харьковом¹⁶⁸. Таким образом, Селивачёв одновременно наступал по нескольким расходящимся направлениям, что можно было делать либо при полной уверенности в своем превосходстве над противником, либо с тайной целью срыва советского наступления. По некоторым данным, после овладения Купянском резервы Селивачёва оказались израсходованы,¹⁶⁹ а сам он прекратил какие-либо наступательные действия, заняв селение Кисловка примерно в 15 верстах к юго-востоку от Купянска, причем, по свидетельству противника, «красные держались пассивно, так что Донской бронепоезд мог обстреливать самый г. Купянск»¹⁷⁰. Однако на самом деле наступление было здесь остановлено Селивачёвым не из-за отсутствия резервов, а из-за того, что он просто не ставил задач по продвижению к югу от Купянска. Его главный удар был направлен на Харьков и Белгород, а Купянск был не более чем точкой на крайнем левом фланге юго-западного крыла.

Дроздовец-артиллерист капитан Г. А. Орлов записал в своем дневнике 25 (12) августа 1919 г.: «У Купянска и Волчанска у нас довольно серьезный прорыв, меры к ликвидации которого уже приняты. Прорвав наш фронт, красные сначала загибали крайний левый фланг донцов, а теперь всей силой своего удара обрушились на нас. Поговаривают о том, что эта невыгодная комбинация будет ликвидирована дня за 4»¹⁷¹. При этом мемуарист отмечал существенное усиление частей Красной армии.

В соответствии с директивой Каменева, к 27 августа войска группы продвинулись на 60–150 км, заняв Новый Оскол, Бирюч, Валуйки, Купянск и подойдя к Белгороду и Харькову (на 40 км). Действия войск в районе 27 августа

¹⁶⁶ Гражданская война в СССР. Т. 2. С. 160.

¹⁶⁷ Подробнее см.: *Кручинин А. С.* «Нужно писать правду...» (Военный историк и писатель А. И. Деникин) // Деникин А. И. Старая армия. Офицеры. М., 2005. С. 71.

¹⁶⁸ Из истории Гражданской войны в СССР. Т. 2. Март 1919 — февраль 1920. Сб. док. и мат. М., 1961. С. 516.

¹⁶⁹ *Егоров А. И.* Указ. соч. С. 216.

¹⁷⁰ Трагедия казачества. С. 229.

¹⁷¹ Честь офицеров. Записки и дневник участников Белого движения. Сост. М. И. Першин. М., 2010. С. 401.

Селивачёв и, видимо, командующий советским Южным фронтом, характеризовали как «решительный поворотный момент сражения»¹⁷². Выход красных на ближние подступы к Харькову создавал угрозу тылу I армейского корпуса Добровольческой армии, штабам I армейского корпуса и Добровольческой армии, находившимся в городе. По некоторым данным, начальник штаба корпуса Генштаба генерал-майор Е. И. Достовалов считал, что Харьков белые не удержат, и даже отдал распоряжение об эвакуации штаба¹⁷³.

Белое командование было вынуждено спешно собирать ударный кулак для ликвидации прорыва красных. Уже 17 августа по директиве А. И. Деникина в резерве на курском направлении в районе узловой станции Ржава (к северу от Белгорода) должен был сосредоточиться III конный корпус знаменитого белого генерала А. Г. Шкуро. Корпус планировалось бросить в наступление на Старый Оскол и Воронеж. Части корпуса перебрасывались в район сосредоточения по железной дороге с Украины — погрузка велась на станции Басы южнее города Сумы, в Черкассах и на станции Знаменка, переброска планировалась на станции Гостищево и Прохоровка севернее Белгорода¹⁷⁴. Перебрасывался также Сводно-стрелковый полк, задействованный в борьбе с махновцами¹⁷⁵. В связи с прорывом красных белые временно приостановили свои операции против 14-й советской армии на Украине¹⁷⁶.

В приказе по группе Селивачёва № 12 от 27 августа прямым текстом сказано о наступлении на Белгород и Харьков, а также о том, что белые концентрируют свои силы в районе Корочи. 13-й армии по-прежнему ставилась задача занятия Белгорода, а 8-я армия продолжала выдвижение на линию Волчанск — Купянск — Евстратовка. Занятие Белгорода считалось первостепенной задачей, а взятие Харькова — задачей второй очереди¹⁷⁷. Сам Селивачёв в разговоре с Егорьевым 27 августа тоже отметил, что не следует гнаться за двумя зайцами одновременно¹⁷⁸. Тем более, что белая конница осуществила прорыв в районе Корочи и двигалась к Новому Осколу. А. М. Зайончковский 28 августа забил тревогу и предложил свернуть фронтовую операцию, отойдя севернее Нового Оскола, т. к. «по-видимому противник задался целью завязать узелок на высоте Новый

¹⁷² РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 155. Л. 5 об.

¹⁷³ Пятьдесят лет верности России. 1917–1967. Издание марковцев-артиллеристов. Париж, 1967. С. 194.

¹⁷⁴ РГВА. Ф. 40 136. Оп. 1. Д. 18. Л. 189, 224, 242 об.

¹⁷⁵ Павлов В. Е. Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917–1920 годов. Кн. 2. 1919–1920 гг. Париж, 1964. С. 60.

¹⁷⁶ Какурин Н. Е. Как сражалась революция. Т. 2. 1919–1920 гг. М., 1990. С. 263.

¹⁷⁷ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 6. Л. 108.

¹⁷⁸ Там же. Л. 128.

Оскол — Бирюч»¹⁷⁹. Речь шла о возможности окружения наступавших сил красных.

Расположение группы Селивачёва напоминало клин высотой более 100 км с вершиной в Купянске и основанием протяженностью свыше 200 км в районе Короча — Бирюч — Сагуны. Удар его группы был направлен на юго-запад, что привело к нарушению оперативного взаимодействия с Особой группой Шорина и, возможно, преднамеренно открыло противнику фланги обеих групп¹⁸⁰. Подобные действия вскоре после Гражданской войны официально объяснялись тем, что Селивачёв и командующий фронтом слишком увлеклись развитием достигнутых успехов¹⁸¹. По мнению Н. Е. Какурина и И. И. Вацетиса, «успешности контрманевра белых против группы Селивачёва много содействовало то обстоятельство, что группа сразу рванулась глубоко вперед, не позаботившись о достаточном расширении основания клина своего вторжения. 8-я армия узким и длинным языком вдавалась вперед, что делало весьма уязвимыми ее фланги. Несомненно, что здесь играло свою роль увлечение погоней за территорией»¹⁸².

Как и следовало ожидать, белые сосредоточили крупные силы на флангах группы Селивачёва и сами перешли в контрнаступление 26 августа, попытавшись создать «Канны», срезав основание купянского клина ударами в сходящихся направлениях добровольческих, а также кубанских и терских частей генерала Шкуро на Корочу, Новый Оскол и Волчанск и донской конницы генерал-лейтенанта А. К. Гусельщикова на Валуйки и Бирюч. По всей видимости, общий план белого командования предполагал окружение прорвавшейся группировки красных. Не способствовали успехам красных и действия конницы генерала Мамантова, совершавшей рейд по советским тылам.

На московское направление III конный корпус Шкуро был переброшен во второй половине июля 1919 г.¹⁸³ В приказе по корпусу от 25 августа № 0723 Шкуро изложил свой план разгрома красных, который предусматривал удар по противнику на участке Волчанск — Короча с развитием успеха на Валуйки¹⁸⁴. На Волчанск и Валуйки от Харькова наступала группа Генштаба генерал-майора А. М. Шифнер-Маркевича (Кубанская партизанская бригада 1-й Кавказской казачьей дивизии с двумя батареями, полтора батальона Са-

¹⁷⁹ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 9. Л. 317.

¹⁸⁰ Гражданская война в СССР. Т. 2. С. 160; *Егоров А. И.* Указ. соч. С. 194.

¹⁸¹ *Егоров А. И.* Указ. соч. С. 194.

¹⁸² Гражданская война 1918–1921. В 3 т. Т. 3. Оперативно-стратегический очерк боевых действий Красной армии. М.-Л., 1930. С. 257–258.

¹⁸³ *Цветков В. Ж.* Генерал-лейтенант А. Г. Шкуро // Белое движение: Исторические портреты: Л. Г. Корнилов, А. И. Деникин, П. Н. Врангель... Сост. А. С. Кручинин. М., 2003. С. 330.

¹⁸⁴ Трагедия казачества. С. 230.

мурского полка и батарея 3-й артбригады). Со стороны Белгорода в наступление на Корочу и Новый Оскол переходила 1-я Терская казачья дивизия генерал-майора В. К. Агоева. Резерв Шкуро (Хоперская бригада 1-й Кавказской казачьей дивизии, Волчий дивизион, стрелковые полки 1-й Терской и 1-й Кавказской казачьих дивизий) находился в районе Белгорода.

Генерал Шкуро вспоминал: «Вскоре была получена телеграмма, что сосредоточение моего корпуса закончено, но что я вызываюсь первоначально в Харьков на съезд командиров корпусов. Я выехал туда. В совещании участвовали командир 5-го конного корпуса генерал Юзефович, Добровольческого — Кутепов, генерал Май-Маевский и я. Председательствовал генерал Деникин. Киев и Курск были уже взяты,¹⁸⁵ но красные перешли в контрнаступление и взяли Купянск; их разъезды появились уже в 15 верстах от Харькова. Получив задание ликвидировать этот прорыв красных, я решил отрезать прорвавшуюся группу от главных сил и затем уничтожить ее по частям. Перейдя от Белгорода к востоку, я разбил у Корочи несколько дивизий красной пехоты, взял 8 орудий, массу пулеметов и до 7 000 пленных. Все, что успело уже прорваться к югу, бросилось обратно; я разбил всю эту группу по частям»¹⁸⁶. Шкуро также просил от командования разрешения соединиться с корпусом Мамантова для конного набега на Москву, но такое разрешение ему дано не было.

Относительно прорвавшихся Селивачёв заявил главному Каменеву 29 августа: «В нашем деле имя имеет магическое действие: если бы под командой Шкуро находилась одна шкура, то и ее бы боялись»¹⁸⁷. Как видим, нашего героя даже в сложной ситуации не покидало чувство юмора. Но, как выяснилось, войска красных не были подготовлены к отражению крупных конных масс противника, а действия белых в тот период получили высокую оценку в переговорах советского командования как систематичные и разумные¹⁸⁸.

1-я Терская дивизия в районе Корочи нанесла поражение 3-й и 42-й стрелковым дивизиям красных, вынужденным отходить на Новый Оскол. Между прочим, до 27 августа 3-й стрелковой дивизией командовал бывший Генштаба генерал-майор Н. С. Махров, родной брат которого, также Генштаба генерал-майор, в это время занимал у белых пост начальника военных сообщений Кавказской армии Врангеля, а позднее служил под началом Шкуро, войска которого атаковали дивизию его брата в августе 1919 г.

¹⁸⁵ Шкуро, очевидно, путает последовательность событий, т. к. Киев и Курск были взяты белыми позднее.

¹⁸⁶ Шкуро А. Г. Гражданская война в России: Записки белого партизана. М., 2004. С. 225.

¹⁸⁷ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 7. Л. 16.

¹⁸⁸ Там же. Л. 62.

В этих боях белые понесли серьезные потери, в том числе в командном составе. Так, в конной атаке под Корочей был убит командир 2-го Терского казачьего полка Генштаба полковник Г. Г. Колесников, в ходе боев был контужен начальник дивизии генерал Агоев, тяжело ранен начальник штаба дивизии Генштаба полковник Н. И. Химич. 30 августа (по другим данным, 31-го) терцы взяли Новый Оскол, перерезав железнодорожный путь от Валук на Старый Оскол и Касторное. Затем терцы повернули на юго-восток, атакуя советские дивизии, сопротивлявшиеся действиям группы Шифнер-Маркевича. По всей видимости, Новый Оскол был ими оставлен. На этом направлении была разбита упорно оборонявшаяся 12-я стрелковая дивизия красных, остатки которой отходили на Бирюч и в леса к северу от Валук.

Группа Шифнер-Маркевича 26–29 августа вела упорные бои на реке Северский Донец. В итоге красные были отброшены за линию железной дороги Волчанск — Купянск¹⁸⁹. По некоторым данным, 30 августа казаками был занят Купянск, но, видимо, затем его пришлось оставить. Бои в районе Волчанска также шли с переменным успехом. К 1 сентября белые были вынуждены отойти к Волчанску, несмотря на требования командующего Добровольческой армией Генштаба генерал-лейтенанта В. З. Май-Маевского разбить красных в кратчайший срок.

На левом фланге Селивачёвского клина действовала донская казачья конница. 26 августа командир III Донского отдельного корпуса приказал командиру 7-й Донской пластунской бригады генерал-майору А. А. Дукмасову (штаб — Сватово) овладеть Купянском и, соединившись с бронепоездами, действовать на Валуйки, имея разведку на Волчанск и на Белый Колодезь¹⁹⁰. Для содействия Дукмасову два бронепоезда из первого бронеполка полковника Петрашкевича перебрасывали на линию Луганск — Сватово — Купянск, остальные прикрывали Харьков на линии Харьков — Купянск¹⁹¹. Конная группа Гусельщикова, выделенная из состава III Донского отдельного корпуса, к 27 августа прорвала фронт и на следующий день вышла к железнодорожной линии Лиски—Валуйки—Купянск на участке Алексеевка — Бирюч,¹⁹² разрушив железнодорожный путь. С юга вдоль железной дороги здесь наступала 8-я Донская пластунская бригада, однако Селивачёв контратаковал и вышел в тыл Гусельщикову, в результате чего казакам пришлось отойти. 28 августа командующий III Донским отдельным корпусом генерал-лейтенант М. М. Иванов уже обвинил в нерешительности, беспричинном отходе и позорном поведении казаков сводно-конного полка и 8-й пластунской

¹⁸⁹ Трагедия казачества. С. 232.

¹⁹⁰ РГВА. Ф. 40 136. Оп. 1. Д. 1. Л. 127.

¹⁹¹ Там же. Л. 128; Д. 13. Л. 178.

¹⁹² РГВА. Ф. 40 136. Оп. 1. Д. 1. Л. 134.

бригады (96-й полк). По мнению комкора, их действиями были поставлены под угрозу группа Гусельщикова и даже исход операции¹⁹³. 31 августа был повторен приказ командиру 7-й Донской пластунской бригады энергичными действиями занять Купянск и выручить бронепоезда¹⁹⁴.

1 сентября командующий I армейским корпусом Добровольческой армии генерал-лейтенант А. П. Кутепов разослал свой приказ по корпусу начальникам штабов всех соединений, участвовавших в операции, — III отдельного и III Донского отдельного корпусов, а также не задействованного в ликвидации прорыва V кавалерийского корпуса: «Во исполнение приказа командарма приказываю напрячь все силы для окончательного уничтожения разбитого противника в районе Валуйки — Купянск — Волчанск. Переход корпуса в наступление на остальном фронте откладывается до особого распоряжения, частям корпуса активно обороняться на занимаемых ныне позициях»¹⁹⁵.

Несмотря на 2–3-кратное превосходство над противником в пехоте, у Селивачёва начались сложности¹⁹⁶. К 29 августа 13-я армия под натиском противника стала проявлять неустойчивость, причем 3-я и 42-я дивизии начали отступать. Непростая ситуация складывалась и на левом фланге в районе захваченного белыми города Бирюч, который Селивачёв приказал отбить немедленно за счет резерва 8-й армии¹⁹⁷. 8-я армия оказалась в крайне тяжелом положении, которое лишь ухудшалось вплоть до начала октября 1919 г. Над ударной группой нависла угроза окружения, хотя окружить такую группировку силами конницы было невозможно, а пехоты у белых для окружения явно не хватало. Селивачёв сообщал командующим подчиненными ему армиями о необходимости быть готовыми к перерыву связи¹⁹⁸. В 8-й армии к 1 сентября на исходе было горючее, что могло привести к остановке работы бронемашин¹⁹⁹.

На 1 сентября войска группы находились на линии Волчанск — Купянск — Валуйки — Подгорное. Фронт группы к этому времени достиг протяженности в 700 верст²⁰⁰. По оценке красных, против Селивачёва к 1 сентября 1919 г. белые имели на воронежском и курском направлениях 27,2 тысячи штыков и 12,6 тысячи сабель при 152 орудиях, 502 пулеметах, 19 бронепоездах и 12 танках²⁰¹. В тылу активно действовала белая конница.

---

¹⁹³ Там же. Л. 136.

¹⁹⁴ Там же. Л. 144.

¹⁹⁵ РГВА. Ф. 40 136. Оп. 1. Д. 1. Л. 146.

¹⁹⁶ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 7. Л. 6.

¹⁹⁷ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 2. Л. 37.

¹⁹⁸ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 13. Л. 69.

¹⁹⁹ Там же. Л. 74.

²⁰⁰ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 7. Л. 61.

²⁰¹ Директивы командования фронтов Красной армии. Т. 4. С. 488.

Селивачёв руководил начавшимся отходом группы на линию Короча — Новый Оскол — Алексеевка и отвечал за операции на обоянском направлении. При этом он пытался контратаковать и даже наступать. 2 сентября он поставил задачу 13-й армии занять город Суджа для оказания помощи 14-й армии, продвигавшейся к Сумам, требовал усилиями флангов 8-й и 13-й армий войти в связь у Нового Оскола²⁰². Это свидетельствует о том, что в тылу Селивачёва дела обстояли неблагополучно и между флангами его армий связь была нарушена. Но Новый Оскол красным удалось отстоять.

Помимо этого на плечи Селивачёва легла тяжелая обязанность обороны Воронежа от мамантовской конницы²⁰³. «Впервые слышим столь приятную новость», — сказал не без иронии Селивачёв командующему Южным фронтом 4 сентября, узнав о движении Мамантова на Воронеж²⁰⁴. Город Купянск Селивачёву пришлось окончательно оставить 2 сентября под ударами наступавших частей Деникина,²⁰⁵ однако из-за низкой активности сравнительно слабых донских частей советские дивизии купянского направления сумели вырваться из грозившего им окружения²⁰⁶. В районе Волчанска против войск Селивачёва действовал Сводный отряд, в который входили кубанские сотни корпуса Шкуро, Сводно-стрелковый полк и элитные «цветные» части Добровольческой армии — марковцы (батальон 2-го офицерского генерала Маркова пехотного полка, взвод 2-й Марковской артиллерийской батареи) и корниловцы (батальон 1-го Корниловского ударного полка), наступавшие на Новый Оскол²⁰⁷. На Обоянь наступал 2-й Корниловский ударный полк.

2 сентября Селивачёв беседовал по прямому проводу с членом РВС Южного фронта Г. Я. Сокольниковым и членом РВС 8-й армии В. А. Барышниковым. В разговоре зашла речь о том, что ударная группа 8-й армии требовала непосредственного руководства командарма из Валук или какого-либо другого пункта, а остальная часть армии могла управляться самим Селивачёвым из Воронежа²⁰⁸. Селивачёв потребовал подтверждения такого приказа со стороны командующего Южным фронтом. В это же время на борьбу с Мамантовым требовалось отзывать части (до бригады) с фронта 13-й армии, направив их для защиты станции Касторное. На следующий день переброс-

²⁰² РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 2. Л. 44.

²⁰³ Там же. Л. 48.

²⁰⁴ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 7. Л. 146.

²⁰⁵ Директивы командования фронтов Красной армии. Т. 2. С. 326.

²⁰⁶ Егоров А. И. Указ. соч. С. 217.

²⁰⁷ Левитов М. Н. Материалы для истории Корниловского ударного полка. Париж, 1974. С. 283; Пятьдесят лет верности России. С. 183.

²⁰⁸ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 7. Л. 98.

ка бригады 3-й дивизии была санкционирована²⁰⁹. Уже 3 сентября командующий Южным фронтом предъявил Селивачёву претензии в растерянности командования, на что Селивачёв ответил, что ни о чем подобном он лично не докладывал и у командующих армиями тоже не замечал²¹⁰. В это время в войсках распространилась паника, видимо связанная с решительными действиями казачьей конницы Шкуро и Гусельщикова (несмотря на то, что в группе Гусельщикова к 4 сентября уже не хватало патронов²¹¹) в красном тылу. Например, бригада 13-й дивизии считала себя разбитой, потеряв лишь 8 человек убитыми и 45 ранеными²¹².

Фронт 8-й армии белые прорывали в направлении участка железной дороги Острогожск — Лиски. В тылу армии по-прежнему действовала конница Мамантова. 4 сентября Селивачёв считал возможным отвести армию на линию Новый Оскол — Бирюч — Евдаково. В крайнем случае он допускал отход до линии Старый Оскол — Коротояк — Лиски²¹³. Штаб фронта, кстати, не представлял малочисленности сил Селивачёва и того, что в некоторых бригадах оставалось лишь по 500 человек, несмотря на невысокую интенсивность боев²¹⁴.

5 сентября Селивачёв говорил со сдержанным оптимизмом, что «мы хватили пр[отивни]ка своим наступлением за самое его живое место, а посему он теперь кусается. Хотя мы мало побии, однако пр[отивни]к [в] своем приказе, нами захваченном, делает укор одному из своих начдивов, а именно Говорову,²¹⁵ [в] недостаточном умении маневрировать, указывая на нас, как маневрирующих настолько, что их части принуждены отходить. Вся беда в командном составе — нет военного образования, нет верного взгляда военного, на самые мелочи приходится указывать. Я полагаю, что непосредственная угроза нам в известной степени отклонена, а если продвинется группа Шорина, то положение и совсем будет хорошо»²¹⁶.

Оптимизм Селивачёва, однако, не разделял командующий фронтом Егорьев. 5 сентября в разговоре по прямому проводу с начальником Полевого штаба РВСР П. П. Лебедевым он прямо сказал, что «действия Селивачёва еще не вышли из стадии подготовительных операций и уже потребовали отвлечения части 9 армии для действий в западном направлении»²¹⁷. Иными словами, командую-

²⁰⁹ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 13. Л. 79.

²¹⁰ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 7. Л. 129 об.

²¹¹ РГВА. Ф. 40 136. Оп. 1. Д. 18. Л. 302.

²¹² РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 7. Л. 133.

²¹³ Там же. Л. 140.

²¹⁴ Там же. Л. 148 об.

²¹⁵ Очевидно, речь идет не о начдиве, а о начальнике штаба III Донского конного корпуса Генштаба полковнике А. В. Говорове.

²¹⁶ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 7. Л. 155.

²¹⁷ Директивы главного командования Красной армии. С. 462.

щий фронтом считал, что операция группы Селивачёва не увенчалась успехом. Более того, неудача Селивачёва грозила срывом всего наступления, поскольку командованию фронта приходилось оказывать Селивачёву содействие за счет основной ударной группы Шорина. Лебедев выступил категорически против отвлечения сил группы Шорина от их основной задачи.

Удивительно, что в этот же день Троцкий и члены РВС Южного фронта Л. П. Серебряков и М. М. Лашевич потребовали от главкома Каменева назначить Селивачёва командующим Южным фронтом, а на место Селивачёва назначить помощника командующего фронтом А. И. Егорова²¹⁸. Каменев против такого назначения Селивачёва не возражал, но перемещение Егорова считал нежелательным, т. к. не был уверен, что тот справится с управлением двумя армиями, входившими в группу Селивачёва²¹⁹. Дальнейшее катастрофическое для красных развитие событий не позволило осуществить намечавшуюся перестановку.

К этому времени становилось очевидным, что августовское наступление Южного фронта развивается не столь успешно, как предполагалось, а ближе к середине сентября стало понятно, что операция провалилась. Уже 5 сентября 1919 г. Егорьев признал, что операция Селивачёва, изначально планировавшаяся как вспомогательная, в процессе ее реализации приобрела самостоятельное значение как харьковская операция²²⁰.

В телеграмме 5 сентября, копия которой была направлена в ЦК, Троцкий и члены РВС Южного фронта потребовали от Каменева смещения центра операции на курско-воронежское направление, однако на следующий день получили недоуменный ответ Ленина с протестом от имени Политбюро против перемены плана. В конечном итоге план Каменева, поддерживавшийся Лениным до тех пор, пока еще оставалась хотя бы минимальная надежда на успех,²²¹ провалился. В результате реализован был план Троцкого (возможно основанный на замысле прежнего главкома Вацетиса), но красные потеряли несколько месяцев на бесплодные попытки воплотить в жизнь план Каменева.

Сам Каменев с упорством, достойным лучшего применения, на протяжении сентября продолжал считать свой июльский план правильным, полагая, что борьба на курско-воронежском направлении выгоднее для белых, тогда как красным более целесообразно наносить основной удар через Донскую область в направлении на Кубань, чтобы отрезать белых от основных районов пополнения их живой силы²²².

²¹⁸ Директивы главного командования Красной армии. С. 463.

²¹⁹ Там же. С. 463–464.

²²⁰ Там же. С. 461.

²²¹ Там же. С. 466.

²²² Там же. С. 464–465.

В результате красные не только не добились овладения Северным Кавказом, но даже не смогли достичь перелома на фронте группы Шорина, наступлению которой ожесточенно сопротивлялись Кавказская и Донская армии белых. На этом участке красным не удалось взять Царицын, не говоря уже о намечавшемся Каменевым проникновении на Кубань. По оценкам военных специалистов, достигнутые успехи имели лишь местное значение²²³. В Донской области белые удержали линию Хопра. В то же время красные упустили развитие успеха противника на харьковском направлении, позволили Деникину создать на Украине плацдарм для дальнейшего наступления и к октябрю 1919 г. столкнулись со вполне реальной угрозой Орлу и Туле, а войска красных оказались измотаны тяжелыми боями. Фактически реализация плана Каменева поставила под вопрос само существование Советской России.

Бывший советский главком И. И. Вацетис в конце 1919 г. писал в своих неопубликованных мемуарах об отсутствии преемственности в советской стратегии после замены Вацетиса на Каменева в июле 1919 г.:

«После ареста 8 июля никто не поинтересовался узнать, каков же был план дальнейшей деятельности смещенного главнокомандующего. Его бывший начальник Штаба, Костяев, тоже был арестован, арестованы были также ближайшие сотрудники Костяева и Вацетиса из лиц Генерального Штаба. Таким образом, новый главнокомандующий приехал и стал развивать свои оперативные работы на совершенно новой платформе. Такая практика допустима лишь в том случае, когда налицо имеются полные, определенные и исчерпывающие доказательства того, что работы прежнего командования не приносили никакой пользы. Этих условий ни в коем случае не было... Стратегия главнокомандующего Вацетиса заслуживала того, чтобы с нею познакомиться поближе и взять оттуда все, что было полезно. Примеры из военной истории подтверждают, что такое бесцеремонное разрушение ставки не могло привести непосредственно к боевым успехам и подобные действия всегда сопровождалось неблагоприятием в области стратегии. В августовском наступлении уже при новом главнокомандующем это вполне подтвердилось. На своем кратковременном пребывании на посту новый главнокомандующий, очевидно, не успел войти в курс дела, не успел ознакомиться с общим положением Республики, не успел нащупать особенностей обстановки на Южном фронте. По-видимому, он принял этот пост, имея наготове план действий, разработанный где-то заранее, на чисто схоластических началах и на предположениях, лишенных ясного представления о специфических особенностях не только Южного фронта, но и общей

²²³ Какурин Н. Е. Как сражалась революция. Т. 2. 1919–1920 гг. С. 264; Егоров А. И. Указ. соч. С. 361.

стратегической и политической обстановки нашего военного лагеря. Ничем иным нельзя объяснить направление главного удара на фронте Донского казачества. Ничем иным нельзя объяснить игнорирование кавалерийского рейда генерала Мамонтова, разрушившего базу Южного фронта в Тамбове, в то время, когда Южный фронт лишь начал выполнение составленного плана, имея у себя в тылу столь внушительные кавалерийские силы противника. В таком случае никоим образом уже составленный план не мог быть начат своим выполнением в прежнем своем виде»²²⁴.

Таким образом, если логика Вацетиса верна, а рациональное зерно в ней, безусловно, есть, провал августовского наступления оказался прямым следствием арестов высших военных руководителей РККА по «делу» Полевого штаба РВСР, поскольку новый главком не имел еще достаточно времени, чтобы войти в курс дела.

20 сентября 1919 г.²²⁵ Троцкий обратился в ЦК, отмечая важность направления, на котором наступал Селивачёв:

«Особенно тяжелое положение создалось, однако, в отношении южного фронта. Общестратегический план был ложен с самого начала. Мы пустили главные силы на самом отдаленном, самом трудном и самом протяженном направлении. Сейчас совершенно ясно, что те же и даже значительно меньшие силы, своевременно брошенные на направление Купянск — Харьков, дали бы несравненно большие результаты. Украина не была бы к настоящему моменту основным плацдармом Деникина, мы сохранили бы Курск, Туле не грозила бы непосредственная опасность.

Но хуже того: те поправки, какие могли и должны были вноситься ходом событий, хотя бы и с некоторой потерей темпа, не вносились даже тогда, когда необходимость их становилась очевидной. Причина тому, в том, что оперативный план из временной и обусловленной рабочей программы командования превратился в знамя группы влиятельных товарищей, стал для них в некотором смысле вопросом чести. Большинство членов Политбюро Цека (два или [три] товарища) сочло даже возможным связать авторитет Цека партии не только [с] указанным общеперативным планом, но и с его отдельными изменениями. Это привело к такому положению, когда командование чувствовало себя и оказывалось вынужденным упорствовать в шагах, явно и очевидно нецелесообразных, иногда бессмысленных и прямо преступных. Таков был последний эпизод с переброской корпуса

²²⁴ РГВА. Ф. 39 348. Оп. 1. Д. 8. Л. 45–47.

²²⁵ Так этот документ, не приводя ссылки, датируют В. Г. Краснов и В. О. Дайнес (*Краснов В. Г., Дайнес В. О. Указ. соч. С. 227*). В обнаруженном нами варианте документа дата отсутствует. Сам Троцкий позднее отмечал, что его обращение в Политбюро относится к концу сентября 1919 г. (*Троцкий Л. Сталин. Т. 2. М., 1990. С. 108*).

Буденного на участок группы Шорина, в то время, как вся обстановка, все оперативные данные, все логические соображения ясно требовали сосредоточения сил на Курском направлении. Еще более недопустимым явилась переброска полков 21-й дивизии из Тулы на Новохоперск и окончательное очищение угрожаемой дороги Курск — Тула — Москва.

Необходимые мероприятия:

1. Освобождение Главкома от обязанностей по отношению к «царицынскому» плану;
2. Разъяснение Главкому в той или другой форме, что его оперативные решения сами по себе не могут иметь поддержки Цека, который лишь ставит ему в известном порядке определенные задания; другими словами, что ответственность за операции не снимается с Главкома лично ни при каких условиях»²²⁶.

Итоги неудачного наступления красных наглядно отражены в полковой истории Корниловского ударного полка: «К концу августа (старого стиля. — А. Г.) прорыв красных на Купянск и Волчанск был окончательно ликвидирован, и части Добровольческой Армии получили возможность продолжать прерванное наступление. С другой стороны, неудача красных в широко задуманной ими операции, для которой ими были собраны значительные силы, больно отозвалась на моральном состоянии Красной армии, и без того сильно потрепанной нами на линии рек Сейм и Сеймица. Добровольческая Армия не встретила поэтому того сопротивления, которое можно было ожидать при взятии укрепленного района г. Курска»²²⁷. По другому свидетельству, «советские войска, защищавшие Курск, бродили отдельными деморализованными группами и охотно сдавались в плен. Лишь только некоторые части оказали сопротивление»²²⁸.

Но все это было уже после тех драматических событий середины сентября, которые произошли в группе Селивачёва. Сейчас трудно сказать, что именно предопределило неудачу действий войск Селивачёва — ошибочный расчет Каменева и неправильное распределение сил, решительные действия белых, промахи самого Селивачёва или же злой умысел заговорщиков в руководстве группы. Как бы то ни было, финальная катастрофа группы неумолимо надвигалась.

В ночь на 7 сентября белые вновь взяли Новый Оскол (бои в районе Новый Оскол — Бирюч продолжались вплоть до 12 сентября, причем Бирюч был прочно занят казаками только 15 сентября). 1-я Терская казачья дивизия повела наступление на Старый Оскол, а 1-я Кавказская казачья на-

²²⁶ РГВА. Ф. 33 987. Оп. 2. Д. 32. Л. 457–458.

²²⁷ Левитов М. Н. Указ. соч. С. 287.

²²⁸ Пятьдесят лет верности России. С. 187.

ступала на северо-восток от города Бирюч вдоль линии железной дороги на Острогожск — Лиски. Здесь совместно действовали группа Гусельщикова и 8-я Донская пластунская бригада.

7 сентября Селивачёв приказом № 20 принял на себя временное командование 8-й армией для ликвидации прорыва противника, а непосредственное управление группой из 2-й бригады 31-й дивизии, 12-й, 13-й, 15-й и 16-й дивизий в оперативном отношении передал вр. и д. командующего 8-й армией А. И. Ратайскому (подробнее о нем см. Приложение 1) при начальнике штаба Г. С. Горчакове, кроме того, Селивачёв взял на себя непосредственное руководство 33-й и 40-й дивизиями и 1-й бригадой 31-й дивизии. Отмечу, что донским командованием 31-я и 33-я дивизии красных оценивались очень высоко²²⁹. В это время Мамантов, занявший 5 сентября Задонск, 6 сентября — Касторное и 7-го — Усмани, с трех направлений угрожал Воронежу, где находился штаб Селивачёва. Воронеж был взят Мамантовым уже 11 сентября, возможно, именно с этим и был связан переход Селивачёва в штаб одной из армий. Точные причины такого решения неизвестны, но в результате дальнейшая судьба Селивачёва оказалась целиком связана с событиями в 8-й армии.

Селивачёв 7 сентября произвел и другие важные кадровые перестановки. Вр. и д. начальника штаба 8-й армии стал состоявший в распоряжении Селивачёва бывший Генштаба полковник А. С. Нечволодов. Вр. и д. начальника штаба 8-й армии бывший Генштаба капитан В. Ф. Тарасов должен был вступить во временное исполнение должности начальника оперативного отдела штаба 8-й армии²³⁰. Принципиально важно, что все они вскоре загадочным образом исчезли. По одним данным, это произошло 2 октября 1919 г., когда Нечволодов, Тарасов и начальник разведывательного отделения штаба армии бывший Генштаба генерал-майор В. А. Желтышев пропали без вести при переводе полевого штаба 8-й армии из Усмани в Колодезную (севернее Воронежа)²³¹. По другим, более достоверным сведениям, Нечволодов исчез отдельно от двух своих сослуживцев и примерно на две недели раньше. Тарасов и Нечволодов вскоре объявились в войсках Деникина, а судьба остальных до сих пор неизвестна.

Командир III конного корпуса генерал-лейтенант А. Г. Шкуро оставил важное свидетельство на этот счет. Как он отмечал в воспоминаниях, «штаб красной 13-й армии сдался добровольно в плен (кроме командующего, недавно умершего). Временно командовавший армией, бывший начальник штаба ее, Генерального штаба капитан Тарасов дал чрезвычайно ценные показания. Он объяснил (и подтвердил это приказами), что все время нароч-

²²⁹ РГВА. Ф. 40 136. Оп. 1. Д. 18. Л. 314 об.

²³⁰ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 2. Л. 51.

²³¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1009. Л. 47; Д. 69. Л. 38 об.—39.

но подставлял под удары отдельные части красной 13-й армии; он сообщил также, что Буденный, закончив формирование Конармии, движется с нею с востока, имея задание разбить порознь меня и Мамонтова. Капитан Тарасов и его подчиненные были приняты на службу в Добрармию»²³².

Воспоминания Шкуро были записаны с его слов и подвергнуты литературной обработке полковником В. М. Беком после Гражданской войны — в 1920–1921 гг. в Париже. При этом были возможны различные ошибки и неточности, чем и объясняется явная ошибка в номере армии, в которой служил Тарасов (к слову, в недавнем прошлом начальник штаба советского Южного фронта). Разумеется, Шкуро имел в виду штаб не 13-й, а 8-й армии, недавно умершим командующим которой и был Селивачев.

До сих пор это свидетельство Шкуро исследователи не сопоставляли с реальным ходом событий, видимо считая его из-за указания на 13-ю армию недостоверным, однако происходившему в 8-й армии оно вполне соответствует. Более того, свидетельство Шкуро содержит прямое указание на наличие в штабе 8-й армии антибольшевистской подпольной организации. Вместе с Тарасовым к белым попали и другие штабные работники, но, к сожалению, их имен Шкуро не назвал.

Любопытное указание содержится и в мемуарах С. М. Буденного, в тот период командовавшего конным корпусом РККА. По его свидетельству, 4 октября красные перехватили белогвардейский аэроплан, направленный для связи с Мамантовым. Летчик принял буденновцев за казаков Мамантова, приземлился и был взят в плен. Мамантову летчик вез приказ командующего Донской армией Генштаба генерал-лейтенанта В. И. Сидорина и письмо от Шкуро, причем Сидорин, если верить Буденному, рекомендовал белым связаться с командующим (у Буденного — заместителем командующего) 8-й армией красных А. И. Ротайским, на которого, якобы, «можно положиться»²³³. В другом месте Буденный отметил, что «в руководстве армии произошло крупное предательство: заместитель командующего армией, тот самый бывший царский генерал (в действительности — полковник. — А. Г.) Ротайский (так в тексте. — А. Г.), о котором упоминал в своей записке Сидорин, с группой штабных военспецов перешел на сторону белых»²³⁴. Произошло это, если верить Буденному, в начале октября. Именно в это время в плен к буденновцам попал летевший для связи с Мамантовым 23-летний летчик капитан З. В. Снимщиков. Белое командование было серьезно обеспокоено тем, что вместе с летчиком красным достались важные оперативные документы. И действительно было чего опасаться! Как выяснилось, Снимщико

²³² Шкуро А. Г. Указ. соч. С. 231.

²³³ Буденный С. М. Пройденный путь. Кн. 1. М., 1958. С. 257.

²³⁴ Там же. С. 258.

было выдано для передачи Мамантову несколько директив и до 200 телеграмм неизвестного содержания²³⁵. Возможно, среди этих документов мог находиться и тот, что цитировался Буденным. Нам не удалось подтвердить факт пленения или перехода к противнику вр. и. д. командующего 8-й армией Ратайского, но свидетельство о массовом переходе штабных работников 8-й армии на сторону белых соответствует действительности.

Эти факты дают огромный простор для разного рода предположений. Действительно ли имел место белогвардейский заговор в штабе 8-й армии? Был ли к нему причастен Селивачёв? Мог ли он стать его жертвой? К сожалению, известные нам документы пока не позволяют однозначно ответить на эти вопросы.

Наличие подписанного Селивачёвым приказа от 7 сентября о кадровых перестановках свидетельствует, что как минимум за десять дней до своей смерти бывший генерал был вполне здоров и мог управлять вверенной ему группой. В то же время — это самый поздний из обнаруженных нами документов за подписью самого Селивачёва. Отметим также, что с 13 сентября Ратайский подписывал распоряжения не как командующий группой, а вновь как вр. и. д. командующего 8-й армией,²³⁶ т. е. Селивачёв в это время оказался не у дел. Данных о том, возглавлял ли кто-то группу Селивачёва с тех пор, в архивных документах обнаружить не удалось. Таким образом, в середине сентября группа Селивачёва фактически прекратила свое существование²³⁷.

Как бы то ни было, войска, входившие в группу, продолжали вести тяжелые бои, в том числе по берегу реки Оскол. 12 сентября белые взяли Обоянь. 1-я и 3-я Донские дивизии 12 сентября получили приказ усилить бдительность, чтобы не пропустить отход красных²³⁸. Корпус Шкуро двигался по тылам 8-й армии, причем донское командование просило Шкуро помочь группе Гусельщикова в наступлении на Острогожск²³⁹. Наступление на Острогожск продолжалось еще несколько дней. Белое командование все еще надеялось отсечь и окружить отступавшие части красных, но сделать это не удалось. Командир III Донского отдельного корпуса, видимо, по этим причинам считал, что командный состав корпуса был

²³⁵ РГВА. Ф. 40 136. Оп. 1. Д. 14. Л. 228–228 об. Благодарю М. А. Хайрулина за указание на этот источник.

²³⁶ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 3. Л. 85.

²³⁷ В советской литературе утверждалось, что группа Селивачёва, якобы, была расформирована в конце сентября 1919 г. (Группа В. И. Селивачёва // Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1987. С. 160). На основе каких документов сделано такое заявление, нам неизвестно.

²³⁸ РГВА. Ф. 40 136. Оп. 1. Д. 1. Л. 177.

²³⁹ Там же.

не всегда на высоте своего положения²⁴⁰. Лишь 21 сентября Острогожск был занят силами 6-й и 7-й Донских пластунских бригад, красные отступили на Лиски²⁴¹.

В дальнейшем Шкуро продолжал громить красные тылы. По воспоминаниям самого генерала, «совершая это движение, я бил красных по частям; особенно крупных боев, кроме боя у Старого Оскола, не было. Однако в течение трех недель я взял 75 орудий, свыше 300 пулеметов и около 35 000 пленных»²⁴². Фактически к середине сентября результаты августовского наступления на фронте группы Селивачёва были сведены на нет, а войска понесли большие потери и оказались сильнеешим образом переутомлены. Бои теперь шли в районе Лиски — Коротояк²⁴³.

Еще летом 1919 г. белая разведка сумела добыть план действий группы Селивачёва и данные о ее составе, впрочем едва ли исходившие из штаба самой группы. По этим сведениям, роль Селивачёва как командующего группой «не вполне выяснена. По-видимому, находясь под надзором комиссара, он не может явно вредить операции своими распоряжениями, но делает, что может. Сообщают, что благодаря ему у группы нет резервов»²⁴⁴. Таким образом, белые агенты считали, что Селивачёв являлся их тайным сторонником, что, возможно, было недалеко от действительности. Когда эти материалы оказались в руках чекистов, надо полагать, подозрения в отношении Селивачёва многократно усилились. Однако произошло это не ранее конца августа — сентября 1919 г. и роли в судьбе Селивачёва, скорее всего, уже не сыграло.

Между тем, в начале сентября Троцкий продолжал выдвигать Селивачёва на пост командующего Южным фронтом²⁴⁵. По данным на 8 сентября, назначение Селивачёва было отложено лишь в связи с перерывом с ним связи²⁴⁶. Именно Троцкий покровительствовал Селивачёву, и бывший генерал в этот период вполне мог считаться его креатурой. Соответственно, любая неудача военспеца бросала тень и на его патрона. Однако деятельность Селивачёва и без документов белой разведки стала вызывать подозрения большевистского руководства.

К сожалению, точно не датирована интересная записка Ленина Э. М. Склянскому: «Склянскому только лично и особо секретно (Ленин). Не послать ли *особо надежным шифром* (курсив документа. — А. Г.) Со-

²⁴⁰ РГВА. Ф. 40 136. Оп. 1. Д. 14. Л. 6.

²⁴¹ РГВА. Ф. 40 136. Оп. 1. Д. 4. Л. 159.

²⁴² Шкуро А. Г. Указ. соч. С. 227.

²⁴³ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 3. Л. 148.

²⁴⁴ Красная книга ВЧК. Т. 2. М., 1989. С. 250–251.

²⁴⁵ РГВА. Ф. 33 987. Оп. 2. Д. 32. Л. 357.

²⁴⁶ Там же. Л. 393.

кольникову такой телеграммы: Примите лично все меры для ближайшего наблюдения за политической добросовестностью Селивачёва. Сообщайте чаще ваши наблюдения и их итоги»²⁴⁷. Этот документ из архива Склянского не публиковался в полном собрании сочинений Ленина.

11 сентября на заседании Политбюро ЦК обсуждался доклад главкома о положении на фронтах и вопрос о командировании в штаб Селивачёва высокопоставленного чекиста Я. Х. Петерса в качестве члена РВС, причем было решено до получения согласия Троцкого этого решения в исполнение не приводить²⁴⁸. Судя по всему, большевистское руководство больше всего беспокоил перерыв связи с Селивачёвым. Все остальные опасения и подозрения в возможной измене пока были лишь предположительными.

Разумеется, нам неизвестны все детали, о которых тогда говорилось в Политбюро. По всей видимости, подозрения в отношении нелояльности Селивачёва были столь серьезными, что отреагировать на них вскоре должен был уже и сам Троцкий. Удалось обнаружить черновик его шифрованной телеграммы в ЦК от 12 сентября. «Кандидатура Петерса слишком демонстративна, не давая никаких гарантий военной проверки²⁴⁹. Считаю более целесообразным назначение лучших агентов на должности делопроизводителя для поручений и шофера и пр. при Селивачёве. Сейчас наиболее критический момент для Селивачёва. Я выезжаю [в] Балашов, чтобы связаться с ним, вызвать его [в] Орел на совещание с Главкомом для назначения командюж. После этого опасность измены крайне уменьшится. Предлагаю во всяком случае назначения не производить до выяснения, где Селивачёв, и до вызова его в Орел, так как в случае его колебаний назначение Петерса может побудить его принять крайнее решение. Практического же значения назначение Петерса [в] ближайшие дни все равно иметь не будет. Троцкий. № 380»²⁵⁰.

Фактически это первый документ, в котором Троцкий допустил вероятность измены своего протеже. Он согласился с предложениями ЦК окружить Селивачёва соглядатаями из ВЧК, но предпочитал действовать осторожно и не назначать к Селивачёву такую знаковую фигуру, каким был прославившийся своей беспощадностью к врагам революции Петерс. Удивительно, но Троцкий еще не оставил мысли о возможности назначения Селивачёва командующим Южным фронтом и, что уже совсем странно, пола-

²⁴⁷ The Trotsky papers 1917–1922. Edited and annotated by J. M. Meijer. Vol. 1. 1917–1919. L. — Hague — P., 1964. P. 670.

²⁴⁸ Деятельность Центрального комитета партии в документах (события и факты) 1 июля — 30 сентября 1919 г. // Известия ЦК КПСС. 1990. № 2 (301). С. 159.

²⁴⁹ Зачеркнуто: контроля — А. Г.

²⁵⁰ РГВА. Ф. 33 987. Оп. 2. Д. 32. Л. 396–397.

гал, что более высокое назначение Селивачёва почему-то должно уменьшить вероятность измены с его стороны. Телеграмма свидетельствует и о том, что на 12 сентября связи с Селивачёвым по-прежнему не было, что не могло не вызывать озабоченности в советском руководстве.

На протяжении нескольких следующих дней новостей о Селивачёве по-прежнему не было. 16 сентября В. И. Ленин писал члену РВСР С. И. Гусеву:

«Связи с Селивачёвым не установили, надзора за ним не установили, вопреки *давнему* и *прямому* (здесь и далее — курсив документа. — А. Г.) требованию Цека.

В итоге и с Мамонтовым застой и у Селивачёва застой (вместо обещанных ребячьими рисуночками «побед» со дня в день — помните, эти рисуночки Вы мне показывали? и я сказал: о противнике забыли!!).

Если Селивачёв сбежит или его начдивы изменят, виноват будет РВСР, ибо он спал и успокаивал, а дела не делал. Надо лучших, *энергичнейших* комиссаров послать на юг, а не сонных тетерь»²⁵¹.

Ситуация с Селивачёвым не на шутку встревожила большевистского вождя. В тот же день Ленин написал председателю РВСР Троцкому и членам РВС Южного фронта Л. П. Серебрякову и М. М. Лашевичу: «Политбюро Цека считает абсолютно недопустимым, что Селивачёв остается до сих пор без особого надзора вопреки решению Цека. Настаиваем на установлении связи хотя бы аэропланом и на посылке к нему Серебрякова во что бы то ни стало и немедленно, комиссаром при Селивачёве. Поведение начдивов в районе вторичного прорыва крайне подозрительно. Примите героические меры предотвращения.

Политбюро поручает т. Сталину переговорить с Главкомом и поставить ему на вид недостаточность его мер по установлению связи с Селивачёвым и по предотвращению подозрительной небрежности, если не измены, в районе вторичного прорыва»²⁵².

17 сентября датирована телеграмма Троцкого из Тамбова в Орел Серебрякову и Лашевичу, ответ на которую Троцкий рассчитывал получить в Козлове: «Имеете ли связь с штабом 8 и Селивачёвым? Мои попытки связаться с Селивачёвым из Балашова не дали успеха. Каково положение на внутреннем фронте? Какие последние донесения южфронта?»²⁵³ Получается, что ни руководство Южного фронта, ни сам Троцкий не могли связаться с Селивачёвым весь период с 8 сентября по день его смерти. Возможно, свою роль в перерыве связи сыграл рейд Мамантова, но причины этого требуют дополнительного изучения.

---

²⁵¹ Ленин В. И. Военная переписка. С. 203.

²⁵² Там же. С. 204.

²⁵³ РГВА. Ф. 33 987. Оп. 2. Д. 32. Л. 416.

Однако обнаружение этого документа опровергает ранее высказывавшееся в литературе предположение, что «смерть генерала оказалась как нельзя более кстати для Троцкого и его сотрудников... в условиях непрекращающейся грызни реввоенсоветчики могли опасаться, что раскрытие подрывной деятельности столь высокопоставленного военачальника будет угрожать их собственному положению, — особенно когда в непосредственной близости к ожидаемой ревизии появилась фигура Сталина — постоянного недруга Председателя РВСР»²⁵⁴. Как мы знаем, в действительности Селивачёв тогда лишь находился под подозрением, а никаких документальных подтверждений его подрывной деятельности на сегодняшний день не обнаружено. Кроме того, нет данных о том, что И. В. Сталин принимал активное участие в решении этой проблемы.

На объединённом заседании Политбюро и Оргбюро ЦК РКП (б) 18 сентября 1919 г. было решено командировку Л. П. Серебрякова к уже умершему Селивачёву отменить²⁵⁵. Возникает резонный вопрос, как могло случиться, что до смерти Селивачёва с ним почти две недели не могли связаться, а информация о его смерти распространилась мгновенно?! 22 сентября Троцкий уже запрашивал Серебрякова о причинах смерти Селивачёва²⁵⁶.

Интересно, что Ленин привлек к решению этого вопроса такого непримиримого врага Троцкого как Сталин. Как справедливо отметил московский историк А. С. Кручинин, содержание ленинских писем даёт основание считать, что советский вождь не был в курсе болезни Селивачёва, которая, скорее всего, могла быть внезапной. Однако далее исследователь предполагает, что руководству советского Южного фронта и даже РВСР было выгоднее ликвидировать Селивачёва, чем оправдываться за неудачи на фронте и за назначение вероятного белого агента на руководящую должность²⁵⁷. Последнее утверждение представляется спорным. Обнаруженные нами документы свидетельствуют, что не только Ленин и Троцкий, но и командование советского Южного фронта не знало о состоянии Селивачёва, прежде всего вследствие длительного перерыва связи со штабом 8-й армии, где тот находился. Важно и то, что документальных подтверждений версии об убийстве Селивачёва пока не обнаружено.

По официальной версии, Селивачёв умер от тифа 17 сентября 1919 г. в возрасте 51 года²⁵⁸. Белая печать незамедлительно отреагировала на это

²⁵⁴ Кручинин А. С. Указ. соч. С. 74.

²⁵⁵ Ленин В. И. Военная переписка. С. 355.

²⁵⁶ РГВА. Ф. 33 987. Оп. 2, Д. 32. Л. 425.

²⁵⁷ Кручинин А. С. Указ. соч. С. 73–74.

²⁵⁸ Селивачёв В. И. // Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М.,

событие. Видный деятель Белого движения Генштаба полковник А. А. фон Лампе под псевдонимом «Л. Г. Семеновский» (в честь Лейб-гвардии Семеновского полка, в котором он служил в русской армии) 6 октября (23 сентября) написал в Новороссийске и 22 (9) октября опубликовал в газете «Великая Россия» резкую статью «Смерть Селивачёва», в которой высоко оценил квалификацию Селивачёва, но обвинял бывшего генерала в предательстве и даже припечатал его фразой из стихотворения А. Толстого «Сон Попова»: «Начнут как Бог, а кончат как свинья».

Фон Лампе писал: «По слухам, в Совдепии умер от острого воспаления кишок бывший генерал русской службы Селивачёв, недавно еще руководивший операцией красных на Валуйки и Купянск, операцией, инициатору которой нельзя отказать в способности правильно разбираться в вопросах стратегии и умении организовать наступление в армейском масштабе.

Все это дает основание предполагать, что неудавшаяся красным операция обхода Харькова была задумана лицами, получившими высшее военное образование, а таким-то именно и был Селивачёв, на которого красные вожаки возложили ее проведение в жизнь. Таким образом, естественно, возникает пред[по]ложение, что исполнитель операции мог быть и ее автором.

Ход операции, ее выполнение под руководством Селивачёва, дает полное основание предполагать, что неудача ее произошла не вследствие саботажа со стороны ее руководителя, а лишь вследствие искусного контрманевра командования Ю[жных] а[рмий] и, таким образом, за Селивачёвым остается желание расколоть надвое силы Ю[жных] а[рмий], и привести свое предприятие к желательному для Троцкого и губительному для генерала Деникина концу!

А между тем, будучи командующим VII армией на внешнем фронте, Селивачёв в сентябре 1917 г. был арестован комиссаром армии Сургучевым за «враждебное отношение к войсковым организациям и комитетам» и за то, что он не только высказал свою солидарность с генералом Деникиным, телеграммой заявившим свой протест против смещения генерала Корнилова с поста Верховного Главнокомандующего, но и всеми мерами способствовал распространению известного воззвания генерала Корнилова к войскам, воззвания, квалифицированного политическим комедиантом Керенским как измену и мятеж против верховной власти.

Солидарность генерала Селивачёва с «ныне привлеченным к дознанию по делу о восстании против временного правительства» Генералом Деникиным и с «изменником и мятежником» Корниловым заставила расторопного комиссара устранить генерала Селивачёва от командования армией.

В сентябре 1917 года генерал Селивачёв теряет пост командующего русской армией за поддержку генералов Корнилова и Деникина, а менее чем через два года после этого товарищ Селивачёв забывает свое “враждебное отношение к войсковым организациям и комитетам” и, став во главе разбойничьей организации комитета интернациональных мошенников, — выступает с оружием в руках против бывшей армии генерала Корнилова, руководимой генералом Деникиным.

“Как люди в страхе гадки. Начнут как Бог, а кончат как свинья!”²⁵⁹

Есть основания думать, что Селивачёв пошел на службу к большевикам и принял пост красного командарма под угрозой смерти, но ведь и генералу Радко-Дмитриеву его убийцы предлагали такой же ценой купить право на жизнь, однако доблестный генерал предпочел ужасную смерть под шашками обезумевших негодяев — службе красному хаму!

Не всякому дано быть героем, но как неумолима жестокая судьба — совершив свое предательство с целью спастись от смерти, Селивачёв умирает от эпидемического заболевания!

Умири он от той же болезни раньше своей измены — он отошел бы в вечность несчастным, измученным, но русским человеком; откажись он от предлагаемой ему, заведомыми для него разбойниками, сделки с жизнью и честью и презренной роли большевистского наемника — он умер бы героем — он умер после своего перехода на службу интернационалистам, врагам своей родины, и имя его останется навсегда в ряду имен тех, кто замарал себя изменой родному делу!

Надо думать, что многие из тех, кто готов для сохранения своей жизни пойти на сделку с совестью, невольно задумаются над жестокой насмешкой судьбы, сыгравшей злую шутку с умершим! Более яркого примера бесцельной измены ждать трудно!»²⁶⁰

К сожалению для них, белые тогда еще не поняли, что на одном только страхе армию создать невозможно, а основания службы многих офицеров в Красной армии были совсем иными. К тому же сложно говорить об измене в условиях раскола общества и отсутствия каких-либо критериев для определения, что есть в подобной ситуации измена.

Несколько лет спустя после этих событий, уже по окончании Гражданской войны, вышли «Очерки Русской Смуты» генерала А. И. Деникина, в которых Деникин привел следующее свидетельство: «Московские Центры»²⁶¹ поощряли вхождение в советские военные учреждения и на командные должности доверенных лиц, с целью осведомления и нанесения боль-

²⁵⁹ «Гр[аф] А. Толстой. “Сон Попова”» (прим. фон Лампе).

²⁶⁰ ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 1. Л. 85.

²⁶¹ Т. е. «Правый Центр» и «Национальный Центр».

шевизму возможного вреда. Я лично решительно отвергал допустимость службы у большевиков, хотя бы и по патриотическим побуждениям. Не говоря уже о моральной стороне вопроса, этот шаг представлялся мне совершенно нецелесообразным. От своих единомышленников, занимавших видные посты в стане большевиков, мы решительно не видели настолько реальной помощи, чтобы она могла оправдать их жертву и окупить приносимый самим фактом их советской службы вред. За 2½ года борьбы на Юге России я знаю лишь один случай умышленного срыва крупной операции большевиков, серьезно угрожавшей моим армиям. Это сделал человек с высоким сознанием долга и незаурядным мужеством; поплатился за это жизнью. Я не хочу сейчас называть его имя»²⁶². По предположению А. С. Кручинина, генерал Деникин имел в виду Селивачёва²⁶³. Кручинин исходил из того, что формулировка Деникина «мои армии» должна относиться к событиям 1919 г., а оговорка из «Очерков Русской Смуты» «генерал Селивачёв» при том, что рядом без всякого прежнего звания указан бывший полковник Шорин, не случайна.

Это предположение полностью подтвердилось в результате обнаружения нами важного свидетельства в неопубликованном дневнике Генштаба генерал-майора А. А. фон Лампе. 24 декабря 1922 г. фон Лампе теперь уже с любопытством и сожалением записал следующее: «Все хочу записать рассказ Деникина, который меня очень поразил — относительно генерала Селивачёва (здесь и далее — разрядка фон Лампе. — А. Г.). По мнению Деникина, Селивачёв, который когда-то был арестован за противодействие большевистским комиссарам, таковым и остался до самого конца и в операции против Добровольческой Армии, на Купянск, ведя ее совершенно правильно в таком направлении, которое заставило весьма беспокоиться самого Деникина, вдруг, без всякого смысла, свернул на Харьков, об который разбились советские части, до того резавшие нашу армию пополам. По предположению Деникина, “холера”, от которой умер Селивачёв, — могла быть и просто отравлением его большевиками за проигранную намеренно операцию..»

Если это так, то я очень виноват перед доблестно погибшим Селивачёвым, которого я квалифицировал в моей статье в “России” “начнет как Бог, а кончит как свинья”, базируясь именно на п р а в и л ь н о с т и выбранного им направления для удара на Купянск...

Но как же установить, как это было на самом деле...»²⁶⁴

²⁶² Деникин А. И. Очерки Русской Смуты. Кн. 2. Т. 3. Белое движение и борьба Добровольческой армии. М., 2003. С. 548.

²⁶³ Кручинин А. С. Указ. соч. С. 69–74.

²⁶⁴ ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 10. Л. 30.

В другом месте фон Лампе отметил: «...был момент, когда стоявший на стороне большевиков бывший генерал Селивачёв, прорвав наш фронт у Купянска, был обязан развивать прорыв на юг, чем привел бы нас к катастрофе, — он этого не провел в жизнь... правда о последнем случае говорят, что Селивачёв сделал это намеренно и был за это отравлен, но это еще требует подтверждения»²⁶⁵.

По мнению Кручинина, срыв операции был бы невозможен без эффективного взаимодействия белой агентуры и деникинской ставки, следовательно, у Деникина должна была быть точная информация на этот счет²⁶⁶. Однако из записи фон Лампе следует, что Деникин отнюдь не был уверен в правильности своих предположений, причем эта неуверенность передана и самому фон Лампе. Соответственно, достоверных данных на этот счет Деникин не имел. Что же касается поворота на Харьков, то, как уже говорилось выше, на самом деле его не было, так как Харьков и был одной из основных целей наступления Селивачёва, а Купянск — лишь крайним пунктом на левом фланге юго-западного крыла группы. Другое дело, что для Деникина именно Купянск как вершина Селивачёвского клина выглядел в качестве основной цели наступления. На самом деле наступать к югу от Купянска, оставив на фланге такие крупные центры, как Белгород и Харьков с располагавшимися в их районе главными силами Добровольческой армии, для Селивачёва было бы самоубийственно. По всем этим причинам его движение на Харьков выглядит вполне обоснованным.

В то же время совершенно достоверно, без допусков и предположений, установить истину в этом вопросе вряд ли удастся. Существуют и другие аргументы против того, что Селивачёв действовал умышленно во вред красным. Мощным контрдоводом является то, что уже изначально обе группы советского Южного фронта действовали по расходящимся направлениям. План Каменева не предусматривал нанесения главного удара группой Селивачёва, тогда как белые фактически наносили свой главный удар как раз на фронте его группы, что объективно ставило Селивачёва в тяжелые условия. Свободе действий Селивачёва мешал и рейд Мамантова по красным тылам.

Еще одним аргументом против того, что бывший генерал вел подрывную работу, на наш взгляд, является отказ Селивачёва 14 августа от предложенного ему подчинения группы войск, наступавшей на узловую станцию Готня (западнее Белгорода)²⁶⁷. Думается, настоящий белый агент и саботажник не отказывался бы от подчинения себе этой группы, а постарался бы взять

²⁶⁵ ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 24. Л. 290.

²⁶⁶ Кручинин А. С. Указ. соч. С. 74.

²⁶⁷ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 8. Л. 57.

под свой контроль максимум войск, чтобы затем нанести и максимальный вред. Наконец, едва ли способствовало желанию рисковать наличие у Селивачёва большой семьи, которая в случае его ареста и расстрела могла остаться без средств к существованию. Селивачёв не был безответственным человеком, заботился о близких и вряд ли стал бы рисковать их будущим.

Конечно, Селивачёв как опытный человек мог попытаться замаскировать свою возможную подрывную работу, однако сделать это было бы непросто. Нельзя забывать о том, что контроль над его действиями был достаточно серьезным и многоуровневым. Копии всех приказов Селивачёва отсылались в штаб фронта. Последний, как видно из оперативной переписки, внимательно следил за подчиненными ему формированиями вплоть до дивизионного уровня. Непосредственный начальник Селивачёва, командующий советским Южным фронтом В. Н. Егорьев имел большой опыт штабной работы и мог разоблачить вредительство Селивачёва. Однокашником по академии и, видимо, единомышленником Егорьева был другой опытный генштабист — начальник штаба фронта Н. В. Пневский. Приказы Селивачёва также отправлялись в Полевой штаб РВСР, где их изучали главком Каменев и начальник Полевого штаба Лебедев. Наконец, соответствие приказов Селивачёва обстановке контролировали штабы и РВС подчиненных ему армий, которые также отправляли копии своих телеграмм в штаб фронта и в Полевой штаб РВСР. Ежедневно, пока существовала связь, Селивачёв беседовал по прямому проводу с командующим Южным фронтом, а иногда и непосредственно с главкомом Каменевым.

Фактически, если у Селивачёва и была возможность отдать какие-то вредительские приказы, то произойти это могло с наибольшей вероятностью лишь в период перерыва связи его группы с центром в сентябре 1919 г., когда операция уже и так была провалена. И в этом смысле переход Селивачёва из штаба группы в штаб одной из вверенных ему армий может восприниматься либо как попытка лично спасти положение на месте, поскольку нет надежды на подчиненных, либо же как стремление оказаться ближе к линии фронта, уйти из-под контроля вышестоящего начальства, отдать соответствующие вредительские приказы и перейти к противнику, что, конечно, представляется менее вероятным.

Этот эпизод в художественной форме был изложен генералом Деникиным в его рассказе «Исповедь» из сборника «Офицеры», вышедшего в 1928 г. в Париже. Герой этого рассказа — бывший генерал и советский командарм — был отравлен по косвенному приказу Троцкого из-за того, что подвел вверенную ему армию под поражение с целью помочь белым.

Деникин писал: «Еще недавно, не более недели тому назад, операция прорыва белого фронта началась так блестяще, и острый, точно режущий

клин, прочерченный на большой стратегической карте, висевшей в оперативном отделении, впивался все глубже и глубже к югу, в расположение белых. Только полсотни верст отделяло победоносные красные полки от важного южного центра, когда командарм неожиданно для своего штаба свернул армию на запад... прошло еще дня два — три, и в ходе операции наступил неожиданный перелом: армия, производя перемену направления, сама открыла белым свои сообщения и тыл, по которому ударили “белые” бронепоезда и кубанская конница. Роли переменились, будто по сигналу: N-ая красная армия повернула на север и в паническом бегстве искала спасения. Несколько дней штаб²⁶⁸ не имел даже сведений о своих войсках... Командарм сидел в салоне своего вагона, задумчиво глядя на разложенную карту. Толстая цветная линия общего советского фронта — на участке его армии — обращалась в пунктир неопределенного очертания: нельзя было установить точно расположение дивизии; а синие стрелки, изображавшие направления колонн белых, — прямые, острые — словно разрывали паутину фронта, выпрямляли опустившийся было к югу клин и вонзались глубоко в расположение красных. Одна стрелка, прочерченная сбоку, с востока, наперерез железнодорожной линии, все время опережала движение штабного эшелона. Вот-вот захватят...

Операция окончательно и безнадежно погублена.

Командарм сложил карту, откинулся на спинку кресла, задумался. “На этот раз, пожалуй, не удастся выйти благополучно...”²⁶⁹

Рассказ Деникина завершился тем, что на исповеди умиравший командарм сказал священнику, что служил красным только для вреда. Однако история с отравлением — лишь предположение Деникина, обусловленное его неприятием большевиков и стереотипами в отношении красного террора. Подлинных обстоятельств произошедшего знать он, скорее всего, не мог. По всей видимости, Деникин считал, что Селивачёва действительно отравили, подозревая в сочувствии белым и в измене²⁷⁰. Иностранные авторы также высказывают предположения, что внезапная смерть Селивачёва каким-то образом могла быть связана с неудачей его группы²⁷¹. Из рассказа «Исповедь» следует и то, что у командарма в штабе был сообщник,²⁷² что может перекликаться с подлинными историческими событиями, связанными с гибелью Селивачёва.

²⁶⁸ Штаб армии.

²⁶⁹ Деникин А. И. Старая армия. Офицеры. М., 2005. С. 415, 417, 418–419.

²⁷⁰ Рутыч Н. Биографический справочник // Махров П. С. В белой армии генерала Деникина. СПб., 1994. С. 251.

²⁷¹ Maudsley E. The Russian Civil war. Edinburgh, 2008. P. 243.

²⁷² Деникин А. И. Старая армия. Офицеры. С. 421.

В ходе поисков в фондах РГВА автору этих строк посчастливилось обнаружить документы, проливающие свет на судьбу Селивачёва. Они отыскались в двух малоприметных полевых книжках штаба 8-й армии, многие из которых заполнялись ближайшим сотрудником Селивачёва генштабистом Нечволодовым. До сих пор эти документы не привлекали внимания исследователей.

Из этих документов следует, что на 12 сентября штаб 8-й армии находился в селе Костомаровка, где располагалась переправа через Дон. К 14–15 сентября штаб армии планировал добраться до Острогожска,²⁷³ однако этого не случилось. Именно в Костомаровке и скончался В. И. Селивачёв. При этом штаб Селивачёва находился в непосредственной близости от линии фронта. Уже 13 сентября в 10 верстах к северо-востоку от переправ появились разъезды белых²⁷⁴. На Костомаровку вела наступление 3-я Донская дивизия²⁷⁵.

В тот же день начальнику охраны обоза штаба 8-й армии Черноусову была отправлена телеграмма с приказанием начальника штаба армии Нечволодова о высылке к Селивачёву врачей штабного околотка и фельдшеров. «Положение командарма очень плохое», — сообщалось в телеграмме²⁷⁶. Нечволодов в эти дни отдавал распоряжения об обороне Костомаровки и переправ и ни в чем подозрительном заподозрен быть не мог. Правда, по мнению Троцкого, высказанному 1 августа 1919 г., он был малопригоден на своей должности²⁷⁷. Однако это не свидетельствует ни о его возможной работе на противника, ни о его причастности к смерти Селивачёва.

Среди обнаруженных документов имеется описание состояния здоровья Селивачёва 15 сентября, которое уместно здесь опустить по этическим соображениям. Отметим, что налицо были признаки желудочного заболевания, хотя врачи констатировали некоторое улучшение, отмечали, что у больного прошли судороги и он находился в сознании, но был очень слаб²⁷⁸.

К 16 сентября штаб 8-й армии не имел связи со штабом Южного фронта уже вторую неделю²⁷⁹. Сообщения отправлялись через штаб 9-й армии. 8-я армия действовала в отрыве от главных сил и почти полностью лишилась боеприпасов.

16 сентября Нечволодов телеграфировал командующему Южным фронтом: «Помощник командующего Южным фронтом командующий группой

---

²⁷³ РГВА. Ф. 191. Оп. 3. Д. 466. Л. 228.

²⁷⁴ РГВА. Ф. 191. Оп. 3. Д. 273. Л. 12.

²⁷⁵ РГВА. Ф. 40 136. Оп. 1. Д. 4. Л. 122.

²⁷⁶ РГВА. Ф. 191. Оп. 3. Д. 273. Л. 13.

²⁷⁷ РГВА. Ф. 33 987. Оп. 2. Д. 32. Л. 267.

²⁷⁸ РГВА. Ф. 191. Оп. 3. Д. 273. Л. 30–30 об.

²⁷⁹ РГВА. Ф. 191. Оп. 3. Д. 357. Л. 184.

8 и 13 армий (в документе — армиями. — А. Г.) Владимир Иванович Селивачёв при переезде со штабром 8 из Боброва в Острогужск заболел в д. Костомаровке 13го сентября остро-желудочным кишечным заболеванием, подозрительным по холере. Состояние здоровья внушает опасения. Командование 8-ой армией вновь передано тов. Ратайскому»²⁸⁰.

На следующий день телеграмма Нечволодова уже сообщала печальное известие:

«Оперативная вне всякой очереди

1) Командюжу

2) Главкому

№ 27 17 сент. 23 час.

Место отправления Костомаровка

Помкомандюж Владимир Иванович Селивачёв, заболел в селе Костомаровке на Дону 13 сентября остро-желудочным кишечным заболеванием, подозрительным по холере, скончался 17 Сентября в 23 часа.

Предан земле будет в селе Костомаровка.

Состоящий при Помкомандюже Генштаба Нечволодов»²⁸¹.

Таким образом, смерть генерала, скорее всего, носила естественный характер, но, вопреки официальной версии, не была вызвана тифом. При этом выявленные документы не противоречат и версии отравления, приведшего к летальному исходу.

Телеграмма Нечволодова также оставляет некоторые вопросы без ответа. Означает ли наличие этой телеграммы, что не существовавшая две недели связь со штабом фронта после смерти Селивачёва в одночасье наладилась? Это еще одна загадка, связанная со смертью бывшего генерала.

Переписка со знатоками прошлого и настоящего Костомаровки дает основание считать, что могила Селивачёва там не сохранилась. Если бы было наоборот, место и обстоятельства его смерти не оставались бы до сих пор исторической загадкой. Скорее всего, могила генерала затерялась еще тогда. Не исключено, что ее уничтожили белые, занявшие Костомаровку с отходом красных, тем более что в районе Костомаровки шли ожесточенные бои,²⁸² а донесение Нечволодова на протяжении девяноста лет хранилось в архиве не востребовавшимся.

В следующей телеграмме № 28, адресованной РВС 8-й армии, дополнительно сообщалось, что болезнь Селивачёва протекала «при наличии порока сердца»²⁸³. Телеграммой № 29, адресованной начальнику Поле-

²⁸⁰ РГВА. Ф. 191. Оп. 3. Д. 273. Л. 31–31 об.

²⁸¹ РГВА. Ф. 191. Оп. 3. Д. 275. Л. 3.

²⁸² См., напр.: Богучарцы. К истории 40-й Богучарской дивизии. В обработке М. Борисова. Под общей редакцией В. Н. Алексеева. Воронеж, 1933. С. 132.

²⁸³ РГВА. Ф. 191. Оп. 3. Д. 275. Л. 5.

вого штаба РВСР П. П. Лебедеву, Нечволодов продублировал информацию о смерти Селивачёва и добавил: «просьба сына: подготовить семью к этому несчастью»²⁸⁴. Из этой фразы, предположительно, может следовать, что сын Селивачёва находился вместе с отцом на фронте. Тот факт, что Селивачёва похоронят в Костомаровке, Нечволодов объяснял военными обстоятельствами. Телеграммы передавались через штаб 33-й дивизии. Отдельная телеграмма была отправлена начальнику санитарной части 8-й армии.

На другой день часть сотрудников штаба армии выезжала из Костомаровки в Острогожск. При отъезде штаба армии выяснилось, что Нечволодов с женой бесследно исчезли. По всей видимости, это произошло в ночь с 18 на 19 сентября.

10 часами утра 19 сентября датирована телеграмма председателю исполкома села Костомаровка, подписанная помощником начальника санитарной части 8-й армии товарищем Биберганом: «Сообщаем, что Начал[ьник] Штаба VIII арм[ии] тов. Нечволодов Ал[ександр] Сем[енович] и жена его Екатер[ина] Карловна сегодня утром в 9^т час. в квартире у себя не обнаружены. Вещи в раскрытом виде, как портплед и др. находились в комнате. Из разговоров выяснилось, что они будто бы на квартире не ночевали.

Предлагаем принять меры к выяснению их местопребывания и сообщить немедленно в штаб 8 арм[ии].

Вещи, какие обнаружены в квартире, взяты нами в штаб 8 арм[ии]»²⁸⁵.

В Особый отдел 33-й дивизии было отправлено донесение похожего содержания и две фотокарточки Нечволодова.

Нечволодов с женой бросили все и бежали. Все говорило о поспешности их исчезновения. Нечволодов оставил верховую лошадь (что странно при побеге, но может объясняться, например, попыткой скрытно переправиться через Дон на лодке), 3 тюка вещей, коробку и небольшой чемодан²⁸⁶.

Был ли Нечволодов причастен к смерти Селивачёва? По какой причине он решил бежать? Не был ли он связан с антибольшевистским подпольем? Эти вопросы до сих пор остаются без ответа.

Исчезновение четы Нечволодовых лишь добавляет загадочности в поистине детективные события вокруг смерти Селивачёва и, разумеется, не может не быть связано со смертью героя нашего очерка. Вероятнее всего, Нечволодов опасался ответственности за неудачный исход операции на фронте группы Селивачёва. Однако нельзя исключать и любых других версий, в том

---

²⁸⁴ Там же. Л. 4.

²⁸⁵ РГВА. Ф. 191. Оп. 3. Д. 275. Л. 12–12 об.

²⁸⁶ Там же. Л. 22, 23.

числе и версии о том, что именно он руководил антибольшевистской организацией в штабе 8-й армии.

При этом в документах учета кадров Генштаба и в оперативной переписке Нечволодов значится исчезнувшим лишь 2 октября, к тому же именно в этот день вр. и. д. начальника штаба армии вместо Нечволодова был назначен бывший слушатель ускоренных курсов академии Генштаба Г. С. Горчаков, ранее служивший в должности начальника оперативного отдела²⁸⁷. Почему возникла эта нестыковка в датах — опять-таки непонятно.

Уже к 5 октября Нечволодов объявился у белых в Таганроге, где находился под следствием за службу в Красной армии. В документах он указывал, что состоял членом организации офицеров Генштаба, но что имелось в виду, неясно. Возможно, речь шла как раз о подпольной организации.²⁸⁸

Исключительно важную оценку деятельности Селивачёва дал бывший командующий Южным фронтом В. Н. Егорьев уже после Гражданской войны, когда решался вопрос о пенсионном обеспечении семьи Селивачёва. 3 марта 1922 г. «лицо для особо важных поручений при РВСР» Егорьев писал начальнику административно-хозяйственного отдела Штаба РККА: «Покойный Владимир Иванович Селивачёв был назначен моим Помощником по должности Командюжа, на каковую вступил в конце июля 1919 г. Ввиду полученных мною в это время директив по переходу Южного фронта в энергичное наступление против Деникина я возложил на Селивачёва разработку всех подробных соображений по Административной Части по организации этого наступления и отчасти привлекал его к детализированию оперативных указаний.

Все порученные работы Селивачёв выполнил в кратчайший срок и с полным для меня удовлетворением. При самом переходе в наступление я назначил Селивачёва Командующим ударной группой в составе 13-й и 8-й Армий. Наступление было развито им во всем согласно с моими указаниями и с присущим ему талантом, причем в необходимых случаях Селивачёв находился при передовых частях.

После прорыва Мамонтова, когда вся база этой группы была отрезана Мамонтовым, Селивачёв создал новую базу непосредственно при самих войсках и тем совершенно аннулировал все действия Мамонтова. Находясь все время при войсках, Селивачёв внезапно скончался, по одним сведениям, от холеры, по другим — от отравления агентами Деникина.

Считаю Селивачёва выдающимся Красным Военно-Начальником, погибшим на передовом фронте при исполнении служебных обязанностей и име-

²⁸⁷ РГВА. Ф. 191. Оп. 7. Д. 13. Л. 5.

²⁸⁸ ГА РФ. Ф. Р-447. Оп. 2. Д. 48. Л. 62.

ющим право на особоисключительное отношение высшей военной власти к его осиротевшей семье.

Бывший Командюж, ныне лицо для особо-важных поручений при РВСР В. Егорьев»²⁸⁹.

Этот документ важен по двум причинам. Во-первых, он объясняет причины перехода Селивачёва к непосредственному руководству 8-й армией необходимостью создания новой базы против Мамантова. Во-вторых, Егорьев допускал вероятность отравления Селивачёва, но не агентами красных, как считал Деникин, а агентами белых. Соответственно, слухи об этом распространялись в советской военной элите и, вполне возможно, имели какое-то обоснование. Вдова Селивачёва считала, что ее муж умер от холеры²⁹⁰.

На основе характеристики Егорьева заместитель председателя РВСР Э. М. Склянский в марте 1922 г. подготовил обращение в наркомат социального обеспечения, в некоторых местах дословно повторив слова Егорьева: «Начальник Штаба РККА возбудил ходатайство о назначении усиленной пенсии семье умершего помощника командующего Южным фронтом Генштаба В. И. Селивачёва.

Из имеющихся в деле сведений видно, что покойный Селивачёв, имея высокий образовательный и служебный боевой стаж в старой армии (командовал армией) вступил на службу в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию, в которой в июле 1919 года занял высшую должность помощника командующего Южным фронтом. При переходе Южного фронта в энергичное наступление против Деникина Селивачёв был назначен командующим ударной группой в составе 8-й и 13-й армий, причем развил это наступление с талантом, находясь в необходимых случаях при передовых частях. После прорыва Мамантова, Селивачёв создал новую базу непосредственно при самих войсках и тем совершенно аннулировал все действия Мамантова.

Находясь все время при войсках, Селивачёв внезапно скончался при исполнении служебного долга 17-го ноября (так в документе. — А. Г.) 1919 года, оставив вдову Марию Федоровну (правильно — Федотовну. — А. Г.) Селивачёву, 50 лет, и 4-х детей, из которых старший сын 20 л. находится на фронте, остальные же трое детей — на попечении вдовы; второй сын, 19 лет и дочь, 21 года, не служат вследствие болезненного состояния, причем последняя в настоящее время лежит в больнице, младшая дочь 13 лет.

Принимая во внимание особую самоотверженную преданность покойного Селивачёва служебному долгу и важные заслуги, оказанные им Республике, руководствуясь п. в) ст. 3 декрета Совнаркома от 5-го декабря 1921 года,

²⁸⁹ ГА РФ. Ф. А-539. Оп. 3. Д. 419. Л. 44–44 об.

²⁹⁰ Там же. Л. 38.

я нахожу, что вдове Селивачёвой должна быть назначена усиленная пенсия, о чем, с приложением переписки на 19-ти листах, и ходатайствую перед Наркомсобесом»²⁹¹.

Для характеристики обстановки на фронте отметим, что в день исчезновения Нечволодова завершился рейд Мамантова по красным тылам, Мамантов соединился с корпусом Шкуро, наступавшим на Воронеж, у села Осадчино юго-западнее Воронежа. В этот же день оперативный штаб 8-й армии прибыл на станцию Лиски²⁹². Уже 19 сентября красные были вынуждены отойти в северную часть Костомаровки, на бугры, причем в донесениях белых отмечалось, что «противник отличается особенной стойкостью, понеся большие потери, атакующие части сходились на 40 шагов»²⁹³. На следующий день, после упорного боя Костомаровка была полностью занята частями 3-й Донской дивизии, также был захвачен паром через Дон²⁹⁴. Все это произошло лишь через три дня после того, как здесь скончался Селивачёв.

Как уже отмечалось, Нечволодов был не единственным высокопоставленным работником штаба 8-й армии, исчезнувшим в тот период. Потери командно-начальствующего состава и особенно штабных работников 8-й армии в сентябре — октябре 1919 г. составляют внушительный список. Еще 17 сентября попал в плен слушатель академии Генштаба РККА Н. В. Миронцев, занимавший должность помощника начальника штаба 16-й стрелковой дивизии по оперативной части²⁹⁵. В тот же день умер временно командовавший армией до своей болезни Селивачёв. На следующий день исчез начальник штаба армии Нечволодов. 2 октября сбежали начальник разведывательного отделения Генштаба В. А. Желтышев и сменивший Нечволодова вр. и. д. начальника штаба армии Генштаба В. Ф. Тарасов — очевидно, люди, хорошо осведомленные об оперативной обстановке. Позднее при отступлении 8-й армии исчез начальник тылового штаба армии (с 5 октября 1919 г.) В. В. Вдовьев-Кабардинцев. Не возвратился из отпуска и с 4 октября числился в бегах, а позднее объявился на белом Юге начальник[а] оперативного отдела Б. П. Лапшин,²⁹⁶ остался по болезни в Козлове и не вернулся к месту службы слушатель академии А. Н. Коновалов²⁹⁷.

Таким образом, за два месяца армия лишилась не менее восьми выпускников и слушателей академии Генерального штаба, что составляет около

²⁹¹ Там же. Л. 37–37 об.

²⁹² РГВА. Ф. 191. Оп. 7. Д. 6. Л. 177.

²⁹³ РГВА. Ф. 40 136. Оп. 1. Д. 4. Л. 157 об.

²⁹⁴ Там же. Л. 158–158 об.

²⁹⁵ РГВА. Ф. 191. Оп. 7. Д. 13. Л. 9.

²⁹⁶ Там же. Л. 5 об.

²⁹⁷ Там же. Л. 7.

трети от их общего числа в армии даже с учетом слушателей академии Генштаба РККА. При расчете только по выпускникам и слушателям старой академии Генштаба за вычетом «красных генштабистов» погибшие и перебежавшие составляют не менее половины их общего количества. Столь высокие показатели и синхронность исчезновений могут быть неслучайными. Подобные события вполне возможны, например, при наличии в штабе армии антибольшевистской подпольной организации. С другой стороны, военспецы могли бежать, испугавшись ответственности за неудачи.

В итоге большой объем работы был взвален на плечи нового вр. и. д. начальника штаба армии Г. С. Горчакова, который не был к этой роли должным образом подготовлен, поскольку в 1917 г. из-за болезни не окончил даже ускоренные курсы академии Генштаба. Однако на фоне повальных изменений штабных работников армейскому начальству особенно выбирать не приходилось, а Горчаков все же имел большой опыт работы именно в штабе 8-й армии. После того, как обстановка на фронте несколько нормализовалась, он 17 октября обратился к начальнику штаба Южного фронта со следующей телеграммой: «10 месяцев непрерывно не зная ни дня отдыха с утра до глубокой ночи бессменно отдавая всю свою энергию, знание и ум, я нес в тяжелых условиях работу по должности нач. оперативного отделения, начальник оперативного отдела и наштарма 8. За 10 месяцев службы сменился весь состав оперативного отдела армии и все ответственные работники оперода, кроме меня, имели отпуск. [В] настоящее время я окончательно подорвал на службе свое здоровье и в силу колоссальной переутомленности могу дать лишь минимум работы, [в] ту войну я в течение 2-х с лишним лет также нес сложные обязанности, работая по оперативной части и был дважды тяжело ранен. Взываю к справедливости и человечности, прося зависящих распоряжений сменить меня и предоставить крайне необходимый отпуск на предмет пополнения здоровья (так в документе. — А. Г.) и обращаюсь не по команде в силу того, что много раз обещанный мне отпуск реввоенсоветом армии остается лишь обещаниями. Врид наштарм 8 Горчаков»²⁹⁸. Эта телеграмма в полной мере характеризует обстановку в штабе армии в предшествующий период.

В самом конце 1918 г. командование 8-й армии и в целом руководители советского военного строительства в Воронеже даже Л. Д. Троцкому казались вполне надежными в партийном отношении²⁹⁹. Троцкий продолжал так считать и в начале августа 1919 г., заявляя, что 8-я армия «является бес-

²⁹⁸ РГВА. Ф. 100. Оп. 3. Д. 498. Л. 311–311 об.

²⁹⁹ Мухоморова И. В. Кто готовил советизацию Польши в 1918 году? // Революционная Россия 1917 года и польский вопрос: Новые источники, новые взгляды. Сб. ст. М., 2009. С. 276.

спорно сильнейшей и надежнейшей во всех отношениях»³⁰⁰. По мнению Троцкого, эта армия ничуть не уступала мощнейшей 5-й армии Восточного фронта.

Но уже к лету 1919 г. картина изменилась. Сохранилось описание обстановки в штабе 8-й армии в июле 1919 г., составленное 3 июля присланными в него слушателями Красной Академии Генштаба. Как и во многих других случаях, молодежь возмущалась старыми генштабистами. По их мнению, «не приходится уже говорить о работе серьезной, работе в крупном масштабе, участии на заседаниях при разработке оперативных действий, составлении боевого приказа частям армии или на других важных заседаниях, а вместо этого слышишь со стороны Начальника Оперативного Отдела тов. Голубева и его помощника тов. Лапшина (старых Генштабов) только грубое, в невежливой форме обращение, видя в нас подчиненных, сами становятся начальниками старого пережитого времени, да наконец громкий крик: “я вам приказываю”, “я вас сейчас отправлю под арест”, а “еще больше, даже расстреляю”, — что это за отношения, кому это нужно, наконец, разве нас Красная Академия послала на практику для этого... Просим довести до сведения, кому это знать нужно, этой старой рутине нет места в штабах нашей Армии. Подписали: Слушатели Красной Академии Генерального Штаба Морозов, Ягунов, Миронцев, Петрусевич»³⁰¹.

Один из слушателей, Н. В. Миронцев, 29 июля 1919 г. писал, что его с товарищами направили не на те должности и не на ту работу, к которой готовили, «и вот результат месячной работы в Штабе Армии, каждый из нас набил немного руку в канцелярщине, ничего общего не имеющей со стратегией, тактикой и службой Генштаба, и немало израсходовал энергии и сил большей частью на совершенно нецелесообразную работу или на войну со специфической атмосферой Штаба армии (8-й. — А. Г.), который порой, казалось, был Штабом не Рабоче-Крестьянской Красной Армии, а царской старорежимной... В Штабах дивизии нас не оставляли, а послали на должности не выше помощников по оперативной части начал[ьников] штабов бригад, и это в то время, когда у нас 90% должностей Генштаба вакантны и кроме того не только начальники Штабов бригад, а подчас Начальники Штабов дивизий не только не Генштабы, а подчас полуграмотные в отношении тактики и др. люди... Теперешний штаб армии гораздо громоздче старого штаба, для размещения его учреждений даже в Воронеже не хвата-

³⁰⁰ Цит. по: *Краснов В. Г., Дайнес В. О.* Указ. соч. С. 207. Непонятно, однако, как это утверждение сочеталось со скептическим отношением Троцкого к командованию 8-й армии в августе 1919 г. Троцкий считал командарма А. И. Ратайского слабым человеком, а начальника штаба А. С. Нечволодова — малопригодным по своей должности (РГВА. Ф. 33 987. Оп. 2. Д. 32. Л. 267).

³⁰¹ РГВА. Ф. 24 696. Оп. 1. Д. 56. Л. 36.

ет помещения, а еще Штабы дивизии, бригад, полков, когда один оперативный отдел штаба при движении занимает 77 вагонов»³⁰². Миронцев вполне допускал, что за раздутостью штаба мог скрываться злой умысел военспецов. Работу же комиссаров штаба Миронцев считал неэффективной, так как «вопрос, возможен ли вообще контроль в оперативном и другом отношении, весьма спорен, и я даже из своего опыта как комиссара армии скажу невозможен»³⁰³.

Была и другая точка зрения. Бывший начальник оперативного отдела штаба 8-й армии (с декабря 1918 г.), а позднее и начальник штаба армии (по август 1919 г.) генштабист Б. Л. Негродов писал 21 ноября 1919 г. начальнику штаба Приволжского военного округа: «Условия работы в Штабе армии потребовали огромного напряжения и даже сверхчеловеческой энергии. Так, начиная работу в Штабе с 10 часов, я оканчивал таковую в 3–4, а иногда и в 6 часов утра следующего дня. В феврале 1919 года я был назначен начальником Штаба этой же армии и пробыл в этой должности до августа месяца настоящего года, когда со мной стали случаться сердечные припадки, и я от переутомления буквально свалился с ног. Таким образом, на Южном фронте я пробыл с ноября 1918 года по август 1919 года, то есть 10 месяцев, работая по 20 часов в сутки»³⁰⁴.

Похожий путь (вплоть до тех же должностей и аналогичного переутомления) проделал в штабе 8-й армии генштабист С. Н. Голубев, писавший Л. Д. Троцкому: «В конце 1918 года я был переведен в 8 армию Южного фронта, где и был назначен начальником штаба 13 дивизии, где и был у Вас с докладом на ст. Тулиново. Затем я был начальником Оперативного отдела Штаба 8 армии, начальником штаба этой же армии; в этих должностях мне неоднократно приходилось делать Вам доклады, когда Вы летом в 1919 году приезжали к нам в армию. В дальнейшем, благодаря сильнейшему переутомлению, я был уволен в отпуск по болезни»³⁰⁵.

Изменам и разного рода неожиданностям способствовала сложная фронтовая обстановка. Фактически к середине сентября все территории, занятые в ходе наступления группы Селивачёва, были красными оставлены. Наступление белых армий Юга России на советский центр продолжалось. Фронт между Курском и Воронежем был прорван белыми. 20 сентября 1919 г. части Добровольческой армии взяли Курск, развивая успех в направлении Орла. 30 сентября генерал Шкуро занял Воронеж. Успешными были действия деникинцев и на других участках фронта.

---

³⁰² Там же. Л. 50, 52.

³⁰³ Там же. Л. 51.

³⁰⁴ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1009. Л. 229–229 об.

³⁰⁵ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 941. Л. 130.

К 15 сентября в группе Селивачёва оставалось 30918 штыков, 3432 сабли при 220 орудиях и 681 пулемете³⁰⁶. Войска 8-й армии в это время находились в глубоком отступлении. Армия понесла большие потери, была деморализована, осталась без боеприпасов, а 16-я и 31-я дивизии были полностью разбиты белыми³⁰⁷. 28 сентября без боя был сдан противнику Землянк. Белые охватывали фланги армии. К 22 сентября 12-я и 13-я дивизии насчитывали только по 500 штыков и были небоеспособны, другие дивизии также понесли серьезные потери³⁰⁸. 31-я дивизия частично разбежалась, частично была обезоружена и направлена в распоряжение ревтрибунала³⁰⁹. Армия отошла к линии реки Дон. Как уже отмечалось, к началу октября армия лишилась части комсостава и штабных работников. Общая численность армии к 4 октября составляла лишь 7600 штыков и сабель³¹⁰. Лишь в начале октября появилась возможность заняться приведением армейского тыла в порядок³¹¹. Рейд Мамантова также нанес серьезный удар по положению армии. При этом командование требовало от почти разгромленной армии активных наступательных действий.

По свидетельству члена РВС 8-й армии Г. И. Окуловой-Теодорович, «Мамантов прошел по тылам VIII армии и разграбил все базисные склады продовольствия и обмундирования. Армия осталась без снабжения. Наступили холода.

Фронт перемещался. Линия фронта была нарушена. Отправляясь в свои части, мы легко могли попасть в расположение врага, так как конница Мамантова отличалась большой подвижностью»³¹².

Однако после своего знаменитого рейда Мамантов предпринимал новые рейдирующие действия по красным тылам. Его казакам удалось захватить даже члена РВС 8-й армии В. А. Барышникова и некоторых других ответственных работников. Мамантов планировал отправить их в тыл как заложников, но предложил большевикам сделку: «Если советской власти угодно получить свои звезды обратно, то я могу вернуть их за соответствующий выкуп (конечно, не денежный)»³¹³. Предполагалось, что состоится обмен на пленных казачьих офицеров, однако по каким-то причинам красным организовать такой обмен не удалось, и Барышников был повешен³¹⁴.

³⁰⁶ Подсчитано по: Директивы командования фронтов Красной армии. Т. 4. С. 73–74.

³⁰⁷ Директивы командования фронтов Красной армии. Т. 2. С. 333.

³⁰⁸ РГВА. Ф. 191. Оп. 7. Д. 6. Л. 177.

³⁰⁹ *Какурин Н. Е.* Как сражалась революция. Т. 2. 1919–1920 гг. С. 279–280.

³¹⁰ *Егоров А. И.* Указ. соч. С. 292.

³¹¹ РГВА. Ф. 191. Оп. 3. Д. 359. Л. 242.

³¹² *Окулова-Теодорович Г. И.* Большевистские комиссары // Этних дней не смолкнет слава. Воспоминания участников гражданской войны. М., 1958. С. 45.

³¹³ РГВА. Ф. 191. Оп. 8. Д. 1. Л. 37.

³¹⁴ Подробнее о Барышникове: Герои гражданской войны. Книга о москвичках — участниках

Мамантов считал положение 8-й армии совершенно безнадежным. По его мнению, армия была окружена за исключением 1-й и 3-й бригад 40-й дивизии. Мамантов был настолько уверен в своем успехе, что даже предложил красному командованию 3 октября (20 сентября) очистить в трехдневный срок район Воронеж — Коротояк — Бобров — станция Анна, оставив ему всю артиллерию, вооружение и запасы. За это он гарантировал неприкосновенность даже комиссарам и коммунистам, не говоря уже о красноармейцах, и обещал пропустить войска в направлении станции Грязи³¹⁵.

По мнению Окуловой-Теодорович, командарм Ратайский был неподходящей кандидатурой для этой должности. «Он был уже старик, вероятно, очень утомленный. Во время докладов, которые делали ему работники оперативной части, он часто засыпал»³¹⁶.

Столь же безотрадную для красных картину рисует описание подвига начальника 42-й стрелковой дивизии (правофлангового соседа 8-й армии) генштабиста И. Х. Пауки, за который он был награжден орденом Красного Знамени: «В сент[ябре] 1919 г. неудачные действия некоторых соседних частей поставили 42 дивизию в крайне тяжелое положение и потребовали от ее руководителя, т. Паука, высокого напряжения сил и искусного управления, дабы сохранить дивизию и вывести ее из-под фланговых ударов противника. С этой целью части дивизии постепенно отводились на новые позиции в северном направлении, причем отвод частей приходилось совершать все время в непрерывных боях с противником. 27 сент[ября] части дивизии согласно приказу начдива были сосредоточены на рубеже Новоселки — Ниж[нее] Чесночное — ст. Ведуга. Однако, вскоре и эту позицию противник начал обходить с обоих флангов. 3 окт[ября] 3 дивизия оставила г. Ливны, а через несколько дней и ст. Русский Брод. После разгрома отряда т. Фабрициуса у Нижнедевицка всякое соприкосновение с правым флангом 8 армии прекратилось, и левый фланг 42 дивизии оказался на весу совершенно обнаженным. Сложившаяся обстановка потребовала дальнейшего отхода 42 дивизии на позиции в непосредственной близости от г. Ельца на линию р. Сосна от Есенки до Шаталова и далее до Павловка — Екатериновка. В это же время дивизии было приказано выделить ударную группу на своем правом фланге для оказания содействия 3 дивизии по обратному овладению г. Ливны. С середины октября и до последних чисел месяца шли упорные бои за удержание г. Ельца. Противник упорно стремился захватить этот район, все время стараясь наносить фланговые удары частям 42 дивизии»³¹⁷.

боевых сражений. Сб. М., 1974. С. 217–222.

³¹⁵ РГВА. Ф. 191. Оп. 8. Д. 1. Л. 45–46.

³¹⁶ Окулова-Теодорович Г. И. Указ. соч. С. 47.

³¹⁷ Приказ РВСР по личному составу № 126. 13.03.1920.

Из катастрофического положения 8-ю армию вывели только действия конного корпуса С. М. Буденного против белых в октябре 1919 г.³¹⁸ Вполне определенную картину печальных итогов отступления 8-й армии дает свидетельство бывшего Генштаба генерал-майора М. В. Фастыковского, содержащееся в его показаниях на следствии в ноябре 1937 г.:

«Вскоре было получено распоряжение о назначении меня Помощником Командарма 8. Это было, примерно, в октябре 1919 г.

Не без риска попасть в лапы белых, производивших в это время нажим в районе Борисоглебска, через который лежал мой путь, я добрался до Штарма³¹⁹ 8, находившегося в небольшом городке (или большом селе), название которого не помню, верстах в 60–80 восточнее Воронежа. Армия состояла из 5 дивизий; причем связь с 3-мя правофланговыми дивизиями командарму организовать никак не удавалось, а потому управление армией было до крайности затруднено. Командарм Сокольников предложил мне отправиться в Воронеж и, организовав связь с 3-мя правофланг[овыми] дивизиями, взять в свои руки управление ими. Получив в свое распоряжение вагон и порученца, я отправился в Воронеж. Пришлось дневать и ночевать на телеграфе, чтобы заставить его работать, как надо; пришлось самому ходить с ремонтными колоннами и выставлять охрану телеграфных проводов, которые все время находились под угрозой порчи со стороны укрывшихся в окрестностях Воронежа наших врагов. Вскоре все было налажено прочно, и командарм 8 ежедневно получал из моего вагона телеграфную оперативную сводку о 3-х правофланговых дивизиях. Были налажены мною и некоторые другие вопросы. Командарм благодарил меня за работу, разговаривал со мной по телеграф[ному] аппарату, а затем подчеркнуто благодарил во время своего приезда в Воронеж. Вскоре Воронеж связался прочной связью и с 2-мя левофланговыми дивиз[иями]. Штарм 8 перешел в Воронеж. Ввиду болезни н[ачальни]ка штарма³²⁰ Сокольников уговорил меня принять должность н[ачальни]ка штарма. После победы т. Буденного под Касторной (12-я дивизия 8-й армии была соседкой Конной армии слева) началось наступление 8-й армии»³²¹. При этом, очевидно, подследственный Фастыковский отнюдь не намеревался сгущать краски. Тем не менее хаос в управлении армией, пусть и осторожным языком, его свидетельство отчетливо передает.

³¹⁸ Егоров А. И. Указ. соч. С. 294.

³¹⁹ Штарм — штаб армии (телеграфное сокращение).

³²⁰ Т. е. начальника штаба армии.

³²¹ Голдин В. И. Лихолетье. Судьба генерала М. В. Фастыковского: русский офицер, секретный агент, узник НКВД. Архангельск, 2006. С. 179–180. Сверено с оригиналом: Архив Регионального управления ФСБ РФ по Архангельской области. Д. П-14 080. *Фастыковский М. В. Л.* 19 об.–20.

Закончить характеристику этого периода истории 8-й армии можно менее критической оценкой участника событий, призванной уравновесить отрицательные отзывы. По этому свидетельству, «разрезываемая рейдами на части, поворачивая фронт чуть ли не во все стороны, отрезанная от снабжения тыла вследствие перерыва коммуникаций, извиваясь под ударами сильнейшего врага, 8-я армия сдерживала напор белых в то время, как 9-я и 13-я армии далеко откатились к северу»³²².

В качестве итога можно констатировать, что августовское наступление центральной части советского Южного фронта, которую занимала группа Селивачёва, не только провалилось в начале сентября, но затем в результате перехода инициативы к белым и активных действий их конницы в красных тылах (причем не только в ходе рейда Мамантова, но и позднее) превратилось в настоящую катастрофу, в особенности на фронте 8-й армии. Как единое целое группа Селивачёва фактически перестала существовать уже 13 сентября 1919 г., когда командующий группой смертельно заболел, не назначив преемника.

Провал наступления привел и к кадровым перестановкам. Еще 28 сентября 1919 г. один из членов РВС Южного фронта, Г. Я. Сокольников или Л. П. Серебряков, предлагал Ленину и Троцкому срочно заменить командующего фронтом:

«Отозвание командюжа Егорьева необходимо в кратчайший срок. Растерянность и неуверенность Егорьева погубят любую операцию так же, как была загублена харьковская (приказ об отходе, когда наши разъезды были в 10 [верстах] от Харькова, путь перед двумя дивизиями на Харьков открыт, Волчанск прочно занят 12 див., и от Белгорода части 42 див. были в 3-х верстах).

Заменив Егорьева предлагаю нынешним командармом 10 — Клюевым,³²³ который политически внушает полное доверие, а в смысле оперативных и административных способностей, несомненно, представляет незаурядную величину»³²⁴.

Думается, не случайно в начале октября 1919 г. красные сменили командующего Южным фронтом, назначив вместо В. Н. Егорьева А. И. Егорова, а через несколько дней был заменен и начальник штаба фронта (вместо Н. В. Пневского им стал Н. Н. Петин). Командующим 8-й армией стал в целях спасения этой армии большевик Г. Я. Сокольников (Бриллиант).

---

³²² Богучарцы. С. 127.

³²³ Речь шла о бывшем Генштаба подполковнике Леониде Лавровиче Клюеве (04.08.1880–29.01.1943).

³²⁴ РГВА. Ф. 33 987. Оп. 2. Д. 89. Л. 160.

Самое удивительное, что эта катастрофа в сентябре — начале октября 1919 г. так и не позволила белым достичь своей цели в виде захвата советского центра. Уже в октябре 1919 г. на Южном фронте произошел перелом в пользу РККА, позднее приведший к разгрому антибольшевистских сил юга России. Не помогло белым, как гипотетическое, в случае Селивачёва, так и вполне реальное в некоторых других случаях содействие со стороны бывших офицеров, служивших в РККА в качестве военспецов, в том числе на руководящих постах³²⁵. Генштаба генерал-майор А. А. фон Лампе впоследствии отмечал в своем дневнике: «А если правы те, кто говорит, что красные начальники играли в поддавки, то как же надо объяснить все же наше конечное поражение... Выходит уж очень плохо»³²⁶.

Фактически у белых для успешного осуществления планов «похода на Москву» просто не хватило сил, причем настолько, что даже связанная с огромным риском и самопожертвованием помощь им со стороны некоторых военачальников и штабистов Красной армии не смогла переломить эту ситуацию. Можно согласиться с бывшим Генштаба полковником Н. Е. Какуриным, по оценке которого «начиная с сентября 1919 г. стратегия белого командования уже не основывается на данных действительной обстановки и строгого учета сил, а является игрой азартного игрока, надеющегося одним ударом сорвать ставку крупной игры»³²⁷. Однако надежды так и остались надеждами.

Версия сознательного срыва наступательной операции Селивачёвым или его сотрудниками, затем бежавшими из РККА, представляется куда более правдоподобной, чем ее продолжение в виде версии о намеренном убийстве бывшего генерала кем-то из комиссаров. К сожалению, известные нам документы пока не позволяют утверждать что-то более определенно. Однако 2 октября 1919 г. на заседании РВСР обсуждался вопрос о материальном обеспечении семьи умершего Селивачёва, причем постановили до разрешения в ближайшем будущем вопроса о пособии семье сохранить за ней жалование военспеца³²⁸. Если бы речь шла о заведомом изменнике, скорее всего, подобный вопрос даже не ставился бы на обсуждение, следовательно, советские политические и военные руководители (в заседании участвовали Л. Д. Троцкий, И. В. Сталин, Э. М. Склянский, С. И. Гусев, С. С. Каменев, П. П. Лебедев) не считали Селивачёва изменником, хотя, возможно, он так и не был разоблачен³²⁹.

³²⁵ Подробнее см.: Ганин А. В. Саквояж генерала А. М. Зайончковского.

³²⁶ ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 10. Л. 31.

³²⁷ Какурин Н. Е. Как сражалась революция. Т. 2. 1919–1920 гг. С. 276.

³²⁸ Реввоенсовет Республики. Протоколы. 1918–1919 гг. С. 422.

³²⁹ Подробнее о положении семьи Селивачёва в советский период см. приложение 3.

В дневнике Селивачёва за 1901 г. имеется эпитафия: «Жить сознательно, значит отдавать себе отчет во всех явлениях своей жизни». Быть может, подобную сознательность он и проявил, пожертвовав собой во имя борьбы с большевиками в 1919 г. Впрочем, пока это только предположение. В нашей работе мы показали, что серьезных документальных подтверждений изменническим действиям бывшего генерала нет, а его внезапная смерть, по-видимому, носила естественный характер. Однако, если провал наступления Селивачёва, катастрофа 8-й армии и массовые измены ее штабных работников осенью 1919 г. все же не были случайным совпадением, возможно, речь идет о крупнейшем в истории РККА этого периода военном заговоре целого коллектива ответственных оперативных сотрудников. Нам удалось лишь отчасти приоткрыть завесу тайны, окутавшей эти события, но по-прежнему в них больше вопросов, чем ответов. Имеющийся документальный материал не позволяет однозначно ответить на все поставленные вопросы. Поэтому нельзя исключать, что череда необъяснимых происшествий сентября — октября 1919 г. в группе Селивачёва и в штабе 8-й советской армии так и останется загадкой для историков. Возможно, уже навсегда...

Приложение 1

Письмо И. Я. Врачева в редакцию «Военно-исторического журнала» по поводу спорных моментов биографии вр. и. д. командующего 8-й советской армией А. И. Ратайского. 31 марта 1966 г.

Копия³³⁰

В Редакцию «Военно-исторического журнала» товарищу В. Д. Поликарпову³³¹

Уважаемый Василий Дмитриевич!

---

³³⁰ Вписано от руки И. Я. Врачевым.

³³¹ Поликарпов Василий Дмитриевич (13.03.1918–22.03.2008) — известный советский историк, доктор исторических наук (1979), профессор, специалист по истории Гражданской войны. В 1939–1968 гг. — на службе в Советской армии. Участник Великой Отечественной войны. Окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе (1951). Полковник. Сотрудник редакции «Военно-исторического журнала». В 1968–1991 гг. — сотрудник института истории СССР АН СССР. Автор книг «Павел Степанович Нахимов» (1960), «Бурям навстречу» (1961), «Пролог гражданской войны в России» (1976), «Начальный этап гражданской войны: история изучения» (1980), «Военная контрреволюция в России. 1905–1917» (1990).

Покойный А. И. Тодорский³³² рассказывал мне, как крепко Вы позаботились о реабилитации Б. М. Думенко³³³. Хочу привлечь Ваше внимание еще к одному, менее сложному делу. Я имею в виду одного старого военного специалиста, добросовестно служившего в Красной Армии и после своей смерти почему-то причисленного... к нашим врагам. Речь идет об А. И. Ратайском³³⁴. Вокруг его имени произошли случайные и нехорошие наслоения.

³³² Тодорский Александр Иванович (01.09.1894–27.08.1965) — родился в селе Деледино Весьегонского уезда Тверской губернии в семье священника. Окончил Краснохолмское духовное училище, обучался в Тверской духовной семинарии (не окончил), на Высших коммерческих курсах в Санкт-Петербурге (не окончил), окончил Ораниенбаумскую школу прапорщиков (1914–1915), военную академию им. М. В. Фрунзе (1924–1927). Писарь Тверского окружного суда. С началом Первой мировой войны добровольцем пошел на фронт. Участник Первой мировой войны. В 295-м пехотном Свирском полку. Младший офицер, начальник полковой саперной команды 24-го Сибирского стрелкового полка. Последнее звание в старой армии — капитан. Награжден шестью орденами. Избран председателем полкового комитета (1917). Командир V Сибирского армейского корпуса (с 11.1917). Начальник гарнизона г. Кременец в период немецкой оккупации (1918). После демобилизации вернулся в Весьегонск, редактор уездной газеты. Член РКП(б) с 06.1918. Зав. отделом агитации Весьегонского комитета РКП(б). Редактор газеты «Известия Тверского губисполкома» (1919). Добровольно поступил в РККА с 08.1919. Участник Гражданской войны. Помощник начальника штаба 39-й стрелковой дивизии по оперативной части, командир 2-й бригады 38-й стрелковой дивизии, командир 1-й бригады 20-й стрелковой дивизии, начальник 32-й стрелковой дивизии. Командующий Карабахско-Зангезурской группой войск. Заместитель Народного комиссара по военным и морским делам Азербайджанской ССР. Командир 2-й Кавказской стрелковой дивизии. Помощник командующего войсками и член РВС Туркестанского фронта, командующий Ферганской группой войск. Председатель центрального партийного бюро военной академии им. М. В. Фрунзе. Помощник командующего войсками Белорусского военного округа. Начальник штаба и начальник управления военно-учебных заведений РККА. Заместитель начальника Главного управления РККА. Посетил Германию (1928) и Италию (1934) в составе группы командиров. Начальник и комиссар Военно-воздушной академии им. Н. Е. Жуковского (с 1933). Комкор (1935). Начальник управления высших военно-учебных заведений РККА (с 08.1936). Член Военного Совета при наркомате обороны СССР. Уволен из РККА по политическому недоверию (17.09.1939). Арестован (19.09.1938). По обвинению в принадлежности к военному заговору в РККА и во вредительстве приговорен Военной коллегией Верховного Суда СССР к 15 годам лагерей (04.05.1939). Отбывал срок в Ухто-Ижемском (Коми АССР) и Озерном (Иркутская область) лагерях. В ссылке в Красноярском крае (с 06.1953). Реабилитирован определением Военной коллегии Верховного Суда СССР 19.03.1955. Освобожден из ссылки (12.04.1955). После реабилитации присвоено звание генерал-лейтенанта. В отставке. Умер в Москве. Похоронен на Новодевичьем кладбище. Награды: ордена Красного Знамени РСФСР (1921, 1923), орден Красного Знамени Армянской ССР (1924), орден Красного Знамени Азербайджанской ССР (1924), орден Красной Звезды (1936).

³³³ Думенко Борис Моисеевич (1888–11.05.1920) — родился в семье украинского крестьянина-бедняка хутора Хомутец-Казачий Области войска Донского. Участник Первой мировой войны. Вахмистр. Участник Гражданской войны. Организовал и возглавил партизанский отряд в хуторе Веселом (весна 1918), командир батальона 3-го сводного крестьянского социалистического полка. Командир 1-го кавалерийского крестьянского социалистического полка (с 07.1918). Командир 1-й Донской советской кавалерийской бригады (с 09.1918). Начальник 1-й сводной кавалерийской дивизии (с 11.1918). Сражался на Южном фронте. Помощник начальника штаба 10-й армии по кавалерийской части (с 03.1919). Член РКП(б) с 1919. Командующий группой войск 10-й армии (05.1919). Тяжело ранен (05.1919). Командир Сводного кавалерийского корпуса (с 09.1919). Участник взятия Новочеркасска (01.1920). Осужден и расстрелян в Ростове-на-Дону по ложному обвинению. Награды: орден Красного Знамени (1919), почетное революционное оружие.

³³⁴ Ратайский Андрей Иосифович (28.11.1870–?) — военный специалист РККА. Учился в Санкт-Петербургской гимназии (курс не окончил), окончил Одесское пехотное юнкер-

Дело в том, что после 1937 года в какой-то брошюре имя Ратайского было отнесено к врагам народа. Вероятно поэтому в первой книге С. М. Буденного «Пройденный путь» говорится о Ратайском как о перебежчике в стан белых. А воронежский писатель М. Булавин в своем романе «Богучарцы», назвав Ратайского бывшим царским генералом, изобразил его как заведомого шпиона, являвшегося представителем белогвардейцев... в штабе 8-й армии.

Меня это поражало, так как я сохранил в памяти Ратайского как добросовестного военного специалиста, лояльно относившегося к Советской власти. Я знал его с 1918 года. В августе 1918 года я был назначен военным комиссаром 3-й Воронежской пехотной дивизии, преобразованной в октябре того же года в 13-ю стр. дивизию. Начальником дивизии был А. И. Ратайский.

Мое положительное мнение о Ратайском разделяет и бывший комиссар 12-й стр. дивизии и комиссар штаба 8-й армии И. А. Чуев. Он передавал мне, что и бывший заместитель начальника политотдела 8-й армии тов. Алексева удивляется, как это имя Ратайского причислено к изменникам.

Я помню, что вопрос о Ратайском возникал среди членов Военно-исторического общества (в группе 8-й армии). Покойный М. М. Пурьжинский, порывшись в архивах, нашел два приказа войскам 8-й армии осени 1919 года, после рейда Мамонтова. В одном приказе объявлялось, что бывшего вр. и. д. командующего армией Ратайского следует считать пропавшим без вести, а в другом, во изменение предыдущего, — попавшим в плен.

Недавно я запросил генерал-лейтенанта Б. К. Колчигина³³⁵ (с которым состою в переписке), что ему известно о Ратайском. Ответ пришел такой.

ское училище по 1 разряду, На службе с 29.05.1890. Подпоручик (со ст. с 01.09.1893), поручик (со ст. с 01.09.1897), штабс-капитан (со ст. с 01.09.1901), капитан (со ст. с 01.09.1905), подполковник, полковник (со ст. с 08.12.1915). На службе в 1-м Лейб-гренадерском Екатеринбургском полку. Участник кампании 1900–1901 гг. и русско-японской войны (оборона Порт-Артура), ранен, причислен к 3-му классу раненых. В 13-м Сибирском стрелковом полку. Участник Первой мировой войны. Участник Гражданской войны. На службе в РККА. Командующий 8-й армией (вр. и. д., 03.07–12.10.1919). Инспектор пехоты Юго-Западного фронта, назначен в распоряжение управления по формированию войск Юго-Западного фронта (с 29.02.1920). Награды: орден Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» (1901), Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом (1904), Св. Станислава 2-й ст. с мечами (1904), Св. Анны 2-й ст. с мечами (1905), Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом (1905).

³³⁵ Колчигин Богдан Константинович (03.12.1895–25.10.1976) — родился на хуторе Копанка Изюмского уезда Харьковской губернии (по др. данным — в Киеве). Генерал-майор (с 04.06.1940), генерал-лейтенант (с 05.03.1944). Кандидат военных наук, доцент. В русской армии с 05.1914. Окончил 1-й Московский кадетский корпус (1904), ускоренный курс Александровского военного училища (1914), Военные академические курсы высшего начсостава, КУВНАС при Военной академии РККА им. М. В. Фрунзе (1928). Участник Первой мировой войны на Юго-Западном и Западном фронтах. Капитан. На службе в Лейб-гвардии Литовском полку. Избран солдатами командиром батальона, затем полка. В РККА (с 1918). Участник Гражданской войны. Командир 1-й бригады 1-й Воронежской стрелковой дивизии (с 06.1918), начальник 3-й Воронежской пехотной дивизии, преобразованной в 13-ю стрелковую. Командовал 41-й стрелковой дивизией (с 04.1919), начальник экспедиционной дивизии 8-й армии Южного фронта (с 05.1919), командовал 1-й рабочей Московской, 13-й (с 06.1919) стрелковыми дивизиями, отдельной образцовой ударной

А. И. Ратайский был скромным человеком. В царской армии он лет пятнадцать командовал ротой. Дослужился до полковника. Был в родственных отношениях с крупнейшим военным специалистом Красной Армии П. П. Лебедевым. Б. К. Колчигин встретился с Ратайским в Москве, на Арбатской площади, в 1922 году (подчеркнуто автором. — А. Г.). Ратайский пригласил Колчигина к себе домой (жил Ратайский на Большом Конюшенном переулке, а работал в каком-то гражданском учреждении). Второй раз Б. К. Колчигин встретился с Ратайским также в Москве, на Моховой улице, в 1928 году. Ратайский сообщил, что ему установлена пенсия за его службу в Красной Армии, но он все еще работает в тресте (каком — Колчигин не запомнил) консультантом.

В 1933 году Б. К. Колчигин встретился в Наркомате обороны с сыном Ратайского, работавшим в Военно-топографическом управлении. Он сообщил о смерти отца.

Когда вышла книга С. М. Буденного «Пройденный путь», Б. К. Колчигин сообщил обо всем этом (в отношении А. И. Ратайского) и по другим ошибочным и неточным моментам труда автору книги и получил ответ от секретаря маршала, что С. М. Буденный признал, что представленный ему материал написан со знанием дела и что он будет учтен при переиздании книги. Но 1-я книга «Пройденного пути» пока еще не переиздавалась.

Запрошенный мною по этому вопросу повторно Б. К. Колчигин ответил, что он написал «то, за что готов нести всегда ответственность» и что он не возражает против ссылки на его письмо в печати.

Хочется привести еще одно свидетельство в пользу Ратайского. В 40-й дивизии в 1919 году командовал 2-й бригадой квалифицированный и честный пожилой военный специалист В. В. Страхович³³⁶. Я хорошо его помню,

бригадой 8-й армии (с 11.1919). Командующий войсками Донской области (с 03.1920). Начальник 2-й Донской стрелковой дивизии (с 05.1920). Вр. и. д. командующего войсками Витебского района (с 09.1921). Командовал 5-й (с 01.1922), 52-й и 11-й стрелковыми дивизиями. Помощник инспектора пехоты РККА (с 07.1929). Военный руководитель Московского государственного института журналистики (с 07.1931), начальник отдела управления механизации и моторизации РККА (с 11.1932), начальник кафедры общей тактики Военной технической академии связи им. В. Н. Подбельского (с 01.1935), для особых поручений при командующем ОКДВА (с 02.1936). Преподаватель кафедры общей тактики Военной академии РККА им. М. В. Фрунзе (с 08.1937), позднее — начальник кафедры. Начальник кафедры общей тактики Высшей военной школы ПВО Красной армии (с 06.1941). Участник Великой Отечественной войны. Заместитель командующего 4-й резервной армией (с 09.1942), 3-й гвардейской армией Юго-Западного фронта (03–05.1943). Освобожден от должности по несоответствию, назначен командиром 34-го стрелкового корпуса (05.1943). Командир 96-го стрелкового корпуса (с 01.1944). Командир 7-го гвардейского стрелкового корпуса 2-го Прибалтийского фронта (с 02.1944). Ранен в боях за г. Пустошка. С 06.1945 г. в отставке по болезни. Награды: орден Красного Знамени (трижды — 1919 г., 1923 г.), орден Ленина, орден Кутузова 2-й ст. (1944), Суворова 2-й ст., медалями.

³³⁶ Страхович В. В. — военный специалист РККА. Командир 2-й Кубанской бригады 33-й стрелковой дивизии. Командир 2-й бригады 40-й Богучарской стрелковой дивизии (с 28.07.1919).

так как был в то время комиссаром 40-й дивизии. В своих воспоминаниях В. В. Страхович пишет:

«3 сентября в 11 часов из штарма, расположенного в Лисках, прибыл ординарец с личным приказанием командарма Ратайского: немедленно прибыть с бригадой в Лиски. В 12 часов бригада уже выступила. Дорога была тяжелая, моросил дождь; обогнав бригаду, я поспешил в Лиски, в штаб. Оказалось, что весь штаб уже выбыл в Воронеж, и только командарм ожидал моего прибытия. По имевшимся сведениям, Мамонтов намеревался 4 сентября занять Лиски, стремясь тем самым прервать связь фронта с тылом.

Последними словами командарма были: «Умрите, но Лиски должны быть в наших руках». С этими словами командарм выбыл на бронепоезде в Воронеж»³³⁷.

Книга, в которой помещены воспоминания В. В. Страховича, была подготовлена к изданию Испартотделом Обкома ВКП(б) ЦЧО³³⁸ и вышла в 1933 году. Если бы Ратайский совершил изменнический поступок, мог ли не знать об этом Отдел истории партии и Октябрьской революции Обкома? Не подлежит сомнению, что версия об измене и предательстве Ратайского вошла в оборот после трагических событий 1937–1938 годов. Кого тогда только не зачисляли в списки «врагов народа»! Мне, например, пришлось читать объемистый «труд» некоего Н. Д. Головачева (к счастью, не изданного), в котором объявлялись предателями и врагами М. Н. Тухачевский, И. П. Уборевич, В. И. Шорин, А. И. Егоров, М. М. Лашевич, Г. Я. Сокольников, В. М. Гиттис,³³⁹ И. Э. Якир; делались выпады против такого крупнейшего и безупречного деятеля партии, как С. И. Гусев; возводились поклепы на бывшего Главкома С. С. Каменева.

Пора снять темное пятно с памяти крупного военного специалиста, добросовестно послужившего в Красной Армии в период ее зарождения и становления и в ходе смертельной схватки с белогвардейцами на Юге. Но как это сделать? Не смогли бы Вы, Василий Дмитриевич, оказать содействие? Может быть, окажется полезным открытое письмо по этому поводу Б. К. Колчигина? А куда? В Ваш журнал или в «Красную звезду»?

---

³³⁷ «Богучарцы. К истории 40-й Богучарской дивизии. Книгоиздательство «Коммуна», Воронеж, 1933, стр. 165» (прим. автора). Автор неточен, т. к. 13 сентября командование армией вновь было передано Ратайскому в связи с болезнью Селивачёва. Более того, А. И. Ратайский указан в приказе РВСР по личному составу № 278 от 6 июня 1920 г. как инспектор пехоты Юго-Западного фронта, назначенный в распоряжение управления по формированию войск Юго-Западного фронта с 29 февраля 1920 г. Таким образом, если Ратайский и находился в плену или пропал без вести осенью 1919 г., то на конец февраля 1920 г. вновь числился в РККА (подробнее см.: Приказы РВСР по личному составу. 1920 г.)

³³⁸ ЦЧО — Центрально-Черноземной области.

³³⁹ В документе ошибочно указано — В. В. Гиттис.

С приветом и уважением
31 марта 1966 г.
Адрес:³⁴¹
Иван Яковлевич Врачев

И. Врачев³⁴⁰

РГВА. Ф. 40 874. Оп. 22. Д. 9. Л. 1-2об. *Заверенная машинописная копия.*

Приложение 2

Хроника событий (июль – октябрь 1919 г.)

23 июля — директива главкома С. С. Каменева с планом разгрома войск А. И. Деникина.

27 июля — телеграмма председателя РВСР Л. Д. Троцкого председателю СНК В. И. Ленину с предложением назначить бывшего генерала В. И. Селивачёва помощником командующего Южным фронтом, а затем командующим фронтом.

30 июля — назначение Селивачёва на пост помощника командующего Южным фронтом.

3 августа — письмо Троцкого в ЦК РКП (б) по поводу назначения Селивачёва и подготовки наступления на Южном фронте. Критика направления главного удара, предложенного Каменевым.

Начало августа — назначение Селивачёва командующим группой войск в составе 8-й и части 13-й армий с сохранением должности помощника командующего Южным фронтом.

10 августа — 19 сентября — рейд IV Донского конного корпуса генерал-лейтенанта К. К. Мамантова по красным тылам.

³⁴⁰ Врачев Иван Яковлевич (14.04.1898 — после 1990) — родился в Екатеринодаре в семье кочегара и прачки. Окончил 3 класса церковно-приходской школы. Член РСДРП (б) с 03.1917. В 58-м пехотном запасном полку (Воронеж, 1917). Член ВЦИК. Участник Гражданской войны. Военный комиссар 3-й Воронежской пехотной дивизии (с 08.1918), 13-й стрелковой дивизии, 40-й Богучарской стрелковой дивизии (05.11.1919–20.03.1920). Помощник командующего Кавказской трудовой армией по политчасти (1920–1921). Помощник командующего и командующий войсками Ферганской области (1922). Начальник политуправления Отдельной Кавказской армии (с 1922). Исключен из партии как троцкист (1927), восстановлен (1930) и вновь исключен (1936). В ссылке (1937). Участник Великой Отечественной войны. Арестован (1949) и осужден Особым совещанием на 25 лет лишения свободы. Освобожден и реабилитирован (1956). Награды: орден Красной Звезды, медаль «За боевые заслуги» и др.

³⁴¹ Не публикуется. — А. Г.

14 августа — начало наступления советского Южного фронта на участке Особой группы В. И. Шорина.

15 августа — начало наступления советского Южного фронта на участке группы Селивачёва.

25 августа — занятие красными Волчанска и Купянска.

26 августа — переход соединений ВСЮР в контрнаступление против группы Селивачёва.

26 августа — 2 сентября — бои в районе Валуйки — Купянск — Волчанск.

2 сентября — оставление красными Купянска, начало отступления группы Селивачёва на линию Короча — Новый Оскол — Алексеевка.

5 сентября — телеграмма Троцкого и членов РВС Южного фронта Л. П. Серебрякова и М. М. Лашевича главкому Каменеву с копией в ЦК РКП (б) о переносе центра тяжести операции Южного фронта на курско-воронежское направление и с требованием назначить Селивачёва командующим Южным фронтом. Назначение отложено из-за перерыва связи.

6 сентября — телеграмма Ленина Троцкому, Серебрякову и Лашевичу с протестом от имени Политбюро против пересмотра плана операции.

7–15 сентября — бои в районе Новый Оскол — Бирюч.

7 сентября — принятие Селивачёвым на себя временного командования 8-й армией, передача управления группой А. И. Ратайскому.

Около 8 сентября — потеря советским командованием связи с Селивачёвым.

11 сентября — взятие Воронежа конницей Мамантова.

11 сентября — обсуждение ситуации в группе Селивачёва на заседании Политбюро ЦК РКП (б), предложение командировать к Селивачёву чекиста Я. Х. Петерса для предотвращения измены.

12 сентября — протест Троцкого против командирования Петерса.

12 сентября — взятие белыми Обояни.

13 сентября — начало тяжелой болезни Селивачёва, фактическое прекращение существования его группы.

16 сентября — записка Ленина С. И. Гусеву по ситуации у Селивачёва.

16 сентября — записка Ленина Троцкому, Серебрякову и Лашевичу по ситуации у Селивачёва, предложение командировать Серебрякова комиссаром к Селивачёву.

17 сентября — телеграмма Троцкого Серебрякову и Лашевичу об отсутствии связи с Селивачёвым.

17 сентября — пленение белыми помощника начальника штаба 16-й стрелковой дивизии по оперативной части слушателя академии Генштаба РККА Н. В. Миронцева.

17 сентября. Около 23.00 — смерть Селивачёва в селе Костомаровка на Дону от острого желудочно-кишечного заболевания.

18 сентября — объединенное заседание Политбюро и Оргбюро ЦК РКП (б). Решение отменить командировку Серебрякова к Селивачёву в связи со смертью последнего.

В ночь 18–19 сентября — исчезновение вр. и. д. начальника штаба 8-й армии Генштаба А. С. Нечволодова с супругой Е. К. Нечволодовой из штаба армии в селе Костомаровка.

20 сентября — взятие белыми села Костомаровка, взятие белыми Курска.

21 сентября — взятие белыми Острогожска.

22 сентября — запрос Троцкого Серебрякову о причинах смерти Селивачёва.

28 сентября — взятие белыми Землянска.

30 сентября — взятие белыми Воронежа.

2 октября — заседание РВСР, на котором был положительно решен вопрос о материальном обеспечении семьи Селивачёва.

2 октября — бегство к белым начальника разведывательного отделения штаба 8-й армии Генштаба В. А. Желтышева и вр. и. д. начальника штаба армии Генштаба В. Ф. Тарасова при переводе полевого штаба 8-й армии из Усмани в Колодезную (севернее Воронежа). Вр. и. д. начальника штаба 8-й армии стал Г. С. Горчаков.

4 октября — бегство к белым начальника оперативного отдела штаба 8-й армии Б. П. Лапшина.

После 5 октября — исчезновение начальника тылового штаба армии Генштаба В. В. Вдовьева-Кабардинцева при отступлении 8-й армии.

Приложение 3

Положение семьи В. И. Селивачёва после Гражданской войны

Нельзя не остановиться на положении семьи Селивачёва после его смерти. Нам посчастливилось обнаружить уникальное пенсионное дело вдовы бывшего генерала, в котором содержатся ценные свидетельства о службе Селивачёва и, особенно, о трудной жизни его близких в советских условиях.

Как помощник командующего Южным фронтом Селивачёв получал месячный оклад в 4000 руб., которым был обеспечен по 1 сентября 1919 г. Уже после смерти Селивачёва 6 октября 1919 г. были утверждены новые оклады по 6000 руб. Селивачёву как помощнику командующего фронтом и В. И. Шорину как командующему Особой группой. Кроме того, с 1 сентября 1919 г. по декрету СНК от 11 сентября оклад Селивачёва должен был возрасти на 20%³⁴². Троцкий был благодарным человеком и в приказе по Полевому штабу РВСР № 290 от 13 октября 1919 г. распорядился сохранить за семьей Селивачёва жалование из оклада в 6000 руб.³⁴³

6 июня 1922 г. на заседании центральной комиссии по назначению усиленной пенсии было решено установить за заслуги Селивачёва усиленное пенсионное обеспечение его вдове. Об этом в марте 1922 г. ходатайствовали известные советские военные работники В. Н. Егорьев, А. А. Самойло и Э. М. Склянский. До 1 декабря 1924 г. вдова Селивачёва Мария Федотовна получала персональную пенсию в 93 руб. 14 ноября 1924 г. центральной комиссией по назначению персональных пенсий и пособий была установлена пенсия вдове Селивачёва в размере 50 руб. Решением от 9 декабря 1934 г. с 1 января 1935 г. размер пенсии был повышен до 100 руб., с 1 мая 1936 г. пенсия составила 125 руб., а с 1 марта 1937 г. — 200 руб. (позднее увеличена с этого же числа до 214 руб.)³⁴⁴. Однако даже персональная пенсия республиканского значения не давала возможности свободно существовать вдове бывшего генерала.

Направляя ходатайство о выдаче пенсии в РВС СССР, Мария Федотовна писала не без преувеличений: «Т. Селивачёв первый из высшего командного состава старой армии перешел в ряды Красной Армии и благодаря своему высокому образовательному цензу и исключительной преданности делу русской революции оказал перед ней огромные заслуги. Т. Селивачёв бывш[ий] командующий Южным фронтом»³⁴⁵.

По данным на октябрь 1925 г., вдова Селивачёва занимала комнату в 3,7 квадратных сажени (16,8 м²) с оплатой 1 руб. 85 коп. в месяц. Мебель имелась только самая необходимая³⁴⁶. На иждивении Селивачёвой находилась мать — А. И. Гордиевская (1846 года рождения), проживавшая в Ленинграде. Позднее Селивачёва усыновила собственного внука — Ивана Дмитриевича

---

³⁴² ГА РФ. Ф. А-539. Оп. 3. Д. 419. Л. 48.

³⁴³ Там же. Л. 49.

³⁴⁴ Там же. Л. 10б., 27.

³⁴⁵ Там же. Л. 2. Селивачёв не был ни первым представителем высшего комсостава старой армии, перешедшим к красным, ни командующим Южным фронтом.

³⁴⁶ Там же. Л. 29.

Зуева,³⁴⁷ родившегося в 1928 г., в документах 1941 г. было отмечено, что ее внук — круглый сирота³⁴⁸.

23 ноября 1934 г. М. Ф. Селивачёва обратилась в комиссию СНК РСФСР по назначению персональных пенсий при Наркомсобесе РСФСР с заявлением: «Не имея особо острой нужды, я не считала себя правой возбуждать в последующие годы вопрос об увеличении пенсии и кое-как перебивалась, удовлетворяя небольшие свои потребности. В настоящее время я вынуждена обратиться к Вам с просьбой об увеличении размера пенсии, так как существовать на 50 руб. исключительно тяжело, а реальной, систематической помощи от детей, имеющих свои семьи, я не имею возможности [получать], так как вполне сознаю их положение. Я очень прошу Вас дать мне возможность закончить свое существование, не завися от благотворительности. Мне сейчас 65 лет»³⁴⁹.

В документах 1934 г. было упомянуто нахождение на иждивении у М. Ф. Селивачёвой 10-месячной внучки,³⁵⁰ впрочем, в дальнейшем об этом уже не говорилось. Мария Федотовна вместе с внуком занимала одну комнату их прежней квартиры. Помимо пенсии она, по данным на 1940 г., подрабатывала вязанием для артели, что давало еще 30–40 руб. в месяц³⁵¹.

Тяжелая нужда вынудила Марию Федотовну вновь просить об увеличении пенсии весной 1940 г. На простом тетрадном листке она набросала следующее заявление:

³⁴⁷ Ксения Владимировна Селивачёва была замужем за Дмитрием Дмитриевичем Зуевым (1890–1931). Зуев был сыном генерала Д. П. Зуева, потомственным дворянином Псковской губернии. Окончил Пажеский корпус. Владел немецким и французским языками. Полковник Лейб-гвардии Преображенского полка. Командовал 1-й («государевой») ротой полка. Ранен в годы Первой мировой войны. В 1917 г. по приказу командира полка полковника А. П. Кутепова спрятал полковое знамя. В 1919 г. работал в Главном управлении архивным делом помощником управляющего 1-м отделением 3-й секции Единого государственного архивного фонда. В РККА служил в качестве военспец (с 09.1919). В Петроградском военном округе (до 1921). В штабе Бухарско-Ферганской группы войск (с 04.1922). Помощник начальника отдела войсковой подготовки штаба Ленинградского военного округа (с 05.1924). Начальник общего отдела инспектората Ленинградского военного округа (с 11.1925). Перевелся в Москву. Служил в 1-м оперативном управлении Штаба РККА (с 1926). Командирован в Германию по рекомендации М. Н. Тухачевского (1927). Работал преподавателем курсов усовершенствования высшего начальствующего состава. Преподаватель заочного отделения Военной академии РККА (на 1930). Секретный сотрудник ОГПУ (с 1923), участник операции «Трест». Спрятанное знамя было обнаружено сотрудниками ОГПУ в начале 1930-х гг., когда Зуев был арестован и расстрелян по делу «Весна». В семье было трое детей: Владимир, Дмитрий и Иван. Ксения Селивачёва тяжело болела с 1929 г. Подробнее см.: Протокол допроса Д. Д. Зуева 08.01.1931 // *Тинченко Я. Ю.* Голгофа русского офицерства в СССР 1930–1931 годы. М., 2000. С. 342; *Минаков С. Т.* Советская военная элита 20-х годов. Орел, 2000. С. 149–151.

³⁴⁸ ГА РФ. Ф. А-539. Оп. 3. Д. 419. Л. 4, 8.

³⁴⁹ Там же. Л. 27–27 об.

³⁵⁰ Там же. Л. 25.

³⁵¹ Там же. Л. 18.

«После смерти моего мужа, Владимира Ивановича Селивачёва, бывшего помощником командующего южным фронтом и погибшего на фронте 1920 г. (так в документе, правильно — в 1919 г. — А. Г.). В настоящее время я за него получаю 200 руб. пенсии. Будь я одна, я бы не смела беспокоить Вас своей просьбой, но у меня на руках внук, круглый сирота. Мальчик уже большой — 12 лет. Надо его одеть, обуть — покупка книг — тетрадей это уж для меня становится тяжело, тем более, что заработать мне по моему болезненному состоянию и возрасту (70 л.) почти невозможно. Поэтому прошу Вашего содействия не отказать мне, сколько возможно, в прибавке пенсии.

М. Ф. Селивачёва
11. IV 40 г.»³⁵²

Социальные службы отреагировали быстро. Уже 16 апреля 1940 г. было проведено обследование материально-бытовых условий М. Ф. Селивачёвой, по результатам которого был составлен следующий документ: «Акт обследования материально-бытовых условий [персональной]/п[ензионер]ки б[ез]/р[аботной] Селивачёвой М. Ф. 71 года, живет с внуком 12 лет, учащимся в средней школе. Пенсия 214 руб., на которые содержатся вдвоем. Слаба, всю зиму не выходит из квартиры; через силу обслуживает мальчика, нанимая помощницу, живущую в той же квартире, платит ей 20 руб. в м[еся]ц. Комната небольшая, плохо освещенная. Обстановка удручающе запущенная. Просьба об увеличении пенсии обоснованна. В. Кугушев. 16/IV-40 г.»³⁵³ Если таким было положение персональных пенсионеров республиканского значения, то остается только предполагать, в каких условиях существовали семьи репрессированных, не имевшие никаких привилегий.

В соседней комнате жила сноха Марии Федотовны — Надежда Львовна Селивачёва 1900 года рождения — жена «изъятого» (так в документе) органами НКВД в 1937 г. Бориса Владимировича Селивачёва, с дочерью Ириной 1928 года рождения³⁵⁴. Надежда Львовна делала цветы для «Всекохудожник» и другого треста, чем зарабатывала 500–600 руб. в месяц. Обследование бытового материального положения Селивачёвых 7 июня 1940 г. показало, что домашняя обстановка у обеих простая. Михаил Владимирович Сели-

³⁵² ГА РФ. Ф. А-539. Оп. 3. Д. 419. Л. 21–21 об.

³⁵³ Там же. Л. 20.

³⁵⁴ Бывший офицер Борис Владимирович Селивачёв перед арестом работал заведующим отделом наглядных пособий торгово-производственного сектора Московского зоопарка, был арестован 29.08.1937, приговорен тройкой УНКВД по Московской области 17.10.1937 к расстрелу по обвинению в «формировании вокруг себя лиц из социально-чуждой среды и высказывании антисоветских настроений среди окружающих», расстрелян 21.10.1937 и захоронен на Бутовском полигоне НКВД. Реабилитирован в июле 1956 (Жертвы политического террора в СССР. Компакт-диск. Изд. 4-е. М., 2007).

вачёв долгие годы добросовестно служил в советской военной авиации³⁵⁵. Будучи летчиком-испытателем Воронежского завода № 18, он трагически погиб 23 августа 1936 г.³⁵⁶ До своей гибели он оказывал матери помощь. Мать имела право на получение пенсии и за его заслуги. Младший сын бывшего генерала, Константин Селивачёв, на 1941 г. жил недалеко от матери, на Маросейке 7/8, кв. 21. Вдова Селивачёва в конце жизни болела — не могла ходить и скончалась за день до начала Великой Отечественной войны — 21 июня 1941 г.³⁵⁷

Разумеется, нельзя сказать, что семья бывшего генерала оказалась забыта советской властью. Наличие государственной поддержки служит еще одним доказательством того, что Селивачёв не был изобличен как белый агент и, вероятно, таковым не являлся. Тем не менее бытовые условия семьи бывшего генерала, несмотря на персональное пенсионное обеспечение его вдовы, были крайне тяжелыми.

---

³⁵⁵ *Е. Д. и В. Б.* Из авиационных воспоминаний // Часовой (Париж). 1930. № 46. 31.12. С. 9.

³⁵⁶ ГА РФ. Ф. А-539. Оп. 3. Д. 419. Л. 22–23.

³⁵⁷ Там же. Л. 9, 14.